

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2012**

Содержание

Стратификация, мобильность, миграция

- Синельников А.Б.*
Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством
в России и Западной Европе? 3
- Соколова Г.Н.*
Базовый слой белорусского общества: движение в будущее,
или возврат в советское прошлое? 19

Демография

- Блинова Т.В., Былина С.Г.*
Социальные детерминанты сокращения смертности сельского
населения: типологический анализ 34
- Новоселова Е.Н.*
Трансформация репродуктивного поведения россиян 50

Прикладные исследования

- Бабаева З.М., Вершинина М.И.*
Теоретико-методологические исследования этничности
и этнических конфликтов 61
- Масалков И.К.*
Клиника «парадоксов» в сфере общественно-политического
дискурса 70
- Новиков Д.В., Саламин Е.Е.*
Политическое сознание студентов: диалектика лояльности
и «безразличия» 78
- Сушко А.И., Сушко В.А., Шувалова О.А.*
Экология и качество жизни в Волгоградской области 83
- Титова Ю.М.*
Восприятие рекламы и потребительское поведение 94
- Цогоева Ф.Б.*
Традиционные формы религии в Северной Осетии-Алании 101
- Дзуцев Х.В.*
Электоральный портрет Северной Осетии 111

История социальной мысли

- Афанасьев В.В.*
Социология Гельмута Шельского 116
- Решетникова К.В.*
Исследования проблем управления в российских организациях:
исторический аспект 123
- Кравченко А.И.*
Теория некапиталистического развития А.Чаянова (часть 1) 136

Научная жизнь 156

Проект «Электронный научно-образовательный комплекс»
Кафедра Социальной структуры и социальных процессов
Кафедра Социологии религии и социальной антропологии

Дебют

- Вавилова И.Н.*
Психологические механизмы в становлении образа «Я» 169
- Сизинцев П.В.*
Религиозная философия и психология в Киевской Духовной Академии
во второй половине XIX века. 175

СТРАТИФИКАЦИЯ,

МОБИЛЬНОСТЬ, МИГРАЦИЯ

Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством в России и Западной Европе?

Синельников А.Б.

Статья основана на анализе опубликованной в открытом доступе в Интернете базы данных международного Европейского социального исследования, которое проводилось во многих странах, включая и Российскую Федерацию. Автор пришел к выводу о том, что в России, а также в Западной Европе иммигранты из мусульманских стран и их потомки могут стать большинством населения только в случае полной отмены ограничений на иммиграцию, что представляется крайне маловероятным.

Ключевые слова: иммиграция, ассимиляция, семья, поколения, религия

Sinelnikov A.B.

May Immigrants and their descendants may become a majority of population of Russia and Western Europe?

The article is based on analysis of Internet free database of ESS - international European Social Survey covering many countries including Russian Federation. Author's conclusion: immigrants from Moslem countries and their descendants may become a majority of population of Russia and Western Europe only after abolition of all the restrictions on immigration. The probability of such a perspective is very small.

Keywords: immigration, assimilation, family, generation, religion

Данная статья является продолжением предыдущей, в которой речь шла об отношениях между коренным населением России и Западной Европы, с одной стороны, и иммигрантами (главным образом из мусульманских стран), с другой [1]. На основе анализа данных Европейского социального исследования (ESS), в котором принимает участие и наша страна [2], было показано, что значительная часть россиян и западных европейцев выступают за резкое ограничение или даже за полный запрет иммиграции из бедных неевропейских стран. В свою очередь, немалая часть выходцев из этих стран и, в первую очередь, иммигранты-мусульмане, чувствуют негативное отношение к себе со стороны многих коренных жителей. Этот вопрос не решается даже при смене поколений: дети и внуки иммигрантов-мусульман объявляют себя дискриминируемой группой не реже, чем их отцы и деды.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос о том, не может ли массовая иммиграция в сочетании с высокой рождаемостью в семьях иммигрантов и низкой рождаемостью у коренных народов России и Западной Европы привести к тому, что эти

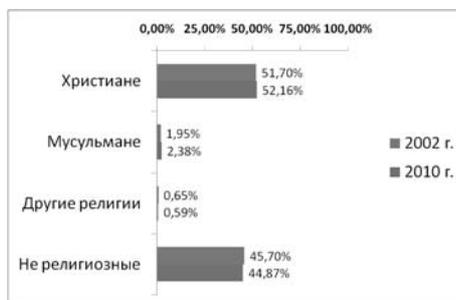

Рис. 1. Структура респондентов ESS (от 15 лет и старше) по религиозным убеждениям. Германия, 2002 и 2010 гг.

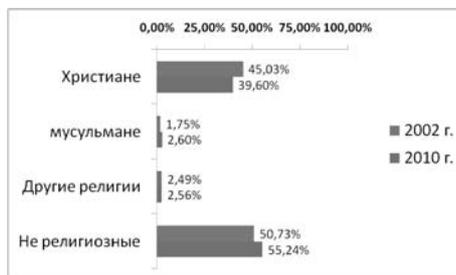

Рис. 2. Структура респондентов ESS (от 15 лет и старше) по религиозным убеждениям. Великобритания, 2002 и 2010 гг.

народы превратятся в национальные меньшинства в своих странах и сами подвергнутся дискриминации. Данная проблема часто обсуждается в СМИ и в публицистике, но, как правило, без серьезной аргументации статистического или социологического характера.

В странах Западной Европы доля мусульманского населения действительно растет, но не превышает нескольких процентов от общей численности населения.

В Германии с 2002 г. по 2010 г. доля христиан увеличилась среди респондентов ESS – с 51,7 до 52,16%. Доля мусульман тоже увеличилась с 1,95% до 2,38%. Доля представителей других религий незначительна и мало меняется – 0,65% в 2002 г. и 0,59% в 2010 г. Несколько уменьшилась доля респондентов, не принадлежащих ни к

одной из религиозных конфессий – с 45,70% в 2002 до 44,87% в 2010 г.

В Великобритании, в отличие от Германии, за эти же восемь лет наблюдалось довольно заметное сокращение доли христиан среди респондентов – с 45,03% до 39,60%. Одновременно повысилась доля мусульман – с 1,75 до 2,60%. Доля приверженцев других религий, среди которых преобладают выходцы из Индии, исповедующие индуизм осталась почти стабильной: 2,49% в 2002 и 2,56% в 2010 г. Но более всего выросла абсолютная и относительная численность людей, не исповедующих никакой религии вообще: – с 50,73% до 55,24%. Из половины населения они превратились в явное большинство. Именно это, а не распространение ислама и других восточных религий, стало главной причиной ослабления позиций христианства в стране.

Наиболее мусульманской страной в Западной Европе считается Франция, которая приняла миллионы иммигрантов из Алжира, Туниса, Марокко и других своих бывших колоний в Африке. К сожалению, вопрос о вероисповедании появился во французской анкете ESS лишь, начиная с 2006 года. Поэтому проследить динамику религиозного состава респондентов можно только за четыре года: 2006-2010.

В этот короткий период доля христиан среди респондентов изменилась незначительно: с 44,31 до 43,40%, что означает сокращение на 0,91%. При этом доля мусульман выросла с 3,37 до 3,94%, то есть, на 0,57%, а доля сторонников других религий – с 0,76 до 1,04%. Доля респондентов, не исповедующих никакой религии, составляет несколько более половины от общего их числа, но, в отличие от Англии, остается практически стабильной – 51,56% в 2006 г. и 51,62% – в 2010 г.

Таким образом, во Франции снижение доли христиан объясняется не распространением атеизма и агностицизма, а повышением доли сторонников ислама и других нехристианских религий.

Хотя во Франции проживает больше мусульман, чем в любой другой стране Западной Европы, доля их во всем взрослом населении (от 15 лет и старше) составляет, по данным ESS, менее 4%. Можно сделать поправку на вычисленные разработчиками ESS дизайн-весы, которые учитывают повышенные или пониженные шансы каждого из респондентов попасть в выборку. По взвешенным данным ESS, доля мусульман в 2010 г. составит в Германии 2,92%, в Великобритании – 3,84%, во Франции – 5,13%. Это несколько больше, чем по прямым данным.

В литературе встречаются и значительно более высокие оценки. О.Е. Трофимова [3] утверждает, ссылаясь на оценки французского МВД, что численность мусульман в этой стране в 2005 г. составляла 5-6 млн (9-10% всего населения)[4]. Численность мусульман в Германии она определяет в 3,4 миллиона (4% населения)[5], в Великобритании – от 1,7 до 2 млн (3% населения)[6]. Но в любом случае речь идет о сравнительно небольшой части населения, которая может превратиться в большинство лишь при драматическом развитии событий.

Наша страна участвует в Европейском социальном исследовании с 2006 г. По данным этого исследования для России, как и для Франции, проследить динамику религиозного состава респондентов можно лишь за четыре года (2006-2010).

В отличие от Англии, Франции, Германии и других стран Западной Европы, в России наблюдается значительный рост доли христиан сре-

Рис. 3. Структура респондентов ESS (от 15 лет и старше) по религиозным убеждениям. Франция, 2006 и 2010 гг.

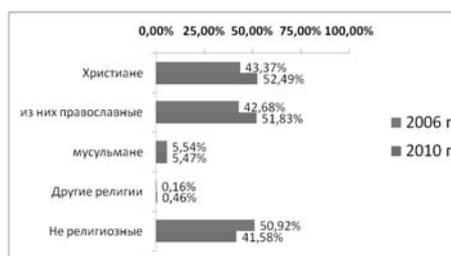

Рис. 4. Структура респондентов ESS (от 15 лет и старше) по религиозным убеждениям. Российская Федерация, 2006 и 2010 гг.

ди респондентов – с 43,37% в 2006 г. до 52,49% в 2010 г. Почти все христиане – православные (42,68% в 2006 и 51,83% в 2010 г.). На долю католиков, протестантов и прочих христианских вероисповеданий (кроме православного) пришлось лишь 0,69% в 2006 и 0,66% в 2010 г. Доля мусульман практически не изменилась – 5,54% в 2006 и 5,47% в 2010 г. Подавляющее большинство среди них (в 2010 г. 131 из 142 респондентов) родились в России, то есть, не являются иммигрантами.

На долю всех других религий приходится незначительная часть респондентов – 0,16% в 2006 и 0,46% в 2010 г.

Всего за четыре года доля неверующих респондентов[7] сократилась почти на 10% - с 50,92% до 41,58%.

Доля мусульман среди респондентов ESS-2010 (около 5,5%) почти

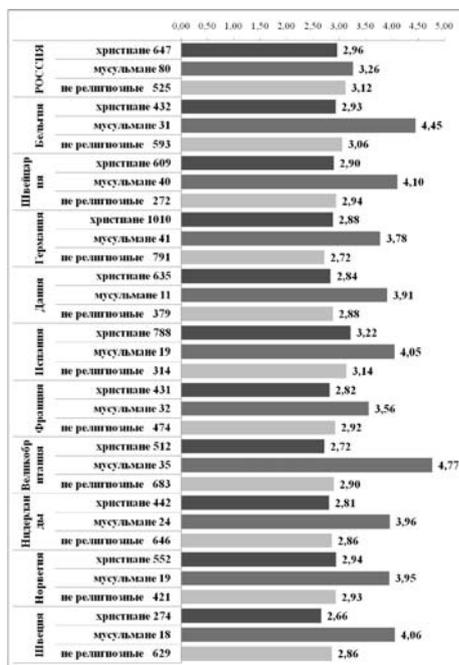

Рис 5. Средний размер полной семьи в зависимости от религиозных убеждений респондентов.
Примечание: Данные ESS-2010 по России и 10 странам Западной Европы.

в два раза меньше доли мусульманских народов в населении России, которую, по данным переписи 2010 г. можно оценить примерно в 10% (среди лиц, указавших национальную принадлежность)[8]. Доля мусульман среди всех верующих респондентов составляет 9,4%. Далекое не все татары, башкиры и представители других мусульманских народов в наше время являются мусульманами, также, как не всех русских можно считать православными. Сопоставление данных ESS-2010 с итогами переписи 2010 г. показывает, что и среди тех, и среди других около 40% составляют неверующие.

В публицистике и даже в научной литературе нередко высказывается мнение о том, что и в России, и в странах Западной Европы мусульманское меньшинство или другие религиозные либо этнические

меньшинства могут превратиться в большинство, поскольку рождаемость у них выше, чем у остального населения[9]. Но насколько велики различия в рождаемости? Некоторое представление об этом можно получить по данным ESS-2010 о среднем размере полной семьи у респондентов, состоящих в браке или «гражданском» партнерстве.

Следует отметить, что речь идет именно о полных семьях, состоящих из супружеской пары (в законном или «гражданском» браке), которая имеет либо не имеет детей, живущих вместе с родителями. Поэтому различия в среднем размере полных семей отражают именно различия в среднем числе детей в семьях основного типа, от которых зависит характер воспроизводства населения.

В Российской Федерации средний размер полной семьи у мусульман равен 3,26. Это на 0,3 человека больше, чем у христиан (2,96) и на 0,14 больше, чем у неверующих – (3,06).

В странах Западной Европы различия между средним размером мусульманских и немусульманских семей гораздо больше. Во Франции средний размер семьи у мусульман (3,56) на 0,74 человека больше, чем у христиан (2,82) и на 0,64 – чем у неверующих (2,92). В Германии данный показатель составляет 3,78 у мусульман, 2,88 у христиан и 2,72 у неверующих. Но особенно велики эти различия в Великобритании: 4,77 у мусульман, 2,72 – у христиан и 2,90 – у неверующих. Это означает, что среднее число детей в мусульманских семьях на два ребенка больше, чем в немусульманских. Сходное положение наблюдается и в других странах Западной Европы.

Некоторые авторы утверждают, что большие семьи характерны лишь для первого поколения иммигран-

тов-мусульман. Их дети были рождены либо в странах исхода, где рождаемость выше, чем в Европе и чем в России, либо в первые годы жизни на новых местах, пока иммигранты еще не усвоили социальных норм малодетности, давно принятых коренным населением стран, в которых они поселились. Однако сыновья и дочери иммигрантов, которые родились и выросли в странах с низкой рождаемостью, уже следуют этим нормам, и, будучи взрослыми, создают маленькие семьи, в которых среднее число детей не больше, чем в семьях окружающего населения.

Средний размер семьи зависит не только от религиозных убеждений, но и от того, к какому поколению жителей страны принадлежит тот ее член, который заполнил анкету ESS (в полной семье это один из супругов или «гражданских партнеров»).

В данном случае представителями первого поколения считаются иммигранты в «чистом виде», то есть, респонденты, которые сами родились в других странах и у которых оба родителя тоже родились за границей.

Ко второму поколению относятся родившиеся в стране нынешнего пребывания дети из «чисто иммигрантских» семей, то есть, те, у кого и отец и мать были иммигрантами.

Все остальные респонденты рассматриваются как принадлежащие к третьему и последующим поколениям жителей страны.

В эту категорию попадают и те, у кого один из родителей был иммигрантом, а другой – уроженцем страны нынешнего пребывания. Их все-таки нельзя считать детьми иммигрантов в «чистом виде», поскольку один из родителей – не иммигрант, что облегчает адаптацию и ассимиляцию этих детей и способствует их сближению с коренным населением во всех отношениях.

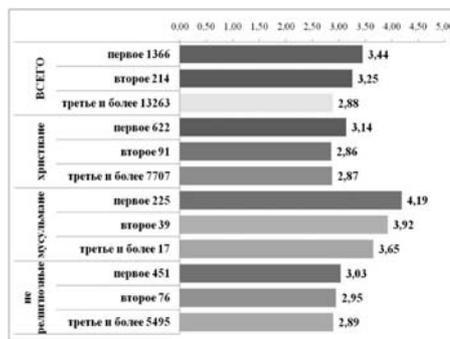

Рис. 6. Средний размер полной семьи в зависимости от религиозных убеждений и числа поколений жизни в стране.

Примечание: Суммарные данные ESS-2010 по 13 странам Западной Европы (Бельгия, Швейцария, Германия, Дания, Испания, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция).

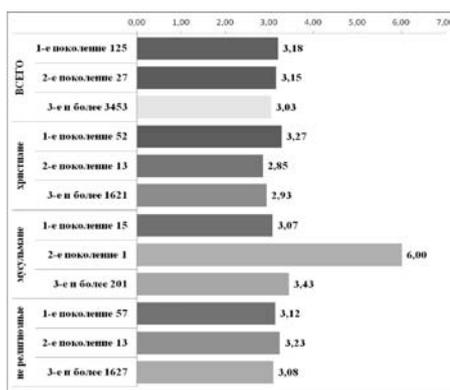

Рис. 7. Средний размер полной семьи в зависимости от религиозных убеждений и числа поколений жизни в стране.

Примечание: Суммарные данные ESS-2006, ESS-2008 и ESS-2010 по Российской Федерации.

То же самое касается детей, которые родились за границей, но их родители или один из родителей являются уроженцами страны, где они сейчас живут. В таких случаях речь, как правило, идет о супружеских парах, у которых произошло «прибавление в семействе», когда они временно жили в другой стране, но затем эти семьи вернулись на родину.

Даже среди христиан у представителей первого поколения (то есть, иммигрантов) средний размер се-

мы (3,14 человека) несколько больше, чем у представителей второго поколения (2,86 человека). Однако второе поколение, то есть, дети иммигрантов, по данному показателю практически не отличаются от третьего и последующих поколений (2,87 человека).

Средний размер полной семьи у первого поколения мусульман-иммигрантов составляет 4,19 человека. Это на 1,05 больше, чем у первого поколения христиан-иммигрантов и на 1,32 больше, чем у третьего поколения христиан, то есть, у коренного населения. Примерно такой же характер имеют различия между мусульманами и неверующими респондентами, которые очень близки к христианам по среднему размеру семьи.

У второго и третьего поколений мусульман средний размер полной семьи (соответственно 3,92 и 3,67 человека) заметно меньше чем у первого. С учетом небольшой численности этих семей в выборке, различия между первым и вторым поколениями (0,27 человека), а также между вторым и третьим поколениями (0,25 человека) статистически не значимы. Однако различие между первым и третьим поколениями (0,52 человека) существенно с гарантией 96% ($t = 2,1$).

Сам факт значительного уменьшения среднего размера семьи, по крайней мере, в третьем поколении мусульман, не вызывает сомнения. Но даже у внуков мусульман-иммигрантов средний размер полной семьи намного больше, чем у третьего и последующих поколений христиан (на 0,78 человека) или неверующих (на 0,76 человека).

Судя по этим данным рождаемость во всех поколениях мусульман в Западной Европе, по крайней мере, до тех пор, пока они остаются

мусульманами и заключают браки между собой, остается значительно более высокой, чем у остального населения этих стран.

Иначе обстоит положение дел в России. Если суммировать данные ESS-2006, ESS-2008 и ESS-2010, то общее число российских респондентов составляет 7,5 тыс. человек, из которых лишь 3,6 тыс. состоит в браке, то есть живут вместе с законными супругами или гражданскими партнерами.

Полная семья состоит в среднем из трех человек: 3,18 в первом поколении, 3,15 – во втором и 3,03 – в третьем и последующих. У христиан соответствующие показатели – 3,27, 2,85 и 2,93, у неверующих – 3,12, 3,23 и 3,08.

Средний размер полной семьи у мусульман-иммигрантов составляет лишь 3,07. Это на 1,12 человека меньше, чем у первого поколения мусульман в Западной Европе, на 0,2 человека меньше, чем у христиан-иммигрантов в России, и очень близко к показателям для третьего и последующих поколений россиян (как христиан, так и неверующих). В отличие от западноевропейских стран, в России средний размер полной семьи у мусульман-иммигрантов примерно такой же, как у всего коренного населения страны (3,03 человека) и значительно (на 0,36 человека) меньше, чем у тех мусульман, которые являются коренными жителями страны (3,43 человека). Если же рассматривать данные только для третьего и последующих поколений, то средний размер семьи у российских мусульман на 0,5 человека больше, чем у христиан и на 0,35 человека больше, чем у неверующих.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди российских мусульман, заполнивших анкеты ESS, почти нет второго поколения. К первому

поколению мусульман, состоящих в браке, принадлежит 15 человек, ко второму - лишь один человек(!). Его семья состоит из шести душ, но из этого не следует делать далеко идущих выводов – ведь речь идет лишь об одном случае. Третье и последующие поколения представлены в лице 201 респондентов, состоящих в браке. Но это не потомки иммигрантов, а представители коренных мусульманских народов России.

15 мусульман-иммигрантов, состоящих в браке, в среднем имеют немногим более одного ребенка. Средний размер семьи у них равен 3,07. Это означает 16 детей в 15 семьях (при условии, что все семьи – нуклеарные, то есть, в них нет родителей и(или) родственников мужа либо жены). Общее число детей может быть и больше, чем 16, поскольку у некоторых есть взрослые дети, в том числе состоящие в браке и(или) живущие отдельно. Но даже с учетом всех этих оговорок все-таки странно, что первое поколение представлено 15 респондентами, а второе – лишь одним человеком. Если учитывать всех мусульман, включая не состоящих в браке, то к первому поколению принадлежат 25 респондентов, ко второму – 3, к третьему и последующим – 377.

Малочисленность второго поколения респондентов-мусульман объясняется критериями принадлежности к этой группе:

- 1) Респондент должен родиться в России
- 2) Оба его родителя должны быть иммигрантами
- 3) Респондент должен быть мусульманином

Кроме того, респондент должен быть не моложе 15 лет – иначе он не может ответить на вопросы анкеты ESS.

В страны Западной Европы мусульмане иммигрируют либо целы-

Рис. 8. Структура респондентов по поколениям жизни в стране в зависимости от религиозных убеждений. Примечание: Суммарные данные ESS-2006, ESS-2008 и ESS-2010 по Российской Федерации. Из-за произведенных округлений сумма данных по всем поколениям не всегда равна 100%.

Состав респондентов по числу поколений жизни в стране, в % к числу лиц с данными религиозными убеждениями

Рис. 9. Структура респондентов по поколениям жизни в стране в зависимости от религиозных убеждений. Примечание: Суммарные данные ESS-2010 по 13 странам Западной Европы.

ми семьями, либо приезжают одни, но потом вызывают к себе жен, детей, родителей и других родственников. Большинство иммигрантов въезжают в эти страны по линии воссоединения семей.

В Россию же чаще всего приезжают молодые мужчины-мусульмане без семей – либо на учебу (студенты), либо на работу («гастарбайтеры»). Они почти всегда селятся не в традиционно мусульманских регионах (Татарстан, республика Северного Кавказа), а в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах, где

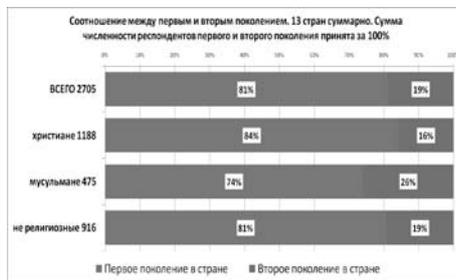

Рис. 10. Пропорция между численностью респондентов первого и второго поколения жизни в стране в зависимости от религиозных убеждений.
Примечание: Суммарные данные ESS-2010 по 13 странам Западной Европы.

преобладает русское население. Женятся они, как правило, уже в России и чаще всего – на русских девушках. Есть основания полагать, что дети от этих браков в большинстве случаев либо воспитываются как православные христиане, либо остаются вне религии вообще. Они получают мусульманское религиозное воспитание, если семья переезжает на родину мужа – (например, в Турцию), и оказывается в исламской среде. В России же второе поколение мусульман очень малочисленно и не является промежуточным звеном между первым и третьим поколениями.

Впрочем, относительно невелико по численности и второе поколение христиан. Христиане тоже часто иммигрируют в Россию, еще не имея собственных семей, потом они вступают в брак с местными жителями, а дети от этих браков, согласно вышеописанным критериям, не рассматриваются как дети иммигрантов, поскольку один из их родителей принадлежит к коренному населению, что облегчает интеграцию детей в российский общество.

Судя по данным ESS, мигранты и их дети составляют в России небольшую часть населения: первое поколение – 3%, второе – 1%. 96% всех россиян являются коренными жителями своей страны в третьем и последующих поколениях.

ледующих поколениях.

Такое же процентное распределение характерно для христиан и для неверующих. Мусульмане отличаются только несколько повышенным процентом иммигрантов в первом поколении (6% против 3% в целом по стране), однако подавляющее большинство (93%) среди тех, кто исповедует ислам, являются коренными россиянами. С другой стороны, доля мусульман среди всех иммигрантов первого поколения в России составляет лишь 11%.

В Западной Европе ситуация иная. Доля населения неместного происхождения (иммигранты и их дети) почти втрое выше, чем в России: 11% против 4%. Сами иммигранты составляют 9%, их дети (у которых оба родителя – приезжие) – еще 2%, а третье и последующие поколения – 89%. Поколенческая структура мусульманского населения резко отличается от населения в целом (а также от христиан и от неверующих – в частности). Среди европейских мусульман 67% приходится на первое поколение, 24% – на второе и только 9% на третье и последующие поколения жизни в стране.

Среди христиан второе поколение тоже в несколько раз уступает по численности первому. Вероятно, такая диспропорция объясняется тем, что сейчас в Западной Европе масштабы международной миграции значительно больше, чем они были 20-30 и, тем более, 40-50 лет тому назад.

Если принять сумму численности респондентов первого и второго поколения за 100%, то пропорции между численностью тех и других окажутся следующими.

Среди всех респондентов из этих двух поколений на долю первого поколения приходится 81%, второго – 19%. У христиан соответственно – 84% и 16%, у мусульман – 74% и 26%.

Тот факт, что в таком измерении у мусульман на долю второго поколения приходится все же заметно больший процент респондентов, чем у христиан, объясняется как тем, что среднее число детей в мусульманских семьях больше, чем в христианских, так и тем, что иммигранты-мусульмане гораздо реже, чем иммигранты-христиане вступают в смешанные браки с представителями коренных народов стран, в которых они поселились. Поэтому у детей приезжих мусульман значительно чаще, чем у детей приезжих христиан оба родителя являются иммигрантами.

Если пропорция между численностью респондентов первого и второго поколения жизни в стране у мусульман составляет 74:26, то пропорция между численностью второго и третьего поколения остается почти такой же: 72:28.

Отсюда можно предположить, что второе поколение мусульман-иммигрантов вступает в смешанные браки не чаще, чем первое. Но такая гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

В России пропорция между численностью первого и второго поколения у христиан-респондентов составляет 73:27, а у мусульман 89:11. Это косвенно указывает на высокий процент смешанных браков между мусульманами-иммигрантами и христианками или неверующими женщинами из местного населения, а также на то, что большинство детей из этих семей не воспитываются как мусульмане.

Несмотря на более высокий уровень рождаемости (о чем можно судить по среднему размеру семьи), а также на значительную иммиграцию в Россию представителей мусульманских народов, доля всех этих национальностей, вместе взятых, в населении страны не повышается, а

Рис. 11. Пропорция между численностью респондентов второго и третьего поколения жизни в стране в зависимости от религиозных убеждений.

Примечание: Суммарные данные ESS-2010 по 13 странам Западной Европы.

Рис. 12. Уровень неприятия к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации.

Примечание: Доля респондентов, несогласных и совершенно несогласных с тем, что геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам. Все население, в том числе мусульмане. Данные ESS-2008 по России, Турции и 11 странам Западной Европы.

*Различие между мусульманами и всем населением статистически значимо с гарантией не менее 95%.

**Различие между мусульманами и всем населением статистически не значимо (гарантия менее 95%).

остается стабильной: 9,9% по данным переписей как 2002 года, так и 2010 года. Эти данные не очень точны, так как 1,5 млн человек в 2002 г. (1% населения) и 5,6 млн человек (почти 4% населения) в 2010 г. не указали национальность [10]. Поскольку данные ESS тоже указывают

на стабилизацию доли мусульман в населении России (см. выше, рис. 4), можно предположить, что эффект иммиграции и более высокой рождаемости «уравновешивается» противоположным по направлению эффектом ассимиляционных процессов, то есть, смешанных браков. Чем больше этих браков, тем больше и детей от них, причем многие из этих детей затрудняются определить свою этническую и религиозную принадлежность.

В странах Западной Европы такого «уравновешивания» не происходит. Там и масштабы иммиграции из мусульманских стран значительнее, и различия в уровне рождаемости между мусульманами и остальным населением больше, чем у нас, а процент смешанных браков, по-видимому, меньше, чем в России, в том числе, из-за того, что большие массы иммигрантов живут в особых кварталах, что для нашей страны не характерно.

Возможность интеграции и ассимиляции зависит от того, в какой степени иммигранты принимают или не принимают неформальные социальные нормы, то есть, неписанные законы страны, в которой они живут.

Одним из этих неписаных законов в Западной Европе является полная толерантность в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Это означает приравнивание гомосексуальных и лесбийских отношений к гетеросексуальным, разрешение однополым парам вступать в законный брак и даже усыновлять детей. По данным ESS-2008, в странах Западной Европы очень немногие люди (от 4% в Нидерландах до 9% в Испании) не согласны или совершенно не согласны с тем, что геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам. Критики сек-

суальных меньшинств рискуют стать изгоями общества, их могут уволить с работы и даже привлечь к суду по обвинению в гомофобии.

Но среди мусульман доля противников гомосексуализма и лесбиянства в несколько раз больше, чем среди всего населения. В Нидерландах их 20% - в пять раз больше, чем во всем населении (4%), в Дании и Швеции - в три раза больше (16-17% против 5%), в Ирландии в семь раз больше (36% против 5%), во Франции почти в три раза больше - 19% против 7%, в Англии - в четыре раза больше (33% против 8%), в Бельгии - в пять раз больше (41% против 8%), в Германии - в три раза больше (28% против 9%), в Норвегии и Швейцарии - в три с половиной раза больше (33-34% против 9%), в Испании - в четыре с половиной раза больше (42% против 9%).

Однако во всех этих одиннадцати странах даже среди мусульман-респондентов противники гомосексуализма и лесбиянства все-таки составляют меньшинство - их доля нигде не превышает 42%. Мусульмане, живущие в Западной Европе, осуждают лиц нетрадиционной сексуальной ориентации все же значительно реже, чем их единоверцы в Турции (52%) и в России (53%). При этом в России нет почти никаких различий в мнениях по данному вопросу между мусульманами (53%), христианами (51%) и неверующими (48%). Показатель для населения в целом составляет 49%. В Турции показатель для мусульман практически совпадает с показателем для населения в целом, поскольку они составляют 95% жителей страны.

В Западной Европе мусульмане все же намного более терпимы к гомосексуализму и лесбиянству, чем в Турции - единственной мусульманской стране, принявшей участие в

проекте ESS. Отсюда можно сделать вывод, что значительная часть мусульман-иммигрантов все-таки признает социальные нормы, принятые в тех странах, где они поселились.

В 13 странах Западной Европы (Бельгия, Швейцария, Германия, Дания, Испания, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция) лишь 8% респондентов явно негативно относятся к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Относительно чаще такое мнение высказывают иммигранты – 16%, но дети из иммигрантских семей гораздо ближе по данному показателю (10%) к коренным жителям в третьем и последующих поколениях (8%), чем к своим родителям.

Даже иммигранты-христиане чаще проявляют неприятие сексуальных меньшинств (17%), чем христиане, принадлежащие к коренному населению (10%). Многие из этих иммигрантов родились в России и других странах Восточной Европы, где толерантность к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации не столь велика, как в Западной Европе. Однако дети этих иммигрантов проявляют примерно столь же низкий уровень неприятия к геям и лесбиянкам (9%), как и коренные западные европейцы (10%). Еще ниже уровень неприятия у неверующих. В первом поколении осуждают гомосексуализм и лесбиянство лишь 7% из них, во втором и третьем – 4%.

Иначе обстоит дело с мусульманами. В первом поколении мусульман-иммигрантов каждый третий (33%) не согласен с тем, что геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам. Во втором поколении людей с такими взглядами становится в полтора раза меньше, чем в первом (22%). Однако с

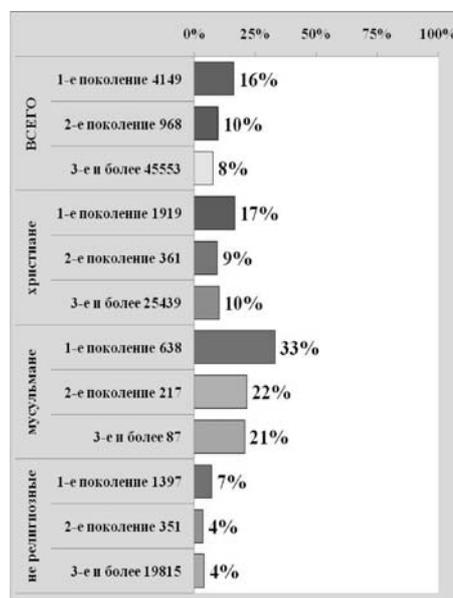

Рис. 13. Уровень неприятия к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации.

Примечание: Доля респондентов, несогласных и совершенно несогласных с тем, что геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам, в зависимости от религии и числа поколений жизни в стране. Суммарные данные ESS-2008 и ESS-2010 по 13 странам Западной Европы.

переходом к третьему поколению уровень неприятия к сексуальным меньшинствам больше не снижается, а остается таким же, как и во втором поколении (21%). Причем этот уровень в два с половиной раза выше, чем у всех респондентов третьего и последующих поколений в целом (8%), вдвое выше, чем у христиан из этих же поколений (10%) и в пять раз выше, чем у неверующих (4%). Не только мусульмане-иммигранты, но также их дети и даже внуки сильно отличаются от основной массы населения во взглядах на проблему толерантности, которая занимает важное место в европейской системе ценностей.

В некоторых однополых парах есть приемные дети, а также дети, родившиеся от искусственного оплодотворения либо от предыдущего

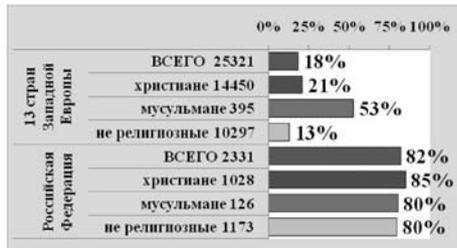

Рис. 14. Уровень неприятия добровольной бездетности. Примечание: Доля лиц, осуждающих людей, которые решили никогда не иметь детей, среди респондентов с разными религиозными убеждениями. Данные ESS-2006 по Российской Федерации и 13 странам Западной Европы.

брака матери (до того, как у нее изменилась сексуальная ориентация). Но большинство геев и лесбиянок не имеют детей. Однако гораздо чаще встречаются люди гетеросексуальной ориентации, которые решили никогда не иметь детей, чтобы не осложнять себе жизнь. Некоторые из них вообще предпочитают одиночный образ жизни или сексуальные связи без совместного проживания с партнерами, которое все-таки ограничивает личную свободу. Другие вступают в законный или гражданский брак, но предпочитают не обзаводиться потомством.

Хотя такого рода решения носят сугубо личный характер и продиктованы желанием ни от кого не зависеть, многие из этих людей создают общества добровольно бездетных – Child Free. Вероятно, они считают, что окружающее большинство осуждает их, как нарушителей неформальных социальных норм, которые испокон веков предписывали всем здоровым взрослым людям вступать в брак и иметь детей. Без таких неписаных законов человечество давным-давно бы вымерло. По-видимому, Child Free хотят получать моральную поддержку от общения друг с другом. Но сохраняются ли эти социальные нормы в современном обществе?

С 2002 по 2010 г. было проведено пять раундов ESS. Они повторяются каждые два года. При этом в анкете есть постоянный блок вопросов, которые задаются респондентам при всех раундах, но есть и съемные блоки, которые обновляются от раунда к раунду. Только один раз, в съемный блок анкеты третьего раунда ESS был включен вопрос:

«Вы одобряете или не одобряете, если женщина (мужчина) решает никогда не иметь детей?». Варианты ответа: «совершенно не одобряю», «не одобряю», «где-то посередине», «одобряю», «полностью одобряю».

Поскольку для людей, которые решили никогда не иметь детей, важно, чтобы окружающие их не осуждали, уровень толерантности к добровольной бездетности можно определить по сумме ответов «полностью одобряю», «одобряю», и «где-то посередине». Уровень неприятия определяется по сумме ответов «не одобряю» и «совершенно не одобряю».

В 13 странах Западной Европы [11] (Австрия, Бельгия, Швейцария, Германия, Дания, Испания, Финляндия, Франция, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция) уровень толерантности к добровольной бездетности чрезвычайно высок. В целом по всей этой группе стран он составляет 82%, с колебаниями от 70% во Франции до 94% в Дании. В Западной Европе неформальные социальные нормы больше не осуждают добровольную бездетность. Зачем в таких условиях нужны общества Child Free? Либо их члены еще не поняли, что общественное мнение уже не настроено против них, либо они, подобно гомосексуалистам и лесбиянкам, решили перейти от обороны к наступлению. Последнее более вероятно, потому что Child Free требуют открытия кафе, куда не допускаются семьи с малень-

кими детьми. Они даже согласны на то, чтобы цены в этих кафе были выше обычных, лишь бы дети не раздражали их своим криком.

Но если на уровне всего общества социальные нормы уже не осуждают добровольную бездетность, то среди мусульман дело обстоит иначе: 53% из них против добровольной бездетности. Это в три раза выше, чем по населению в целом (18%), в два с половиной раза выше, чем среди христиан (21%) и в четыре больше, чем среди неверующих (13%).

В России же ситуация диаметрально противоположна западноевропейской: 82% респондентов осуждают добровольную бездетность и лишь 18% относятся к ней более или менее терпимо, причем только 3% одобряют, а 15% дают уклончивый ответ «где-то посередине». Среди христиан осуждают добровольную бездетность 85%, среди мусульман – 80%, среди неверующих – тоже 80%. Различие между христианами и мусульманами невелико (5%) и статистически не значимо ($t = 1,27$). Разница между христианами и неверующими тоже составляет 5%, но ее статистическая достоверность не вызывает сомнений ($t = 3,31$). Однако дифференциация мнений по этому вопросу мало зависит от религиозных убеждений респондентов - добровольную бездетность осуждают почти все россияне.

В Западной Европе отношение к добровольной бездетности зависит не только от религиозных убеждений, но и от числа поколений жизни в стране.

Уровень неприятия добровольной бездетности среди иммигрантов в первом поколении составляет 33% - это вдвое выше, чем в третьем поколении западных европейцев (17%).

Среди иммигрантов-христиан каждый третий (также 33%) не одобряет людей, которые решили никог-

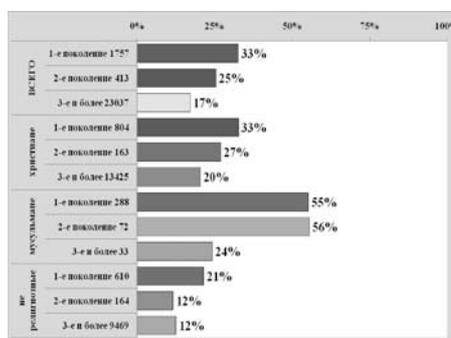

Рис. 15. Уровень неприятия добровольной бездетности.

Примечание: Доля лиц, осуждающих людей, которые решили никогда не иметь детей, среди респондентов с разными религиозными убеждениями. Суммарные данные ESS-2006 по 13 странам Западной Европы[12].

Рис. 16. Доля лиц, никогда не имевших детей, среди респондентов старше 45 лет, в зависимости от религиозных убеждений.

Примечание: Суммарные данные ESS за 2006-2010 гг. по Российской Федерации и за 2002-2010 гг. по 14 странам Западной Европы[13]

да не иметь детей. Многие из этих иммигрантов являются выходцами из Восточной Европы, где добровольная бездетность осуждается основной массой населения: в России, Украине и Болгарии – 82-83%, в Эстонии – 73%, в Польше, Венгрии и Словакии – 52-54%. Однако среди второго поколения (дети иммигрантов-христиан) осуждают добровольную бездетность только 25% - заметно ниже, чем в первом поколении.

Для мусульман характерен не только высокий уровень неприятия добровольной бездетности, но и то, что во втором поколении он оста-

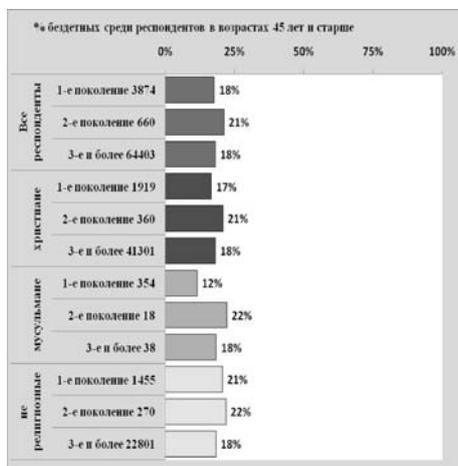

Рис. 17. Доля лиц, никогда не имевших детей, среди респондентов старше 45 лет, в зависимости от религиозных убеждений и числа поколений жизни в стране. Примечание: Суммарные данные ESS за 2002-2010 гг. по 14 странам Западной Европы [14].

ся таким же, как и в первом (55-56%). Однако в третьем поколении западноевропейских мусульман этот уровень снижается до 24%, что лишь на 4% выше, чем у христиан, принадлежащих к тому же поколению (20%), причем эта разница статистически не существенна.

Доля респондентов, которые в течение всей жизни остаются бездетными, может быть определена для лиц старше 45 лет. Хотя этот показатель относится не только к добровольной, но и к вынужденной бездетности, вызванной проблемами со здоровьем, он в несколько раз ниже доли респондентов, не осуждающих людей, которые решили никогда не иметь детей. Однако в странах с высоким уровнем толерантности к добровольной бездетности доля мужчин и женщин старше репродуктивного возраста, которые никогда не имели детей, значительно выше, чем там, где отказ иметь детей осуждается общественным мнением.

В 14 странах Западной Европы, вместе взятых, уровень толерантно-

сти к добровольной бездетности составляет 82%, а уровень ее неприятия – 18%. Как уже упоминалось, в России ситуация диаметрально противоположная: уровень толерантности равен 18%, а уровень неприятия – 82%. Фактическая же доля бездетных среди лиц старше 45 лет в Западной Европе достигает 18%, а в России – 10%, то есть, почти вдвое ниже. Эти данные относятся ко всем респондентам, включая никогда не состоявших в браке. В России среди состоящих в браке доля окончательно бездетных примерно вдвое меньше, чем среди всех респондентов. В Западной Европе эти различия не столь велики.

В России доля окончательно бездетных среди христиан составляет 9%, среди мусульман – 11%, среди неверующих – 10%. Различия между этими группами невелики и статистически не значимы. В Западной Европе доля бездетных среди мусульман 13%, что лишь на 2% больше, чем среди их единоверцев в России (различие не значимо) и статистически существенно (на 5%) меньше, чем среди христиан (18%) и неверующих (тоже 18%). Эти данные хорошо согласуются с тем, что большинство мусульман в Европе (как и в России) осуждают добровольную бездетность.

Однако низкая доля окончательно бездетных характерна лишь для первого поколения европейских мусульман, то есть, для иммигрантов. Во втором и третьем поколении эта доля становится такой же, как у христиан и неверующих, принадлежащих к тем же поколениям.

Тот факт, что дети и внуки мусульман-иммигрантов воспроизводят даже такую особенность демографического поведения европейцев, как добровольную бездетность, позволяет предположить, что различия в

рождаемости между мусульманами и остальным населением в странах ЕС со временем все-таки нивелируются. Правда, это время измеряется не в годах, а в поколениях. Но, во всяком случае, более высокая рождаемость – не тот фактор, за счет которого мусульмане могут в обозримом будущем стать большинством [15]. Такое возможно только в случае многократного увеличения масштабов иммиграции. Однако это вероятно лишь теоретически и только в случае при отмене всех квот и прочих ограничений на иммиграцию в страны ЕС. На практике же эти квоты и ограничения все время ужесточаются.

При составлении демографических прогнозов наибольшие трудности вызывают перспективные расчеты численности иммигрантов и эмигрантов. Эти параметры зависят от трудно предсказуемых изменений как в странах, откуда приезжают мигранты, так и в странах, где они селятся. Многомиллионная эмиграция в США из стран Западной Европы фактически прекратилась после того, как жизненный уровень в этих странах приблизился к американскому. Если в странах Азии и Африки, откуда сейчас иммигранты приезжают в Россию или в Западную Европу, жизненный уровень повысится, эти иммиграционные потоки тоже могут сойти на нет.

Еще труднее предвидеть вынужденную миграцию, то есть, прибытие беженцев, спасающихся от вооруженных конфликтов, поскольку такие события, как гражданские войны в Сирии или в Ливии, совершенно непредсказуемы.

Возможны и другие сценарии. Например, власти стран Западной Европы, напуганные угрозой терроризма и вооруженных конфликтов между радикально настроенными иммигрантами и экстремистами из

числа местных националистов, могут резко сократить квоты на въезд из Африки и Ближнего Востока, что отчасти уже и происходит. Но поскольку в этих странах не хватает рабочих рук, вполне вероятно, что в таком случае они станут гораздо охотнее принимать трудовых иммигрантов из России и других государств СНГ.

Почти все демографические прогнозы для нашей страны, кроме чисто иллюстративных, предусматривают положительный миграционный прирост (разницу между числом прибывших и выбывших), что должно частично или даже полностью компенсировать естественную убыль населения. Но, при вышеописанном сценарии, который вполне вероятен, население России будет сокращаться не только из-за естественной убыли, но также из-за массовой эмиграции. Стабилизация и, тем более, увеличение численности населения возможна только за счет внутренних резервов, то есть, повышения рождаемости с помощью демографической политики. Внешние ресурсы, то есть международные миграционные потоки, зависят от глобальных процессов, происходящих за пределами России, плохо поддаются предвидению и создают больше проблем, чем решают.

Ссылки

1 Работа выполнена по проекту РГНФ №10-03-00243а «Социокультурные модели семей в контексте демографической политики: особенности репродуктивного и социализационного поведения».

2 Европейское социальное исследование (European Social Survey – ESS) – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных инсти-

тудах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. Россия приняла участие в исследовании в 2006 г. (3 раунд проекта), в 2008 г. (4 раунд) и в 2010 г. (5 раунд). Общее число анкет в каждой стране за один раунд – от 1500 до 3000, в том числе в России – 2595 (5 раунд, 2010 г.). Анкеты заполнялись методом интервью со слов респондентов, которым зачитывались соответствующие вопросы.

3 Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. №10. 2009. с. 52-62.

4 Le Monde. 01.11. 2005.

5 Islam and Identity in Germany. Europe Report of International Crisis Group N 181. Brussels. 14.03.2007. P. 1-2.

6 Britain's Muslims: an Overview. Media Guide British Council. L., 2006. P. 6; <http://www.islamnews.ru/news>

7 Термин «неверующие» используется как синоним понятия «нерелигиозные», то есть, атеисты, которые не верят в Бога, агностики (которые не уверены в существовании Бога) и деисты, которые признают существование Бога, но не исповедуют никакой религии, то есть, верят, но не веруют. Если верующими называют людей, принадлежащих к конкретным религиям, то атеистов, агностиков и деистов можно назвать неверующими.

8 Рассчитано по данным переписи 2010 г. на официальном сайте Росстата: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

9 Бестужев-Лада И.В. Депопуляция: социальные проблемы // Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Липецк, 28-30 сентября 1999 г. М., 1999. С. 13-14.

10 Рассчитано по данным переписей 2002 и 2010 гг., опубликованным на сайте Росстата: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_01.htm; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

11 В 2006 г. в число этих 13 стран вошла Австрия (где в 2008 и 2010 г. исследование ESS не проводилось, но не вошла Великобритания, где в 2006 г. в анкете ESS не было вопроса о вероисповедании).

12 См. предыдущее примечание.

13 Данные по Австрии за 2002, 2004 и 2006 гг., по Франции – за 2006, 2008 и 2010 гг., по Великобритании – за 2002, 2008 и 2010 гг., по Бельгии, Швейцарии, Германии, Дании, Испании, Финляндии, Ирландии, Нидерландам, Норвегии, Португалии, Швеции – за 2002, 2004, 2006, 2008 и 2010 гг.

14 См. предыдущее примечание.

15 См. Глобальное соперничество христианства и ислама в цифрах и фактах. Аналитический обзор Лондонского отделения Ассоциации православных экспертов. http://www.k-istine.ru/apologia/islam/apologia_islam_europe.htm

Базовый слой белорусского общества: движение в будущее, или возврат в советское прошлое?

Соколова Г. Н.

Развернута теоретически и обоснована эмпирически концепция анализа базового слоя как возможной альтернативы среднему классу в белорусском обществе. На материалах статистики и результатах социологического исследования проанализировано состояние и тенденции развития базового слоя. Выявлено, что базовый слой замещает средний класс по количественным параметрам. Однако он не может претендовать на роль среднего класса как агента научно-технического и социального прогресса. Автор задается вопросом: является ли развитие базового слоя в белорусском обществе движением в будущее или оно представляет собой возврат в советское прошлое. Ключевые слова: социальная стратификация, базовый слой, средний класс, социальная мобильность.

Sokolova G. N.

Base layer of Belarusian society: Movement in the Future or Return to the Soviet Past?

The concept of analysis of base layer as possible alternative to middle class in Belarusian society is developed theoretically and proved empirically. On the materials of statistics and the results of sociological research the condition and tendencies of base layer development are analyzed. It is revealed, that base layer replaces middle class on quantitative parameters. However it cannot apply for middle class role as agent of scientific, technical and social progress. The author asks the question: whether development of a base layer in Belarusian society is movement in the future or it represents return to the Soviet past.

Keywords: social stratification, base layer, middle class, social mobility.

Актуальность исследования базового слоя

Основные направления стратификационных сдвигов в белорусском обществе в период 1990-х годов состояли в том, что социальная структура стала более подвижной и возросло многообразие социальных статусов. Однако нисходящая экономическая мобильность крупных социальных групп до 2000-х годов доминировала над восходящей; начиная с 2005 года восходящая мобильность преобладает, что способствует перемещению среднего слоя из диапазона – от 1 до 2 БПМ – в диапазон – от 2 до 4 БПМ, соответственно повышению средней заработной платы. Существенно изменилась и значимость компонентов социального статуса: если раньше положение людей определялось уровнем занимаемой должности, то теперь их социальный вес все больше определяется уровнем располагаемых ресурсов. Усилилась роль профессионально-квалификационного и культурного фактора в формировании высокостатусных групп и ослабла – в социальной дифференциации основной части населения. Основной задачей государственной социальной политики становится экономическое, правовое и информационное содействие развитию различных форм социально-инновационной деятельности слоев общества в сфере технико-технологического и социального прогресса.

За последнее десятилетие в республике удалось достичь позитивной тенденции снижения численности малообеспеченного населения: доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума снизилась с 41,9 % в 2000 г. до 5,2 % в 2010 году [1, с. 109]. Однако в 2011 г. эта доля возросла до 7,3%. Слой от 1 до 2 БПМ возрос, соответственно, от 30,2 до 40,2 %, за счет уменьшения долей более обеспеченного населения [2, с. 112]. В 2011 году в Беларуси проявился ряд кризисных явлений: девальвация и падение покупательной способности белорусского рубля, резкий рост стоимости потребительских товаров, и особенно продуктов питания. В этих условиях повышаются роль и значение среднего слоя, который, начиная с 2005 года, становится (по массивности и выражению общественных интересов) социальной платформой белорусского общества.

В ходе начавшейся модернизации технико-технологической и социальной структур белорусского общества происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел; обуславливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизацией слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и

уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). Речь идет об активном формировании среднего класса, состоящего из высококвалифицированных и высоко мотивированных профессионалов, как гаранта стабильности общества и агента научно-технического и социального прогресса.

В то же время, основной массив занятого населения (до 80%) в Беларуси составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий, имущественному положению, объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов и разделяющих нерыночные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в обществе, так и внутренних условий – преодоления патерналистских стереотипов, нацеленности на постоянное повышение профессионального образования, формирования социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

По материалам ВЦИОМ, основную часть российского общества составляет слой, который Т.И. Заславская называет «базовым», потому что к нему относятся 2/3 занятых в экономике и более половины населения России. Термин «базовый» представляется наиболее удачным, так как данный слой и в самом деле составляет социальную базу общества. Это рядовые специалисты массовых профессий (инженеры, учителя, вра-

чи и др.), служащие без специальности, промышленные рабочие, крестьяне, фермеры, представители массовых профессий сферы обслуживания. В базовый слой перешла основная часть прежнего среднего класса, и большинство его представителей обладают достаточным профессионально-квалификационным потенциалом, чтобы при благоприятной социально-экономической конъюнктуре вернуться в состав среднего класса [3, с. 479-480].

В данной работе нами сделана попытка выяснить – что представляет собой базовый слой как возможный заместитель среднего класса – в теоретическом и эмпирическом контекстах. В более ранних статьях, посвященных анализу состояния и возможностей развития среднего класса в Беларуси, мы рассматривали базовый слой как возможный резерв для содержательного наполнения среднего класса [4, с. 127-140]. Однако в ходе последующих наблюдений выявилась устойчивая тенденция к самостоятельному и стабильному функционированию этого слоя как социальной базы общества, что актуализирует необходимость теоретического и эмпирического анализа этого феномена как реальной или возможной альтернативы среднему классу.

Методология анализа базового социального слоя

В течение двух последних десятилетий происходили серьезные трансформации белорусского общества, которые не могли не отразиться в социальной структуре. Так, социологи отмечают изменение отношений собственности и власти, исчезновение старых и появление новых элит, возрастание веса новых социальных групп, маргинализацию ряда социальных групп (по сравнению с совет-

ским периодом), изменение способов поведения и социальных взаимодействий. Эти явления полидетерминированы, усмотреть их единство и взаимосвязь непросто. Однако именно целостно-системное описание изменений современного белорусского общества является актуальной и фундаментальной задачей социальных исследователей. Общая цель исследования состоит в изучении социальной структуры белорусского общества как системы групп, являющихся либо активными субъектами преобразований, либо адаптирующимися к ним, либо страдающими от этих преобразований, и в изучении способов и степени вклада социальных групп в трансформационные процессы.

Среди множества подходов к изучению социальной структуры общества можно условно выделить два основных – классовый и статусный подходы. Первая традиция является, по преимуществу, европейской и восходит к К. Марксу и М. Веберу [5, с. 147-156], вторая – американской.

Западноевропейская традиция рассматривает классы в качестве основы всех стратификационных процессов. Здесь сохраняется влияние марксистской традиции, конкретизированной в известном определении классов В.И. Лениным. «Классами, – писал он, – называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе

присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [6, с. 9-12].

Данное определение, отражая некие всеобщие принципы построения капиталистического способа производства, не учитывает всего многообразия реальных трудовых отношений в современных обществах. Кроме того, в нем не учитывается, что в отличие от социальной структуры, возникающей в связи с общественным разделением труда, социальная стратификация (расслоение) возникает в связи с общественным распределением результатов труда, т.е. социальных благ, в зависимости от социальной политики государства. Поэтому, наиболее употребительной для современных обществ является классовая схема Р. Эриксона и Дж. - Голдторпа, ключевым принципом в которой является позиция в системе трудовых отношений. Схема базируется на семи классах, которые группируются в три основных кластера: сервис-класс, средний класс и рабочий класс. Р. Эриксон и Дж. Голдторп, сравнив уровни относительной мобильности на различных стадиях экономического развития двенадцати индустриальных стран, приходят к выводу о сходстве и статичности уровней относительной мобильности в индустриальных обществах, независимо от экономического развития и типа экономической системы. Это говорит о том, что индустриальные общества схожи между собой и что не существует признаков изменения уровней мобильности с течением времени [7].

Американская традиция (П.А. Сорокин, П.М. Блау, О.Д. Дункан) делит общество на статусные группы, различающиеся по трем взаимосвязанным показателям – доходу, престижу и образованию; при этом, разли-

чия между группами менее глубоки, чем в классовой схеме. Это связано с тем, что Соединенным Штатам, как стране иммигрантов, изначально было несвойственно резкое деление на классы. Социальная иерархия оказалась более дифференцированной и связанной с индивидуальным накоплением дохода, образования, престижа профессии. Так, в работе О.Д. Дункана, с соавторами, начиная с 1960-х годов, периодически пересматриваются меняющиеся отношения между доходом, образованием, престижем и социальным статусом. Модель Блау-Дункан получила большое признание и использовалась с широкими вариациями: в одних исследованиях социальная иерархия трактовалась как иерархия профессионального престижа, а в других – более широко, включая аспекты социально-экономического статуса [8].

Экономическая стратификация, согласно П.А. Сорокину, – это расслоение общества или общности на основании такого признака, который определяет различия в распределении «жизненных возможностей» страт и слоев. В процессе анализа феномена экономической стратификации, П.А. Сорокин выделяет два основных типа ее флуктуации (колебаний). К первому типу относится флуктуация экономического статуса социальной группы (или слоя) как единого целого, связанная с увеличением или уменьшением ее экономического благосостояния. Поднимается ли группа до более высокого экономического уровня или опускается – вопрос, который может быть решен на основе материалов статистических обследований домохозяйств и результатов социологического мониторинга. Ко второму типу относится флуктуация, связанная с увеличением или уменьшением экономичес-

кой стратификации внутри самой социальной группы (слоя) [9, с. 297-373]. В поле зрения авторского анализа включаются оба типа: первый – дифференциация слоев внутри общества, с выделением нижнего, ниже среднего, среднего, выше среднего и верхнего слоев; второй – дифференциация внутри каждого из этих слоев, связанная с выделением социально-профессиональных групп по их среднему денежному доходу, профессиональному статусу и образовательному уровню.

Социальная страта (слой) обладает, как известно, определенной качественной однородностью. Она представляет собой совокупность людей, занимающих в иерархии близкое положение и ведущих сходный образ жизни. Принадлежность к страте имеет две составляющие – объективную (наличие объективных показателей, характерных для данного социального слоя) и субъективную (идентификация себя с определенным слоем). Среди других, нам представляется наиболее приемлемым определение социальных страт, сделанное П.А. Сорокиным. Он определяет социальную страту как «совокупность лиц, сходных по профессии (типу занятости – авт.), по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально + имущественно + социально-правовые интересы» [10, с. 376]. Органичное раскрытие определения социальной страты, данного П.А. Сорокиным, в системе операциональных показателей, позволяет считать его наиболее разработанным и наиболее «работающим» в конкретном социологическом контексте.

В рамках сорокинской концепции, мы определяем базовый социальный слой как иерархию социальных групп, сходных по имущественному положению (среднее, с

максимальным денежным доходом, равным средней заработной плате), по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), по объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих традиционные ценности в экономике и социальной сфере.

Базовый слой, при условии большого удельного веса, становится фактором социальной интеграции общества в силу реализации ряда общественных функций. Во-первых, в рамках базового слоя (как и среднего класса) должно выполняться условие диверсификации (разнообразия) общества по социальным группам. Во-вторых, базовый слой должен способствовать поддержанию относительной общественной стабильности благодаря характерному для него высокому уровню восходящей экономической мобильности. При этом, большое число взаимообменов должно происходить как внутри базового слоя, так и с другими частями социальной структуры общества. В-третьих, базовый слой (как и средний класс) должен выполнять функцию агента технологического и социально-экономического прогресса, сосредоточивая в своих рядах наиболее квалифицированные кадры общества, отличающиеся высоким профессионализмом, значительным деятельностным потенциалом, гражданской активностью. В-четвертых, базовый слой (как и средний класс) должен осуществлять функцию носителя национальной культуры и общественных интересов. Для представителей разных социальных групп базового слоя должна быть характерна четкая самоидентификация – соответствие между их социально-профессиональными характеристиками и выбором страты, к которой они себя относят. Так, доля лиц, идентифицирующих себя с более высокой пози-

Таблица 1

Экономическая стратификация белорусского общества по критерию бюджета прожиточного минимума (БПМ), %

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь (Стат. сб.), 2012. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – С. 112.

Примечание: Бюджет прожиточного минимума (БПМ) составлял: в 2000 г. – 38,0 тыс. руб.; в 2005 г. – 158,1 тыс. руб.; в 2010 г. – 296,9 тыс. руб.; в 2011 г. – 706,9 тыс. руб. Там же, с. 110.

Страта с уровнем денежных доходов	По данным госстатистики, % от общей численности населения				По данным соц. исслед., % от числа ответивших	
	2000	2005	2010	2011	2010	2011
Ниже БПМ (нижний)	41,9	12,7	5,2	7,3	7,2	7,8
От 1 до 2 БПМ (ниже среднего)	47,8	52,1	30,2	40,2	29,9	39,5
От 2 до 4 БПМ средний(базовый) слой	9,3	31,9	51,1	43,0	52,1	46,3
От 4 до 5 БПМ (выше среднего)	0,6	2,0	7,0	5,1	8,7	6,0
Свыше 5 БПМ (верхний)	0,4	1,3	6,5	4,4	2,1	0,4
Итого: выше БПМ	58,1	87,3	94,8	92,7	92,8	92,2
Итого:	100	100	100	100	100	100

цией (например, со средним классом), должна возрасти по мере роста уровня образования, социального престижа, размера доходов, объема гражданских прав.

Очевидно, что выполнение всех обозначенных функций среднего класса требует от базового слоя соответствия этому классу не только по количественным, но и по качественным характеристикам. Оно (это соответствие) должно быть связано как с массивностью и срединным положением в обществе, так и с присущей среднему классу инновационной восприимчивостью и готовностью к активному самовыражению во всех сферах общественной жизни [11, с. 150-152].

Эмпирическое обоснование состояния и тенденций развития базового слоя

В поисках базового слоя представляется наиболее рациональным выбрать в качестве критерия соци-

альной стратификации соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной бюджета прожиточного минимума (БПМ). Выступая основным социальным нормативом, бюджет прожиточного минимума позволяет соотносить между собой показатели государственной статистики, результаты выборочных обследований домашних хозяйств (публикуемые в статистических бюллетенях) и результаты мониторинговых социологических исследований республиканского масштаба, ежегодно проводимых Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси. Подобная многоступенчатая проверка дает возможность максимально корректно классифицировать и исследовать социальные страты белорусского общества по уровню денежного дохода социальных групп и корректно выявить базовый слой.

Выделяем, на основе данных государственной статистики, пять ос-

Таблица 2

Социально-профессиональная стратификация белорусского общества по уровню среднедушевых денежных доходов, % от числа ответивших, (2010 г.)

Примечание 1: В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2010 г., выборочная совокупность составила 2110 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, составила $\pm 2\%$. С учетом данной погрешности, выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т.е. население республики.

Примечание 2: Таблица описывает двумерное совместное распределение респондентов по социальным группам и уровню доходов, т.е. сумма относительных частот (%) по всей таблице равна 100%. Это позволяет производить сравнение любых относительных частот внутри таблицы, а также сравнивать соответствующие частоты в разных таблицах (табл. 2–7).

Величина денежного дохода	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Ниже БПМ (нижний слой)	0,0	1,6	1,0	0,0	3,2	0,4	1,0	7,2
От 1 до 2 БПМ (ниже среднего)	6,0	4,0	1,8	1,4	8,4	4,0	4,3	29,9
От 2 до 4 БПМ средний (базовый) слой	13,8	13,1	0,7	2,5	14,5	5,0	2,5	52,1
От 4 до 5 БПМ (выше среднего)	5,8	2,5	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	8,7
Свыше 5 БПМ (верхний слой)	2,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,1
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100,0

новых слоев белорусского общества: *нижний* слой (со среднедушевым денежным доходом ниже уровня БПМ), составляющий в 2010 г. 5,2% населения республики; *ниже среднего* (с денежным доходом от 1 до 2 БПМ), составляющий 30,2% населения; *средний* (базовый) слой (с денежным доходом от 2 до 4 БПМ) – 51,1% населения; *выше среднего* (с денежным доходом от 4 до 5 БПМ) – 7,0% населения; *верхний* слой (выше 5 БПМ) – 6,5% населения республики. Величина базового слоя составляла в 2010 году – по данным государственной статистики – 51,1%, а по данным социологического исследования – 52,1% от взрослого населения республики (табл. 1).

Использование данных социологического исследования, довольно точно совпадающих с данными государственной статистики, позволяет

раскрыть внутреннюю структуру каждого из выделенных социальных слоев, рассмотренную в табл. 2.

Анализ социальной структуры по уровню располагаемых денежных ресурсов (в рамках республиканского социологического мониторинга) приводит к следующим выводам. *Нижний* (малообеспеченный) слой, составляющий (по данным социологического исследования 2010 г.), 7,2%, состоит на 1/5 – из рабочих низкой квалификации, на 3/5 – из пенсионеров и инвалидов, располагающих наименьшими средствами к жизни; по 1/10 приходится на крестьян, домохозяйек и учащихся. Слой – *ниже среднего*, составляющий 29,9%, состоит на 1/5 из специалистов массовых трудоизбыточных профессий (бухгалтеров, экономистов, юристов, учителей и др.), а также работников торговли и сферы обслужи-

вания, на 1/5 – из рабочих средней квалификации, на 1/10 из крестьян, на 4/10 – из пенсионеров (доля остальных слоев менее значительна). *Базовый* слой, составляющий 52,1% респондентов, состоит на 1/4 из квалифицированных служащих, на 1/4 – из рабочих средней квалификации, на 1/4 – из пенсионеров, примерно на 1/4 – из предпринимателей, учащихся, домохозяек и крестьян, вместе взятых. *Слой – выше среднего*, составляющий 8,7%, состоит на 2/3 из высококвалифицированных специалистов, примерно на 1/3 – из высококвалифицированных рабочих, всего 1/20 приходится на предпринимателей, остальные социальные группы в этом слое отсутствуют. *Верхний* слой, составляющий 2,1%, состоит почти целиком из высококвалифицированных и востребованных служащих и наиболее квалифицированных рабочих. Слои – выше среднего и верхний образуют те 10-11% относительно благополучных белорусов, которые обнаруживаются в исследованиях социальной стратификации белорусского общества (табл. 2).

Начиная с 2005 года, базовый слой превратился в социальную платформу общества, вобрав в себя свыше половины взрослого населения. Характерная особенность базового слоя, определяющая его социальные характеристики, состоит в том, что он как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» их в диапазоне от 2 до 4 БПМ, в силу значительной экономической мобильности из нижних в базовый слой и практического отсутствия таковой – из базового в верхние слои. Тем самым, базовый слой выполняет функцию стабилизации общества, в плане материальных ресурсов – по «уровню равенства в бедности», а в аспекте нематериальных ресурсов –

на основе сохранения нерыночных ценностей в экономике и социальной сфере. По данным социологических исследований, базовый слой общества, обладающий среднедушевыми денежными доходами от 2 БПМ (1,5 млн. руб.) до 4 БПМ (3 млн. руб.), представляет его социальную платформу и составил к началу 2011 г. **52,1%**.

В современном обществе положение в профессиональной структуре (наличие рабочего места (позиции) является одной из характеристик, определяющей жизненные шансы человека и, следовательно, его принадлежность к тому или иному социальному слою, при условии, что в течение жизни человека не происходит значимых социальных потрясений, а каналы социальной мобильности открыты. Выделение базового слоя по критерию *профессионального статуса* (постоянного рабочего места и функциональных обязанностей), т.е. ограничение объема базового слоя активно действующими профессиональными группами (служащие, рабочие, крестьяне, предприниматели), показало, что их удельный вес равен **30,1%** и составляет 2/3 всего базового слоя (см.: табл. 2).

Анализ социальной структуры по уровню образования (табл. 3) показал, что в Республике Беларусь *базовое* образование представлено, в основном, неработающими пенсионерами; среднее общее – служащими, рабочими, домохозяйками. Профессионально-техническое образование представлено по 1/3 – служащими без специального образования, рабочими средней квалификации, пенсионерами; среднее специальное – на 1/3 служащими-специалистами, на 1/3 – высококвалифицированными рабочими, на 1/6 – пенсионерами; высшее (незакон-

Таблица 3

Социальная стратификация белорусского общества по уровню образования, % от числа ответивших, (2010г.)

Уровень образования	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Базовое (9 классов)	0,7	2,5	1,1	0,0	14,6	4,1	0,1	23,1
Среднее общее (11–12 классов)	4,4	6,2	1,1	0,9	2,8	2,7	5,2	23,2
Профессионально-техническое	3,3	3,8	0,6	0,0	3,3	0,0	0,0	11,0
Среднее специальное образование	8,3	8,3	0,7	1,9	2,2	2,5	2,0	25,9
Высшее (незаконченное высшее) образование	10,9	0,5	0,0	1,5	3,3	0,1	0,5	16,8
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100

ченное высшее) – на 2/3 – служащими высокой квалификации, на 1/5 – пенсионерами, на 1/10 – предпринимателями (остальные доли менее значимы).

Очевидно, что ядро базового слоя – **36,9%** (или 2/3) составляют лица со средним специальным образованием (включая профессионально-техническое); в той или иной мере в него включаются лица со средним общим и лица с высшим образованием. Базовый слой подпитывается и «снизу» и «сверху», консервируя в себе свыше половины населения с уровнем среднедушевых денежных доходов от 2 до 4 БПМ. Вместе с тем, реагируя на кризисные процессы, базовый слой уменьшился от 52,2% в 2010 г. до 46,3% в 2011 г. и частично «перетек» в нижний (от 1 до 2 БПМ), который, в свою очередь, увеличился от 29,9% до 39,5%. Он еще остается базовым по доле от всего населения (46,3%), но уже соизмерим с нижним слоем (от 1 до 2 БПМ). Отметим, что данные государственной статистики, отражающие уменьшение базового слоя от 51,1% в 2010 г. до 46,3% в 2011 г. (на 8,1%), и соответственно – увеличение ниж-

него слоя от 30,2% в 2010 г. до 40,2% в 2011 (на 10,0%) весьма близки к данным социологического исследования (см. табл. 1). Во всяком случае, они четко отражают общую тенденцию кризисной ситуации.

Зададимся вопросом, в какой мере базовый слой белорусского общества может **заменить** «средний класс» по своим характеристикам и выполняемым функциям?

Срединное положение между «верхами» и «низами» базовый слой занимает разве что по уровню доходов, занимая нишу – от 2 до 4 БПМ; в нижних слоях сосредоточено 37,1%, в верхних – 10,8% населения. В кризисных ситуациях базовый слой может перетекать в нижние слои, с выправлением ситуации – вновь расширяться в данном диапазоне.

Массивность, концентрация большей части общества свойственны базовому слою, составляющему, по крайней мере, половину всего населения; другая половина сосредоточена в слоях ниже и выше базового слоя.

Вместе с тем, *уровень образования и квалификации* присущи базовому слою, состоящему, в своей ак-

тивной части, из служащих-специалистов и квалифицированных рабочих, лишь в средней мере. Что же касается *социального престижа*, то уровень оплаты труда и перекосы в заработной плате значительно снижают его привлекательность.

Очевидно, что базовый слой белорусского общества замещает «средний класс» по таким характеристикам, как: срединное положение между «верхами» и «низами», подпитываемость и «сверху», и «снизу»; массивность, составляя более 1/2 всего населения; общая удовлетворенность жизнью. Однако базовый слой принципиально не может заместить «средний класс» по интеллектуальному потенциалу, чтобы выполнять миссию «агента научно-технического и социального прогресса».

Не будем забывать, что средний класс выделяется не только по своим характеристикам, но и, главным образом, по тем функциям, которые он должен выполнять. Основными функциями среднего класса в его западном варианте являются: *диверсификация* общества по социальным группам за счет наполнения среднего класса новыми претендентами, материальное состояние которых достигает необходимых стандартов; *стабилизация* общества в силу высокого уровня восходящей экономической мобильности, ведущей к расширению общности людей, разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии; *расширенное воспроизводство научного и образовательного потенциала* благодаря накоплению и эффективному использованию человеческого капитала в сферах науки и образования. Выполнение названных функций превращает средний класс в носителя национальной культуры и выразителя общественных интересов.

Рассмотрим, какие функции может выполнять базовый слой в каче-

стве возможной альтернативы среднему классу.

В плане выполнения функции *диверсификации*, базовый слой, (как и средний класс), включает в себя практически все социальные группы (см. табл. 2) – служащих, рабочих, крестьян, предпринимателей, пенсионеров, домохозяек и безработных, учащихся – и в этом смысле разнообразен.

Что касается осуществления функции *стабилизации* общества на основе восходящей экономической мобильности, то определенная мобильность наблюдается, но в ограниченном диапазоне. Очевидно, что с наибольшей активностью перемещения происходят между базовым и нижними слоями, с меньшей – между базовым и верхними слоями, практически закрытыми для восходящей экономической мобильности. Получается, что средний, а ныне базовый слой, как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» в диапазоне от 2 до 4 БПМ свыше половины населения республики, своеобразно выполняя функцию стабилизации белорусского общества.

С кем себя идентифицируют представители базового слоя? В аспекте самоидентификации, в 2010 г., «бедными» считали себя 21,2% респондентов; людьми «среднего достатка» – свыше 1/2 (54,4%) респондентов, т.е. практически все, кто составляет базовый слой общества (табл. 4). Однако этих людей объединяют весьма скромные материальные возможности и соответствующие им потребности. Так, людьми «со средним достатком» называют себя те, кто располагает средствами на питание, одежду и текущие расходы, но не имеет возможности приобрести крупную бытовую технику (телевизор, холодильник, стиральную машину и др.). В перспективе, каждая из актив-

Таблица 4

Самоидентификация представителей разных социальных групп со слоями общества по уровню реальных располагаемых ресурсов, % (2010 г.)

Распределение ответов на вопрос: «К каким людям, по уровню материального достатка, Вы себя относите?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Бедные	4,8	5,6	1,0	0,3	6,6	0,8	2,1	21,2
Среднего достатка	17,1	12,8	1,8	2,3	11,6	5,6	3,2	54,4
С достатком выше среднего	1,0	0,5	0,1	1,5	1,4	0,3	0,4	5,2
Богатые	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	0,7
Затрудняюсь ответить	4,7	2,3	0,5	0,1	6,4	2,7	1,8	18,5
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100

Таблица 5

Самоидентификация представителей разных социальных групп со слоями общества по материальной обеспеченности семей, % (2010 г.)

Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного ниже точнее всего характеризует материальное положение Вашей семьи?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Семье часто приходится отказываться от необходимых продуктов питания и одежды; из домашнего имущества есть только необходимый минимум	2,6	2,2	1,0	0,2	12,6	1,0	3,5	23,1
Денег хватает только на необходимые продукты питания и одежду, на более дорогие вещи приходится откладывать (копить)	18,7	12,6	2,0	1,1	10,2	4,5	3,7	52,8
Денег, в принципе, хватает на нормальную жизнь	6,0	6,4	0,5	2,9	3,2	3,9	0,6	23,5
Семья может позволить себе дорогие приобретения (недвижимость, автомобили и пр.), престижный отдых, образование	0,3	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,6
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100

ных социальных групп базового слоя может перейти в потенциальный средний класс, при создании благоприятных обстоятельств, так как стремление людей вернуться в состав среднего класса из базового слоя связывается прежде всего с наличием востребованного высшего

образования и профессионального статуса (табл. 4).

То, что имеется в виду под понятием «средний достаток» по материальному положению, раскрывается в таблице 5. Средним достатком обозначается та ситуация, когда «Денег хватает только на необходимые про-

Таблица 6
Оценка представителями разных социальных групп подходов к решению материальных проблем, % (2010 г.)

Распределение ответов на вопрос: «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Повышаю свой доход всеми возможными способами	4,3	4,6	0,4	1,1	0,8	2,6	1,6	15,4
Стараюсь жить по средствам	12,1	12,5	2,6	0,9	15,5	4,5	4,0	52,1
Снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении)	7,5	4,0	0,5	2,3	5,9	1,7	1,7	23,6
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыть, отвлечься от проблем)	3,7	0,2	0,0	0,0	3,9	0,6	0,5	8,9
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100

Таблица 7
Оценка представителей разных социальных групп своих жизненных предпочтений, % (2010 г.)

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы предпочли?»	Служащий	Рабочий	Крестьянин	Предприниматель	Пенсионер (неработающий)	Учащийся (стационар)	Домохозяйка, безработный	Итого
Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой	10,8	10,5	0,8	3,5	1,3	6,3	1,8	35,0
Жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска	14,1	10,3	2,7	0,8	20,6	3,1	2,9	54,5
Затрудняюсь ответить	2,7	0,5	0,0	0,0	4,2	0,0	3,1	10,5
Итого	27,6	21,3	3,5	4,3	26,1	9,4	7,8	100

дукты питания и одежду, на более дорогие вещи приходится откладывать» (так ответили 52,8% респондентов). Как выясняется в ходе более глубокого анализа, это практически та доля респондентов, которая располагает реальными денежными ресурсами от 2 до 4 БПМ (52,1%) и определила свой достаток как «средний» (52,8%).

Для адекватного определения состояния базового слоя и оценки тен-

денций его развития как «живого организма общества», рассмотрим, в какой общественной среде он функционирует, какие общественные ценности и идеи он воспроизводит, и каковы, следовательно, возможности его качественного и количественного наполнения из других слоев общества. Для этого необходимо выяснить, что представляет собой базовый слой как социальная платформа общества, и почему он не может

быть отнесен к среднему классу как агенту научно-технического и социального прогресса.

Характерно, что базовый слой выполняет, как уже упоминалось, функцию стабилизации, однако он объединяет разные социальные группы по другим признакам, нежели средний класс. А именно: в плане материальных ресурсов – по «уровню равенства в бедности», в аспекте нематериальных ресурсов – на основе сохранения нерыночных ценностей в экономике и социальной сфере.

Как себя ведут представители базового слоя? При оценке собственных подходов к решению материальных проблем, 52,1% респондентов «стараятся жить по средствам», 18,7% «повышают свой доход всеми возможными способами», 20,8% – «снижают уровень своих запросов», 4,4% «ничего не предпринимают» (табл. 6). Более глубокий анализ показывает, что эти 52,1% и составляют базовый слой с характерным для него всеобъемлющим адаптивным типом экономического поведения.

Каковы жизненные предпочтения представителей базового слоя? Оценивая свои жизненные предпочтения, 54,5% респондентов, представляющих базовый слой, выразили желание «жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». Желание «жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой» выразили 25,6% респондентов, обладающих профессиональным статусом и активно действующих, и 9,4% респондентов, в силу обстоятельств уже (или еще) не способных оказывать влияние на общественные процессы (табл. 7).

Основные выводы исследования базового слоя

Таким образом, базовый слой общества, представляющий его со-

циальную платформу, имеет среднедушевой денежный доход в размере средней заработной платы, владеет достаточным для него (но не для среднего класса) образовательным потенциалом и находится в процессе простого воспроизводства своей рабочей силы. Моральное устаревание ценности полученного образования порождает экономическую и гражданскую инертность и затрудняет продвижение его обладателей в средний класс белорусского общества – наиболее восприимчивый к инновационным изменениям в экономической и социальной сферах. Поэтому, в своей основной массе базовый слой малопригоден для выполнения функции агента научно-технического и социального прогресса в обществе и не может претендовать на положение среднего класса в его западном варианте.

На данных государственной статистики нами показано, что базовый слой замещает в белорусском обществе средний класс по количественным характеристикам (срединное положение в обществе, массивность). Но не может заместить его по качественным характеристикам, таким, как уровень образования (ядро слоя – социальные группы со средним специальным образованием, включая профессионально-техническое), что влечет за собой самоидентификацию представителей базового слоя с людьми среднего достатка.

На материалах республиканского социологического мониторинга обосновано, что базовый слой замещает в белорусском обществе средний класс по выполнению количественных функций – диверсификации и стабилизации общества. Однако не может заместить его по выполнению качественных функций, таких как агент научно-технического

прогресса, носитель национальной культуры и выразитель общественных интересов, изначально присущих среднему классу.

Социальные последствия преобладания базового слоя, как альтернативы среднему классу, проявляются в том, что общество теряет склонность к новым решениям и способность создавать новые, а не использовать традиционные возможности. Так, анализ степени «национального драйва» представителей разных социальных слоев свидетельствует, что нижний слой – с доходом ниже БПМ (5,2%), обладает низким деятельностным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. Слой – ниже среднего – с доходом от 1 до 2 БПМ (30,2%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статуса. Сюда входят работники массовых профессий, сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Базовый (средний) слой – с доходом от 2 до 4 БПМ (51,1%), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих-специалистов, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, на поиск путей выживания. Формы и способы адаптационного поведения этих социальных слоев оказывают опосредованное влияние на ход процессов модернизации. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их

роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 86,5% населения в Беларуси.

Ситуация могла бы принципиально измениться с переходом работников из базового слоя в верхние слои, при условии усиления их мотивации (в том числе, материальными средствами) на упорный эффективный труд, нацеленности на постоянное повышение образовательного уровня и инновационной восприимчивости. В рамках данной стратификации, верхним слоем – выше 4 БПМ – назван относительно узкий слой (13,5% в 2010 г.), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы модернизации общества. Социально-профессиональная и образовательная структуры этого слоя удовлетворяют международным стандартам и, казалось бы, позволяют ему достойным образом выполнять функцию агента научно-технического и социального прогресса. Однако недостаточный удельный вес и слабое интеллектуальное влияние в обществе ограничивают деловую и творческую активность большинства представителей этого слоя и затрудняют их прямое влияние на модернизационные процессы.

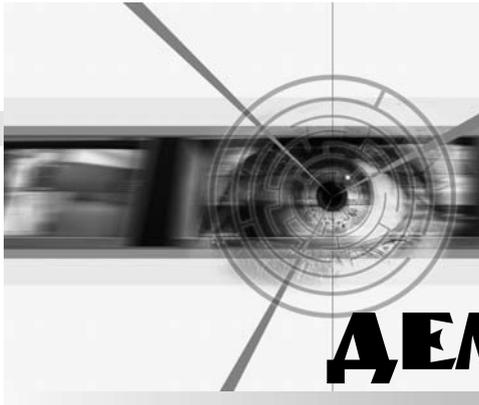
Решение задачи перехода наиболее активных представителей базового слоя в верхние слои по каче-

ственным признакам носит комплексный и долгосрочный характер. Оно связано с разумной экономической политикой, обеспечивающей возможность достойной оплаты квалифицированного наемного труда, а также – постоянного совершенствования квалификации кадров. Оно предполагает успешное проведение рыночных реформ, государственную поддержку среднего и малого бизнеса, государственную защиту частной собственности, продуманную и долгосрочную налоговую и кредитную политику. Оно во многом зависит от ясного и четкого законодательства и наличия механизмов реализации принятых законов. Однако ключевым направлением в переходе из базового в верхние слои (образ среднего класса) является, как считают экономисты, повышение реальной заработной платы как предпосылки успешной восходящей мобильности. Становление среднего класса в Республике Беларусь возможно без усиления роли государства в политике инвестирования в материальные и нематериальные ресурсы общества; именно здесь находится центральное звено, взявшись за которое, можно вытащить всю цепочку проблем, связанных с развитием верхних слоев как среднего класса в обществе.

Литература

1. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2010 (Стат. сб.). – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2010. – С. 109.
2. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2012 (Стат. сб.). – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2012. – С. 112.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – С. 479-480.
4. Соколова Г.Н. Средний класс Республики Беларусь // Социология PoCA. – 2006. – № 2. – С. 127-140.
5. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 147-156.
6. Ленин В.И. Великий почин // В.И. Ленин. Избранные сочинения. В 10-ти т. Т. 9. – М.: Политиздат, 1987. С. 9-12.
7. Erikson R., Goldthorpe J. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press, 1992.
8. Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure. N.Y.: John Wiley, 1967.
9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297-373.
10. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. – М.: Наука, 1993. – С. 376.
11. Соколова Г.Н. Класс(ы) средний(е). Экономико-социологический словарь / Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк, О.В. Терещенко и др. Науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск: ООО «ФУА-информ», 2002. – С. 150-152.

ДЕМОГРАФИЯ

Социальные детерминанты сокращения смертности сельского населения: типологический анализ

Блинова Т.В., Былина С.Г.

В работе представлены результаты многомерного типологического анализа субъектов РФ по структуре причин смертности сельского населения. Оценены роль и влияние социальных факторов снижения смертности в разных типологических группах регионов РФ. Обосновывается необходимость регионально дифференцированного подхода в социальной политике, ориентированного на снижение смертности сельского населения.

Ключевые слова: сельское население, причины смертности, социальные детерминанты, классификация, межрегиональные различия, дифференцированный подход

Blinova T.V., Bylina S.G.

Social determinants of mortality decline of rural populations: model logical analysis

The paper presents the results of a multidimensional typological analysis of subjects of RF according to their patterns of causes of rural mortality. The role and impact of social factors reducing mortality in different typological groups of regions of RF are considered. It is argued that a regionally differentiated approach to implementing the social policy should be applied to reduce the rural mortality. Key words: rural population, causes of death, social determinants, classification, interregional differences, differentiated approach

Актуальность проблемы и постановка исследовательских задач

Высокая смертность населения, в том числе трудоспособного возраста, обусловленная как эндогенными, так и экзогенными причинами, является одним из современных вызовов, который будет ограничивать возможности дальнейшего общественного развития и модернизации экономики России. Несмотря на то, что продолжительность жизни россиян за последние годы выросла, мы даже не приблизились к показателям экономически развитых стран, где ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет более 80 лет (Япония, Швейцария, Швеция, Франция, Италия, Испания, Норвегия, Австрия и др.). В России, в особенности сельской местности, этот показатель несопоставимо ниже. Сложившиеся уровень и структура причин смертности сельского населения, с одной стороны, отражают существующие проблемы в здравоохранении и слабую доступность медицинских услуг, с другой стороны, являются индикатором низкого качества жизни и социального самочув-

ствия населения, а также отсутствия эффективных стратегий сельского развития, что подтверждается полученными зависимостями смертности от факторов среды жизнедеятельности.

Правительством РФ поставлена задача к 2025 г. достичь средней продолжительности жизни в России, равной 75 лет. При этом обращается внимание на то, что существуют неиспользованные резервы по снижению уровня смертности от предотвратимых причин, дорожно-транспортных происшествий, в результате производственных травм, отравлений, прежде всего алкоголем. «Нужно укрепить систему профилактики и лечения онкологических, сердечно-сосудистых и инфекционных заболеваний. Курение, алкоголизм, наркотики без всяких войн, без всяких глобальных бедствий ежегодно уносят жизни 500 тыс. наших сограждан» [Отчет Правительства РФ перед Государственной Думой, 2012]. В последние годы продолжительность жизни мужчин и женщин увеличилась благодаря мерам, предусмотренным социальным проектом «Здоровье», модернизацией национальной системы здравоохранения, проводимой социально-демографической политикой, реализацией программы строительства высокотехнологичных медицинских центров в регионах России.

Вместе с тем, смертность населения, проживающего в сельской местности, остается недопустимо высокой. Показатели уровня и структуры смертности выступают важными индикаторами общественного здоровья, отражающими отношение государства к своим гражданам, качество жизни населения, сложившиеся ценности и социальные установки различных слоев населения, уровень развития здравоохранения, степень

доступности высокотехнологичных медицинских услуг, доминирующие стереотипы социального поведения, духовное состояние социума. Как уровень, так и структура смертности населения социально обусловлены, они изменяются вместе с развитием общества, под влиянием этих перемен и, в свою очередь, влияют на их направленность, темпы, характер. Межрегиональные различия в уровне и структуре причин смертности во многом определяются социальными условиями, в которых живут и работают люди.

Цель данного исследования – выполнить пространственный анализ структуры причин смертности сельского населения, факторов ее определяющих, оценить роль и влияние социальных индикаторов на сокращение смертности.

Для реализации поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи:

- выполнен анализ уровня и причин смертности сельского населения;
- разработана многомерная типология субъектов РФ по структуре причин смертности;
- дана характеристика типологических групп с использованием социальных, демографических, экономических, экологических параметров;
- выполнен корреляционный и регрессионный анализ, позволивший выделить базовые переменные, объясняющие структуру причин смертности сельского населения в разных типологических группах;
- проведены межрегиональные сопоставления, выполнен сравнительный анализ, выявлены комплексы факторов, влияющих на уровень и структуру смертности сельского населения каждой типологической группы для учета их влияния в социальной политике.

В итоге выделены наиболее значимые факторы, влияющие на снижение смертности сельского населения, которые нельзя игнорировать при разработке региональных стратегий социального развития села и региональных планов модернизации здравоохранения.

Причины смертности сельского населения

Природа взаимосвязи комплекса социальных, психологических, экономических, демографических, духовно-нравственных факторов, формирующих здоровье или заболеваемость очень сложная, а их влияние на структуру смертности является не только прямым, но и косвенным, как непосредственным, так и опосредованным и в целом – системным и полидетерминированным. Структура причин смертности сельского населения, помимо общих закономерностей развития российского села, отражает специфические социально-экономические, демографические, экологические, этнокультурные особенности, сложившиеся в отдельных субъектах РФ. В связи с этим, для улучшения общественного здоровья, повышения доступности высокотехнологичных услуг здравоохранения, направленных на увеличение ожидаемой продолжительности жизни, важен комплексный и регионально дифференцированный подход на основе учета социально-территориальных особенностей.

На это обращается особое внимание в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, где определены также этапы реализации разработанных мер, направленных на стабилизацию (2011- 2015 гг.) и постепенный рост численности населения России (к 2025 г.). Одной из важных задач демографической политики

РФ на период до 2025 года является увеличение ожидаемой продолжительности жизни [Концепция демографической политики РФ..., 2007]. В результате реализации мероприятий первого этапа выросла рождаемость и сократилась смертность населения России. В рамках программных мероприятий реализации второго этапа предусмотрено снижение смертности от заболеваний, лидирующих в структуре смертности. Региональными программами модернизации здравоохранения, направленными на повышение качества и доступности медицинской помощи населению (2011-2012 гг.), предусмотрено реформирование инфраструктуры здравоохранения, приведение её в соответствие со структурой заболеваемости и смертности на территории субъектов РФ.

Основными причинами смерти жителей сельской местности являются болезни системы кровообращения (56,5%), второе место занимают внешние причины, включая дорожно-транспортные происшествия всех видов, случайные отравления алкоголем, убийства и самоубийства (12,1%), на третьем месте – новообразования (11,6%). Показатели смертности от этих причин в сельской местности превышают общероссийские значения почти на четверть (23%). Структура смертности сельского населения по основным причинам смерти в 2010 г. представлена на рис. 1.

Современное село отличает феномен «сверхсмертности» мужчин трудоспособного возраста, который объясняется избыточной преждевременной смертностью от неестественных причин (несчастных случаев, травм, убийств, самоубийств) и болезней системы кровообращения, связанных не только с неудовлетворительным состоянием системы здравоохранения и медицинского обслу-

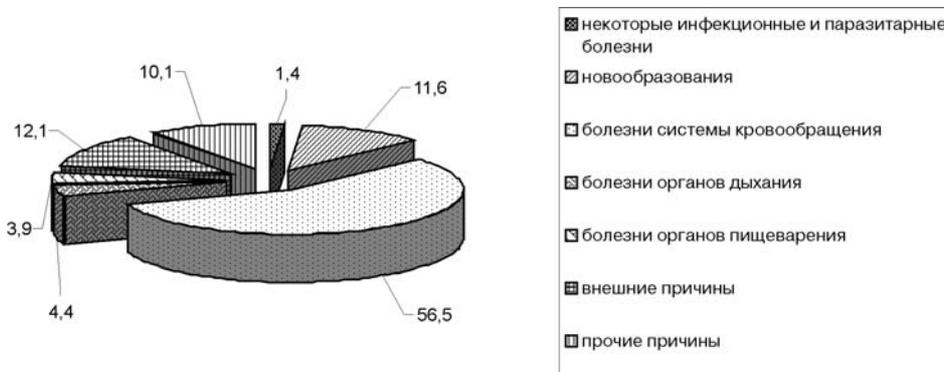

Рис. 1. Структура смертности сельского населения по основным классам причин смерти, 2010 г., %

живания населения, неблагоприятными условиями труда, низким уровнем развития инфраструктуры, но и образом жизни различных социальных групп сельского населения, распространением вредных привычек.

Остается высокой детская смертность от внешних причин, связанных не с болезнями, а травмами, отравлениями, утоплениями, дорожно-транспортными происшествиями, свидетельствующими, что условия жизнедеятельности и окружающая среда недружелюбны детям. В 2012 г. отмечен рост младенческой смертности в городской и сельской местности, что во многом связано с переходом на международные принципы регистрации родившихся.

В рамках сельской России существуют значительные межрегиональные различия по уровню и структуре причин смертности населения. Поэтому меры управленческого воздействия должны проводиться с учетом социально-территориальных особенностей и быть регионально дифференцированы.

Кластерный анализ и выделение типологических групп

Многомерный типологический подход широко используется в социологии для более углубленного

познания объекта исследования, общих закономерностей его развития и специфических особенностей взаимосвязи со средой. В представленном исследовании изучаются типы структур причин смертности сельского населения, сформировавшиеся в субъектах РФ и факторы их определяющие. В научной литературе рассматриваются две разновидности понятия «тип», используемого в эмпирической социологии. Во-первых, типы, известные в науке или в повседневной жизни, во-вторых, типы, носящие латентный характер, при этом каждый из них может выполнять разные функциональные роли, выступая целью познания или его средством [Татарова, 2007: 50-51]. Если указанный подход взять за основу, то в нашем исследовании выделенные далее типы являются латентными и служат инструментом познания пространственной специфики и региональной дифференциации структуры причин смертности сельского населения, что может быть использовано при разработке мер эффективной социальной политики.

Основанием многомерной типологии выступает структура причин смертности сельского населения, сконструированная по нозологическому профилю, где выделены базо-

вые классы причин. Для целей исследования использована шестикомпонентная модель понятия «структура причин смертности», позволившая выполнить разбиение выборки на относительно однородные классы. Нозологический профиль смертности сельского населения отражает пропорции между основными классами причин смерти в сельских поселениях на определенный момент времени.

По выделенным группам регионов в дальнейшем проводился сравнительный анализ, для которого были отобраны социальные, экономические, демографические, экологические факторы и аппроксимирующие их переменные, что позволило выявить особенности взаимосвязи структуры смертности с факторами социальной среды, условиями и стилем жизни. Носителями выделенных типов выступают региональные сообщества, классифицированные по определенному критерию и характеризующиеся разными условиями жизнедеятельности, моделями поведения, социальными установками, ценностными ориентациями, духовным состоянием. Исходя из этого, была высказана гипотеза о существовании латентных типов структуры смертности сельского населения.

Типологический признак «нозологический профиль смертности сельского населения», по которому строилась классификация субъектов РФ, измерялся региональными значениями коэффициента смертности (число умерших на 100000 чел. населения) по основным классам причин смерти, включающим: болезни системы кровообращения, некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, внешние причины смерти. Используются данные, раз-

мещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Для снижения размерности признакового пространства было проведено агрегирование показателей с помощью процедуры факторного анализа методом главных компонент с использованием пакета статистической обработки данных SPSS. В результате агрегирования получены две главные компоненты с долей суммарной объясненной дисперсии равной 67%. После этого осуществлена процедура иерархического кластерного анализа методом Уэбба с евклидовой метрикой. В результате классификации получено пять групп регионов РФ, объединенных по основному типологическому признаку, отражающему уровень и схожесть структуры причин смертности для каждой группы. На основе разработанной классификации субъектов РФ была составлена социальная карта, включающая выделенные типы сельских территорий, распределенные по структуре причин смертности населения. В таблице 1 приводятся обобщенные результаты классификации, содержащие число регионов и средние значения параметров для каждой типологической группы. С целью более углубленного анализа рассматривались не только субъекты РФ, но и входящие в их состав автономные округа (АО). Интерпретация результатов классификации базируется на сравнительном анализе кластерных профилей (средних показателей классификационных признаков) типологических групп между собой, с одной стороны, и в сопоставлении с факторами, детерминирующими структуру смертности сельского населения, с другой стороны.

В состав первой классификационной группы вошли 10 регионов: Амурская, Брянская, Калужская, Смо-

Таблица 1
Классификация регионов РФ по основным классам причин смертности сельского населения, 2010 г. (средние значения коэффициентов смертности, чел. на 100000 населения)

Группа	Число объектов	Все причины	Основные классы причин смерти					Внешние причины
			Некоторые инфекц. и паразитар. болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	
РФ	87	1613,9	23,4	186,5	911,8	71,1	62,1	195,4
1	10	2268,8	40,3	220,3	1377,2	84,6	92,1	298,5
2	21	2042,2	17	233,7	1231,8	80,8	71,5	224,7
3	28	1532,4	36,7	161,3	715	81,8	71,5	313,2
4	20	1519,2	21,6	187,6	822,4	62,1	56,3	181,3
5	8	903,2	13,9	113,5	539,2	23,1	40,3	92,2

ленская, Тверская, Тульская, Новгородская, Псковская области, Приморский край, Коми-Пермяцкий АО. Особенности этой группы состоят в том, что, во-первых, коэффициенты смертности сельского населения от основных классов причин смерти значительно выше, чем в среднем по России (исключение составляет Приморский край), во-вторых, среднегрупповое значение численности умерших от всех причин смерти (на 100000 населения) - самое высокое, в-третьих, для регионов первой группы характерен максимальный уровень смертности от болезней системы кровообращения.

Кроме того, в первую группу входят регионы с максимально высокими по РФ показателями смертности сельского населения от всех причин: Псковская, Тверская, Новгородская, Смоленская области. Для этой группы также характерны (табл. 1) наиболее высокие показатели смертности от основных классов заболеваний, кроме смертности от новообразований и внешних причин. Показатели смертности сельского населения от болезней системы кровообращения в регионах первой группы самые высокие по РФ. Максимальные значения коэффициентов смертности от данной причины характерны для

Псковской (1946,2 чел.), Тверской (1734,0 чел.), Новгородской (1671,6 чел.) и Смоленской (1515,8 чел.) областей. Таким образом, регионы первой группы характеризуются высокой смертностью сельского населения от основных причин смерти, особенно от заболеваний системы кровообращения.

Во вторую классификационную группу входит 21 регион: Архангельская, Белгородская, Вологодская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курская, Нижегородская, Волгоградская, Свердловская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Ульяновская, Ярославская, Магаданская области, а также Республика Карелия. Средние по группе коэффициенты смертности от всех причин, так же, как и в регионах первой группы, выше среднероссийских значений. Особенно высоки показатели смертности сельского населения от новообразований и болезней системы кровообращения. Показатели смертности сельского населения от данных заболеваний превышают среднероссийские значения во всех регионах, входящих в группу. В составе второй группы наиболее высокие значения коэффициента смертности сельского населения от ново-

образований отмечены в Магаданской, Рязанской, Курской областях, Республике Карелия. Наиболее высокие показатели смертности от болезней системы кровообращения наблюдаются в Нижегородской и Владимирской областях. В 15 регионах из 21 смертность от внешних причин выше среднероссийского уровня. Максимальные показатели смертности от внешних причин в рамках данной группы в Магаданской и Кировской областях. В большинстве регионов второй группы (13 из 21) показатели смертности от болезней органов пищеварения превышают среднероссийские значения. Наиболее высокие показатели смертности от данной причины отмечены в Ивановской (122,2 чел.) области (в рамках данной группы). Магаданская область отличается максимальной по группе смертностью от болезней органов дыхания. От данной причины в 10 субъектах РФ, из числа входящих во вторую группу, смертность сельского населения выше среднероссийской. Однако, в регионах второй классификационной группы ниже среднероссийского уровня смертность от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний. Исключение составляют Свердловская, Новосибирская и Ульяновская области. В целом в регионах второй группы показатели смертности от всех причин смерти сельского населения ниже, чем в регионах, входящих в первую группу. Таким образом, регионы второй группы характеризуются высокой смертностью сельского населения особенно от новообразований и болезней системы кровообращения.

Третью группу образуют 28 регионов РФ: республики: Башкортостан, Коми, Марий Эл, Удмуртия, Чувашия, Алтай, Тыва, Бурятия, Саха (Якутия), а также Калининградская, Кур-

ганская, Тюменская, Иркутская, Кемеровская, Сахалинская области, Забайкальский, Красноярский, Пермский, Хабаровский края, Агинский Бурятский, Усть-Ордынский Бурятский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Чукотский автономные округа, Еврейская автономная область. Во всех регионах третьей группы смертность от внешних причин (на 100000 населения) выше, чем в среднем по России. Максимальные значения этого показателя характерны для Чукотского АО. В большинстве регионов группы выше среднероссийских показатели смертности сельского населения от болезней органов пищеварения (19 из 28) и дыхания (15 из 28). В группу входит регион с максимальной по РФ смертностью сельского населения от болезней органов пищеварения в расчете на 100000 населения – Эвенкийский АО. В 18 регионах из 28 коэффициент смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний выше среднероссийского. Особенно велика смертность от данной причины в Корякском автономном округе. В большинстве регионов, составляющих третью классификационную группу, показатели смертности сельского населения от болезней системы кровообращения ниже, чем в среднем по России. Исключение составляют Корякский автономный округ и Пермский край. От новообразований в среднем по группе смертность также ниже среднероссийской. Таким образом, в регионах третьей группы наиболее высокий уровень смертности сельского населения от внешних причин смерти.

Четвертую классификационную группу представляют 20 регионов: Астраханская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Ростовская, Оренбургская, Самарская, Саратов-

ская, Омская, Томская, Челябинская области, Алтайский, Камчатский, Краснодарский края, а также республики: Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Мордовия, Татарстан, Хакасия. Смертность от внешних причин, болезней органов дыхания, пищеварения и инфекционных заболеваний в среднем по группе существенно ниже, чем в регионах первых трех групп и среднего значения по РФ. Смертность от болезней органов кровообращения ниже средней по РФ во всех регионах группы, кроме республики Татарстан, Липецкой, Омской и Ростовской областей, однако, выше, чем у регионов, входящих в третью классификационную группу. Показатели смертности от новообразований в 11 субъектах из 20 выше среднего по РФ. Наибольшие потери сельского населения от данной причины среди регионов четвертой группы в Алтайском крае и Томской области. В регионах, составляющих четвертую классификационную группу, показатели смертности сельского населения от всех причин смерти ниже среднероссийских. Результаты классификация регионов РФ свидетельствуют, что средние значения коэффициентов смертности (чел. на 100000 населения) от основных причин смерти ниже, чем в среднем по РФ, исключение составляет смертность от новообразований.

В пятую группу вошли восемь регионов, в которых показатели смертности сельского населения по всем основным причинам смерти ниже, чем в среднем по России. Это: Мурманская область, республики: Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чеченская, Ставропольский край, Ханты-Мансийский АО. Из всех классификационных групп регионов показатели уровня смертности сельско-

го населения в субъектах, входящих в пятую группу, наиболее низкие.

Сопоставление выделенных типологических групп с социально-экономическими, экологическими, демографическими характеристиками субъектов РФ дает представление об особенностях и направлениях взаимосвязи структуры смертности с условиями и стилем жизни, стереотипами социального поведения, степенью склонности к вредным привычкам населения разных территорий.

Факторы снижения смертности сельского населения

Структура причин смертности обусловлена комбинацией целого комплекса условий и факторов, каждый из которых изменяется от региона к региону. Так, лучшими ресурсами и высокой доступностью к высокотехнологичной медицинской помощи обладают крупные города, такие как Москва, Санкт-Петербург, а ограниченные возможности и низкая доступность к услугам здравоохранения отличают условия жизни сельских жителей. Структура занятости и уровень безработицы, условия труда, степень безопасности среды, уровень жизни, рынки доступного жилья, экологическая ситуация, природно-климатические условия в субъектах РФ различны. Потребность в услугах здравоохранения, платежеспособный спрос на высокотехнологичные медицинские услуги, структура их предложения, как правило, в регионах не сбалансированы и не соответствуют доступным ресурсам. Мы согласны с Ивановой А.Е., которая подчеркивает, что важными факторами, определяющими уровень смертности, являются состояние здравоохранения и доминирующие стратегии самосохранительного поведения населения [Иванова, 2010: 88]. Значительным резервом

Таблица 2
Основные социально-экономические показатели, средние по группе

Показатели	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа
Численность умерших от всех причин на 100000 человек сельского населения, чел.	2265,8	2042,2	1548,1	1519,2	903,2
Доля лиц пенсионного возраста в общей численности сельского населения, %	26,4	25,9	16,6	21,4	14,4
Численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, на 100000 нас., чел.	1953,2	1906,6	1828,3	1535,7	790,5
Число зарегистрированных преступлений на 100000 населения	3839,6	4961,9	6142,9	6109,5	2177,3
Численность среднего медицинского персонала на 10000 населения, чел.	105,4	116,8	119,7	105,8	105,9
Численность врачей на 10000 чел. населения, чел.	45,5	46,4	47,5	46,7	45,3
Уровень безработицы, %	8,3	8,7	10,5	8,6	18,5
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	16	16	17	16,9	17,8

увеличения продолжительности жизни является сокращение смертности от предотвратимых причин. Ежегодно около 200 тыс. чел. умирает по причинам, которые можно было предотвратить...» [Прохоров и др., 2011: 204]. Большинство исследователей считает, что уровень общественного здоровья, которое является важным показателем качества жизни, формируется социально-экономическими условиями и факторами, к которым относятся величина доходов населения, жилищно-бытовые условия, доступность и качество медицинского обслуживания, наличие или отсутствие достойной работы, вредные привычки – алкоголизм, курение, наркомания, преступность, миграционная подвижность, благоустройство территории (Прохоров, 2011: 205-206). Если индивидуальная смертность зависит от множества случайностей, то уровень попу-

ляционной смертности отражает в значительной мере состояние условий жизнедеятельности и влияние экономических, социальных, экологических, этнокультурных, природно-климатических и других факторов, важнейшим из которых является духовное развитие общества.

На данном этапе исследования решались три группы задач. Во-первых, выполнен отбор эмпирических индикаторов для характеристики выделенных групп субъектов РФ, при этом использовались параметры, не применяемые для разработки типологической группировки. Во-вторых, выделены социальные детерминанты, отвечающие критериям «управляемых факторов». В-третьих, проведен анализ влияния специфических характеристик и особенностей развития субъектов РФ на структуру смертности сельского населения. Детерминантами смертности явля-

ются факторы, которые, помимо непосредственных причин в форме различных классов заболеваний, влияют на смертность населения. В данном контексте детерминантами смертности выступают комплексы социальных условий и предпосылок, совместное действие которых повышает риск смертности. В связи с этим в данном исследовании разграничены непосредственные причины смертности (классы заболеваний, которые привели к смертельному исходу) и факторы (социальные, экономические, демографические, экологические, поведенческие), которые повышают риски смертности. Необходимо подчеркнуть наличие разного негативного синергетического эффекта от взаимодействия причин, предпосылок, факторов и условий смертности, различные комбинации которых формируются в субъектах РФ, действуя совместно. То есть заболеваемость от различных классов причин приводит (или не приводит) к смертности при наличии определенных условий, на формирование и изменение которых можно воздействовать. В таблице 2 представлены социально-экономические характеристики выделенных ранее типологических групп.

Как показывают данные табл.2, средняя по группе численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, уменьшается от первой к пятой группам, демонстрируя тесную обратную связь с показателем смертности сельского населения. В регионах третьей группы, отличающихся самым высоким уровнем смертности сельского населения от внешних причин, наихудшая ситуация с безопасностью социальной среды, характеризующаяся числом зарегистрированных преступлений на 10000 населения, высокой степе-

ню дифференциации населения по уровню доходов, а также достаточно высоким уровнем безработицы. От первой к третьей группе увеличивается кадровая обеспеченность медицинских учреждений врачами и средним медицинским персоналом. Величина валового регионального продукта на душу населения увеличивается от регионов, входящих в первую группу к регионам, составляющим третью группу, где данный показатель – максимален (следует принять во внимание, что в эту группу входят Тюменская область и Чукотский А.О., имеющие максимальные значения данного показателя среди субъектов РФ). Доля населения пенсионного возраста в среднем уменьшается от первой к пятой группе.

Типологическая группировка субъектов РФ по структуре причин смертности населения представляет не только академический интерес в рамках эмпирической социологии, позволяя выделить типы, имеющие латентный характер, она имеет определенный практический смысл, поскольку позволяет обозначить «контролируемые» и «управляемые» параметры для каждой группы территорий, включенных в выборку.

Влияние социальных факторов на структуру смертности сельского населения в межрегиональном разрезе оценивалось с помощью двух исследовательских стратегий. В первой стратегии влияние социальных факторов сравнивалось с влиянием демографических, экономических, экологических, во второй – рассматривались только социальные факторы, которые сравнивались между собой. С этой целью были выполнены оценки уравнений регрессии, в которые в первом случае было включено четыре группы индикаторов: социальные, демографические, экономические, экологические, которые

в обобщенном виде отражают ситуацию в регионе, а во втором случае рассматривались только социальные параметры. Для аппроксимации социально-экономических факторов использовались следующие индикаторы и имеющиеся в статистической базе данных переменные.

Во-первых, отношение государства к здоровью граждан, количественно «измеренное» показателем расходов консолидированных бюджетов на здравоохранение, физическую культуру и спорт, объем которых отражает не только уровень социально-экономического развития, но и ту часть, которую общество готово направить на здоровье населения. Государственные расходы на здравоохранение в экономически развитых странах составляют: 8,8% валового внутреннего продукта (Франция), 8,0 (Германия), 8,4 (Дания), 7,2 (Норвегия) по данным за 2008 г. В России они значительно ниже и равнялись 3,7% ВВП (2010 г.) [Здравоохранение в России, 2011: 278]. Направлением, которое эффективно используется в развитых странах, является разработка мер, ориентированных, прежде всего, на снижение предотвратимой смертности. Радикальное улучшение системы медицинского обслуживания населения, профилактика и диагностика эндогенных заболеваний, создание условий для развития массового спорта позволят снизить смертность населения. Необходимо продолжить реализацию программы строительства высокотехнологичных медицинских центров, в том числе многофункционального назначения, увеличивая объемы высокотехнологичной медицинской помощи. Расходы на финансирование системы здравоохранения играют важную роль в сокращении смертности населения. Однако эта связь не является линейной, потому, что в

субъектах РФ с сопоставимыми уровнями расходов показатели смертности различаются, что отражает влияние других, не менее важных факторов.

Во-вторых, степень социальной доступности рекреационных и медицинских услуг определяется не только развитием социальной инфраструктуры, но и уровнем доходов граждан. В качестве показателя мы использовали численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения, которая различается по субъектам РФ. Общеизвестно, что низкие доходы ограничивают доступность не только высокотехнологичных услуг здравоохранения, но и традиционных платных медицинских услуг. Основной стратегией низкодоходных групп является самолечение, базирующееся на индифферентном отношении к своему здоровью. Как показывают результаты социологических исследований, представители низкодоходных групп реже обращаются за квалифицированной медицинской помощью, и, в основном, на поздних стадиях заболеваний, они чаще занимаются самолечением или следуют советам фармацевтической рекламы в СМИ [Шилова Л.С., 2007]. Несмотря на то, что официальный уровень бедности в настоящее время понизился по сравнению с периодом прошлых лет, однако в ряде регионов он намного выше среднего по стране. Руководством страны достигнуто понимание, что в категорию бедных чаще всего попадают семьи с детьми: «Причём у них бедность усугубляется с рождением каждого следующего ребёнка. По оценкам экспертов, риск бедности в полной семье с двумя детьми составляет около 50 %, а с тремя и более детьми – около 70 %» [Выступление Д. Медведева, 2012].

В-третьих, уровень безработицы, рассчитываемый по методологии международной организации труда (МОТ). Поскольку значительную часть потерь формируют безработные и социальные группы, живущие на грани нищеты, маргинальные слои населения, утратившие жизненные перспективы, преодоление бедности и снижение уровня безработицы выступают необходимыми предпосылками сокращения смертности сельского населения. Влияние бедности, распределения доходов, безработицы, жилищных условий, степени безопасности среды, социального положения индивидов на здоровье, болезни, смертность являются предметом социологических исследований в России и зарубежных странах [Гидденс, 2005].

В-четвертых, отношение граждан к своему здоровью, степень их социальной ответственности за собственное здоровье и склонность к вредным привычкам, при этом использовались параметры, характеризующие отдельные стороны образа жизни. Для анализа межрегиональных различий применялись два показателя, во-первых, численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях в расчете на 100000 населения, во-вторых, численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях в расчете на 100000 населения. Указанные показатели, которые дают представление о поведенческих характеристиках различных групп населения региона, отражающих степень склонности к вредным привычкам. Общеизвестно, что алкогольная и наркотическая смертность достигла в России угрожающих масштабов и является нерешенной национальной проблемой. Необходимы экстренные меры, на-

правленные как на ограничение потребления алкоголя, так и на формирование стереотипов здорового образа жизни, определенной потребительской культуры. В экономически развитых странах ширятся различные общественные движения за «здоровое общество», ведется интенсивная пропаганда «здорового образа жизни», активизируются попытки повлиять на выбор стилей жизни и моделей поведения молодежи, что дает свои положительные результаты. Как итог – растет продолжительность жизни, сокращается уровень смертности.

В-пятых, степень безопасности социальной среды, представленной числом зарегистрированных преступлений (на 100000 населения). Общеизвестно, что социальная политика должна быть ориентирована не только на повышение доступности бесплатной медицинской помощи и улучшение качества платных услуг, но и на создание безопасных условий жизни людей, способных предотвратить смертность от внешних причин.

В-шестых, кадровое обеспечение учреждений здравоохранения, представленное численностью врачей и среднего медицинского персонала на 10000 населения.

Для аппроксимации демографического и экономического индикаторов использовались показатели удельного веса пенсионеров в структуре населения (степень демографического старения) и величина валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения, характеризующая уровень экономического развития региона, а также инвестиции в основной капитал, направленные на развитие здравоохранения. Несмотря на доказанную в различных исследованиях обратную зависимость смертности населения от

уровня экономического развития региона, измеряемого показателем валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения, эта связь не является безусловной, а тем более линейной. Так, в Чукотском АО высокий показатель уровня смертности населения соседствует с высоким показателем ВРП на душу населения.

Экологическая характеристика регионального развития была представлена показателями воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы (сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты; выбросы загрязненных веществ в атмосферный воздух). Указанные параметры включены в уравнение регрессии по состоянию за 2009 год, т.е. с лагом в один год от показателей смертности сельского населения.

Для выделения доминирующих факторов был выполнен регрессионный анализ в рамках типологических групп и построены зависимости коэффициента смертности от рассмотренных показателей. Модели строились как для РФ в целом, так и в отдельности для групп регионов, выделенных при классификации сельских территорий по основным причинам смертности населения. Отобраны зависимости с коэффициентами регрессии, значимыми на 5% уровне, и коэффициентами множественной детерминации выше 0,7. Анализ полученных регрессионных зависимостей позволяет сделать следующие выводы.

Для сельской России в целом параметрами, оказывающими влияние на сокращение смертности населения, являются повышение социальной ответственности государства за здоровье граждан (увеличение расходов на развитие здравоохранения, физической культуры и спорта), ва-

ловой региональный продукт в расчете на душу населения, уровень безработицы, социальная безопасность среды, повышение социальной ответственности граждан за собственное здоровье, отказ от вредных привычек. Для регионов первой группы с высокой смертностью сельского населения от основных классов причин смерти и регионов второй группы, имеющих высокий уровень смертности сельского населения от болезней системы кровообращения и новообразований, наиболее значимым фактором оказались расходы на развитие здравоохранения, физической культуры и спорта. Для регионов третьей группы, которые характеризуются высоким уровнем смертности сельского населения от внешних причин, наиболее значимыми факторами являются показатели социальной безопасности среды, расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение, физическую культуру и спорт, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения. В четвертой и пятой группах, которые были объединены в связи с малочисленностью последней, факторами, влияющими на уровень смертности сельского населения, являются экологическая ситуация в регионе, степень безопасности среды, характеристики образа жизни, расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение, физическую культуру и спорт, кадровое обеспечение учреждений здравоохранения. Необходимость повышения социальной ответственности граждан за собственное здоровье, отказ от вредных привычек явились важными для всех типологических групп. В отношении экологической безопасности наилучшая ситуация наблюдается в регионах второй и четвертой групп, что

подтверждается высоким уровнем смертности от новообразований, а также органов дыхания и пищеварения. Демографическое старение населения увеличивает нагрузку на все системы здравоохранения регионов, возрастные заболевания приобретают всё большую значимость. Кроме того, риски заболеваемости и смертности в старших возрастных группах значительно выше.

Таким образом, полученные модели, связывающие уровень смертности сельского населения с социальными, экономическими, демографическими, экологическими характеристиками субъектов РФ позволяют дифференцировать подходы к выбору и реализации региональных стратегий, направленных на улучшение здоровья сельского населения, снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни.

В рамках данного исследования из-за отсутствия точных аппроксимирующих параметров, не рассмотрены факторы духовного состояния социума, которые определяют стиль жизни и являются наиболее важными (первостепенными) для сокращения смертности населения. Вместе с тем, результаты социологических исследований, проведенных в разных регионах страны, свидетельствуют о значимости духовного здоровья, наличия перспектив, веры в будущее, благоприятной социальной атмосферы для роста продолжительности жизни и сокращения смертности населения. Нами учитывалось их косвенное влияние на поведенческие характеристики и стили жизни различных групп населения.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают необходимость регионально дифференцированного подхода в реализации мер

социальной политике, направленных на снижение смертности сельского населения. Многомерный типологический подход позволил выполнить пространственный анализ структуры причин смертности сельского населения и оценить влияние различных факторов, включая поведенческие, на сокращения смертности сельского населения. Сопоставление выделенных на базе кластерного анализа типологических групп с социальными, экономическими, экологическими, демографическими характеристиками субъектов РФ позволило выявить особенности и направления взаимосвязи структуры смертности с условиями и стилем жизни, стереотипами социального поведения, степенью склонности к вредным привычкам населения разных территорий. В итоге были выделены наиболее значимые факторы, влияющие на снижение смертности сельского населения, которые нельзя игнорировать при разработке региональных стратегий социального развития села и региональных планов модернизации здравоохранения.

Смертность в России несопоставимо выше, чем в экономически развитых странах, а смертность сельского населения выше, чем городского. Снижение сверхсмертности может дать наиболее быстрый эффект в краткосрочном периоде. Вместе с тем необходимо учитывать, что проблема исследования факторов, условий и предпосылок сокращения смертности населения является междисциплинарной, а ее решение должно быть системным. Структура причин смертности населения регионов РФ формируется как результирующий итог совокупности факторов, отражающих демографическую ситуацию, состояние здравоохранения, степень доступности медицинских и рекреационных услуг, экологические

проблемы региона, уровень и качество жизни населения, поведенческие характеристики, склонность к вредным привычкам и другим, образующих разные сочетания и комбинации. Важную роль играют социальная атмосфера и духовное состояние социума, которые в данном исследовании не являлись предметом анализа и из-за трудностей количественной оценки, а также поиска аппроксимирующих параметров не вошли в уравнение регрессии. Вместе с тем система факторов ценностной сферы, позитивный социальный настрой, уверенность в завтрашнем дне, ощущение позитивных надежд, видение перспективы, играют значительную роль в формировании здорового образа жизни, реализации стратегий самосохранительного поведения и повседневных практик, что в результате ведет к изменению структуры и понижению уровня смертности. Это направление исследования является перспективным.

Полученные результаты позволяют сделать выводы, подтверждающие, во-первых, взаимосвязь социальных характеристик региона и показателей смертности, во-вторых, значимость регионально дифференцированного подхода при реализации важнейших направлений социальной политики, направленной на снижение смертности сельского населения, в-третьих, необходимость повышения ответственности государства за состояние национальной системы здравоохранения и социальной ответственности граждан за собственное здоровье. Проведенное исследование имеет практическую значимость, позволяя выявить факторы, которые способствуют сокращению смертности сельского населения и условия, формирующие данный нозологический профиль, характеризующий структуру причин

смертности в регионах определенных типологических групп.

Таким образом, формирование определенных социальных условий, ценностей, установок, стереотипов поведения, качества и доступности высокотехнологичных услуг здравоохранения участвует в механизме сокращения смертности населения. Результаты исследования подтверждают выводы других авторов о значимости факторов социальной среды для сокращения смертности сельского населения. Доклад Комиссии ВОЗ «Ликвидировать разрыв в течение жизни одного поколения» акцентирует внимание на социальных детерминантах здоровья, которое рассматривается как одно из фундаментальных прав человека. В своих публикациях, содержащих важные рекомендации, ВОЗ обращает внимание на необходимость улучшения условий повседневной жизни, сокращения бедности, преодоления неравенства в отношении здоровья и несправедливого распределения ресурсов. (Доклад Комиссии ВОЗ).

Необходимо учитывать, что межрегиональная дифференциация сельских территорий предопределяет разные подходы к выбору и реализации региональных стратегий. Учет территориальных особенностей в стратегии повышения качества общественного здоровья позволит повысить эффективность использования выделяемых на эти цели государственных средств.

Литература

Отчет Правительства РФ перед Государственной Думой. 11 апреля 2012 г. URL:<http://premier.gov.ru>. (дата обращения 25.04.2012)

Выступление Д. Медведева на расширенном заседании Государственного совета 24 апреля 2012 г. Сайт Президента РФ. URL:<http://>

www.kremlin.ru. (дата обращения 25.04.2012)

Гидденс Э. Социология /При участии К. Бердсолл: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 133 - 136.

Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2009 г. Здоровье и системы здравоохранения. ВОЗ, 2010. – 218 с.

Доклад Комиссии ВОЗ по социальным детерминантам здоровья «Ликвидировать разрыв в течение жизни одного поколения». URL: <http://www.healthrights.am/rus>. (дата обращения: 1.03.2012)

Иванова Е.И. Смертность российских мужчин (причины и региональные различия) // Социс, 2010. № 5. С. 87-99.

Измеров, Н.Ф., Тихонова, Г.И. Проблемы здоровья работающего населения в России // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 56-70.

Информационный бюллетень «Социальные детерминанты здоровья». Документационный центр Всемирной организации здравоохранения. Выпуск 2, октябрь 2010 г. URL: http://whodc.mednet.ru/component/option,com_attachments/id,79/task,download/ (дата обращения 25.04.2012).

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351.

Концепция развития здравоохранения РФ до 2020 года. // URL: <http://www.minzdravsoc.ru>. (дата обращения: 29.09.2010).

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. (дата обращения: 12.03.2012).

Прохоров, Б.Б. Регионы России на пути в медико-демографическое будущее / Б.Б.Прохоров // Проблемы прогнозирования. 2011. № 1. С. 115-135.

Прохоров Б.Б., Иванова Е.И., Шмаков Д.И., Щербакова Е.М. Медико-демографическое прогнозирование. М., МАКС Пресс, 2011. 355 с.

Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2007. 236 с.

Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социс, 2007. № 9.

Шилова Л.С. О стратегии поведения людей в условиях реформы здравоохранения // Социс, 2007. № 9.

Трансформация репродуктивного поведения россиян

Новоселова Е.Н.

В статье проводится критический анализ современных демографических тенденций в России, рассматривается такая опасная для страны угроза как резкое снижение численности населения. Автор поднимает такую фундаментальную и, несомненно, влияющую на демографическую ситуацию проблему как эгоизм, который превратился в основу мировоззрения общества. В статье также предложены возможные пути воздействия на репродуктивные ориентации населения, рассмотрены основные инструменты трансляции ценностей семьи и детей в современном обществе.

Ключевые слова: депопуляция, общество потребления, эгоизм, репродуктивное поведение, добровольная бездетность, воздействие на репродуктивное поведение, инструменты трансляции ценности семьи.

Novoselov E. N.

Transformation of the reproductive behavior of Russians. The current article examines critical demographic tendencies in Russia and reveals sharp depopulation as a dangerous threat for the country. The author raises such fundamental and certainly crucial problem for demographic situation as an egoism, which turns into mass ideology. Potential ways of influencing the reproductive orientations of the people are analyzed in the article, as well as the main instruments of family and children's values translation in contemporary society.

Key words: Depopulation, reproductive behavior, egoism, childfree, ways of influencing the reproductive orientations, instruments of family and values translation.

Сегодня, казалось бы, государство, наконец, стало признавать ценность семьи и ее роль в общественном развитии. Пропаганда ценности семьи и детей, укрепление института семьи, повышение уровня рождаемости и снижение смертности - объявлены приоритетными задачами государственной политики в России. Демографическая ситуация в стране признана кризисной, и это уже является первым шагом в направлении преодоления кризисных тенденций семейных изменений. Однако, демографическая ситуация в России все еще плачевна, а широко рекламируемая Концепция демографического развития отнюдь не гарантирует выхода из депопуляции.

Нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, увеличение разводимости, удельного веса неполных семей – вот лишь некоторые демографические показатели которые наглядно демонстрируют изменения института семьи. Происходит процесс размывания системы поведенческих норм в сфере брака и семьи, представлений о содержании семейных ролей. Трансформация семьи как социального института сопровождается ростом альтернативных форм семейных отношений, таких как материнские семьи, сожительства, би-

гамные и полигамные семьи, гомосексуальные союзы и т.д. По данным официальной статистики 3 млн. супружеских пар или 10% от общего числа браков не имеют официальной регистрации, при этом почти треть всех рождений происходит вне брака.

Демографическая ситуация в России оценивается учеными как очень тревожная. «Все достижения в этой области у нас очень скромные, поскольку нет как такового увеличения роста коэффициента рождаемости: есть лишь небольшие колебания в рамках снижения потребности в детях, падения рождаемости у женщин фактически всех возрастов, за исключением небольшого роста в более старшей возрастной категории за 40 лет. А это тоже само по себе является признаком скорее не радостным, поскольку всегда во всех странах, где рождаемость снижалась, наблюдались изменение возрастной структуры рождаемости, переход в более поздние возраста и увеличение среднего возраста материнства» [7]. В ближайшие десять лет российскую демографию ждет провал: с каждым годом детей рождать будет все меньше.

Россия, даже по сравнению с другими депопулирующими странами, особенно стремительно падает в демографическую яму. Если можно еще сомневаться в том, что будет к середине века, то ситуация к 2030 году прогнозируется с достоверностью. Все младенцы, которые вступят к тому времени в трудоспособный возраст, уже родились и их можно сосчитать. Так вот, сосчитали: через 20 лет людей в трудоспособном возрасте в России станет на 18 миллионов меньше, чем сегодня. То есть мы потеряем 20 процентов трудоспособного населения. Такое резкое сокращение неизбежно приведет к

спаду в экономике, и, соответственно, упадет уровень жизни всех россиян: снизятся доходы и зарплаты, будут съезживаться социальные программы, пенсии. Правительству придется прибегать к таким непопулярным мерам, как удлинение рабочего дня и повышение пенсионного возраста» [29].

Решение демографической проблемы, преодоление депопуляционных тенденций не под силу только одному государству, даже когда оно осознает всю губительность для себя этого кризиса, институт семьи необходимо укреплять с помощью совместных усилий государства и общества. Без ясно выраженной политической воли со стороны власти, обеспечивающей системное противодействие процессам депопуляции, без активной позиции политических и общественных сил, отражающей волю к жизни самого народа, демографическую проблему не решить. Кроме этого, «необходимо и осознание людьми приоритетов социально-демографической политики... Без благоприятного общественного мнения, без гражданского самосознания и самоуважения затраты ресурсов на проведение демографической политики не дадут ожидаемых результатов...» [15].

Вместе с тем сегодня интересы семьи оказываются принесенными в жертву индивидуалистически ориентированной личности, а интересы отдельного индивида становятся фокусом общественной жизни. Эгоизм - фундаментальная проблема современного общества. Это явление имеет глобальный характер. Эгоизм превращается в основу мировоззрения общества. «Нарциссизм и аутоэротизм становятся легитимными, формируют рекламу, моду, эстетику глянцевого журналов, приемы украшения тела, виртуальные про-

странства» [23, 61]. Реклама учит – «мир создан для тебя», «пусть весь мир подождет», «оторвись по полной», «бери от жизни все» - эгоизм навязывается модой, рекламой и самой повседневностью как норма жизни, как признак сильного человека, который не боится брать от жизни все и делать это любыми способами.

Человечество само построило тот мир, в котором мы сейчас живем, мир в точности соответствующий его природным свойствам: стремление к наживе, использование окружения для личной выгоды, желание выставить себя в выгодном свете в обществе.

Эгоизм - это черта характера, которая возвращается, лелеется и пестуется родителями (особенно, это касается детей растущих в однодетных семьях) и обществом, в котором основной функцией человека и его главным занятием является потребление. Нынешняя система, насаждая безостановочное потребление и культ денег, заставляет, по сути, людей быть эгоистами - ведь эгоизм, алчность, беспринципность это основополагающие качества для человека, желающего «быть успешным» в обществе потребления.

Современное общество потребление также стимулировало и инфантилизацию общества, породив неадекватное поведение взрослых людей, являющееся по существу «детским». Это легко объяснимо - такими людьми легче манипулировать. Инфантил - идеальный потребитель. Психологи даже ввели термин «кидалт» (от английского kid и adult, «взрослый ребенок») в применении к инфантильным молодым эгоистам 30-35 лет и старше, которые не желают взрослеть и брать на себя ответственность. Впервые термин «употребил американский психолог

Алекс Калькутт в 1998 году. В своей работе «Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления» он предположил, что современное общество все более активно демонстрирует свое нежелание взрослеть. Кидалты могут быть вполне успешны в карьере, неплохо зарабатывают и занимают достаточно высокое социальное положение. Но при этом любят сказки, мультики, игрушки и ведут себя как дети. Кидалты - идеальные потребители гаджетов, компьютерных игр, бытовой техники, украшений, дорогой одежды и автомобилей. В них производители всех этих товаров нашли самых рьяных покупателей. По данным западных социологов, в США уже более 7 млн. кидалтов. В России они появились совсем недавно, но их число стремительно растет. Маркетологи уверены, что ребенок живет внутри каждого пятого взрослого россиянина. «Это общемировая тенденция. Увеличение числа кидалтов – результат активной пропаганды потребительских ценностей и своеобразного духовного вакуума в обществе», – считает кандидат психологических наук Наталья Гурова» [25]. Семьи и детей у большинства кидалтов нет. Они как подростки – у них есть друзья/подруги, с которыми их связывают общие увлечения - любовь к определенным фильмам, игрушкам и музыке.

Пока молодежь упивается игрушками, люди постарше все больше увлечены омолаживающими технологиями. Не малую роль здесь сыграло лобби индустрии моды и красоты. Все производители косметики, салоны красоты и клиники пластической хирургии старательно внушают женщинам, что, не пытаясь задержать молодость с помощью их товаров и услуг они станут непривлекательными, нелюбимыми, ненужными. Эти индустрии пропагандиру-

ют молодость во всех ее проявлениях, в том числе искусственном – глянцево, гламурном. В наши дни престижно быть молодым и энергичным. Старость оказывается абсолютно маргинальным, негламурным состоянием. Наш век – поистине век прогрессирующей геронтофобии. Многие люди отождествляют старость и одиночество, но ведь можно попытаться избежать этой проблемы пожилого возраста. Большая и дружная семья, искренние и крепкие отношения с детьми и с внуками, позволяя пожилым людям чувствовать себя востребованными, а значит молодыми.

Семья - первозданная и нерушимая основа общества, фундамент человечества на все времена. На этом фундаменте мы можем построить новое отношение к глобальному миру, понять, что у нас в доме лишнее, а чего не хватает, с кем поделиться и у кого попросить, кому помочь, и к кому обратиться за помощью. То, что сегодня еще существуют полноценные семьи – это большое счастье и возможно единственное спасение для нашей цивилизации.

Современная цивилизация - это то, что дает комфорт, это – удобство. Гигантские города, наделённые всеми видами технического комфорта, автомобили, поезда, огромные авиалайнеры, позволяющие всего за несколько часов достигнуть любой точки планеты, телефон и интернет, дающие возможность в режиме реального времени общаться с людьми находящимися за сотни километров. Но какой ценой мы добились всего этого? Чем мы заплатили за тот комфорт, которым мы так гордимся, и чем нам еще только предстоит заплатить? Имеет ли будущее общество на основе эгоизма, инфантилизма, индивидуализма и изоци-

ренного безудержного потребления или данное общество обречено на вымирание?

В настоящее время максимизация комфорта и индивидуального прагматизма достигает своего полного торжества. «Нас задушило процветание. Комфорт - единственная вера нынешних поколений. Понятие жертвы ради семьи - основа человеческого общества - превратилось в исторический казус» [20].

На сегодняшний день в мире не осталось практически «ничего, за что можно умереть и того, ради чего стоило бы жить. Само воспроизводство жизни требует жертвы. Нежелание жертвовать своим комфортом, своими удовольствиями, своим временем и успехом исключает как деторождение, так и семью вообще. Современный человек, не видящий смысла жертвовать своим комфортом, не заводит детей вовсе или, если заводит, то одного, редко – двух. Не желая жертвовать своей свободой и своими удовольствиями, он не связывает себя узами брака и половой морали. В конечном счёте, отрицание смерти и крови во имя комфорта и личного благополучия, с неизбежностью отрицает и всякий смысл жизни и, следовательно, и саму жизнь. Цивилизация комфорта, начавшаяся с отрицания якобы всего, противоречащего интересам жизни (войн, революций, перенапряжения и тяжёлого самоотверженного труда, любых идей, предполагающих принесение в жертву человеческой жизни, свободы или просто комфорта) с неизбежностью вырождается в цивилизацию смерти – цивилизацию контрацептивов, абортотворения и извращённых бесплодных наслаждений, с неизбежностью ведущих, в конечном счёте, к пресыщению и отвращению от жизни. Смерть, отвергнутая в своей естественной форме, возвраща-

ется в форме извращённой – в наркотической и усыпляющей форме мира расслабляющих и изнуряющих тело удобств...» [11]. Цивилизация – это комфорт; комфорт – это наркотик: когда его в меру, он – благо, лекарство; когда его много, он – смерть.

Угасание цивилизации – это, прежде всего, разрушение института семьи, снижение рождаемости, и распространение социальных патологий. Депопуляция является итогом и результатом глобальных общественных трансформаций, изменения места и роли семьи в обществе, постепенного отмирания её социальных функций – в первую очередь, репродуктивной. В России и в мире все больше пожилых людей, все меньше детей, все больше семей в которых всего один ребенок, все больше мужчин и женщин решивших, что дети им вообще не нужны, все больше асексуалов и антисексуалов, все больше гомосексуальных союзов. Исчезает потребность в нескольких детях, становится нормой малодетность, возникают сообщества, пропагандирующие добровольный отказ от детей. «Женщины всё чаще стали сознательно откладывать рождение ребёнка и высвобождать время для других задач: образования, начала карьеры, экспериментов с образом и стилем жизни. Эта жизненная позиция имеет и свою крайнюю форму - сообщества сознательно бездетных, или *childfree* (англ. *childfree* – свободные от детей) [24].

Четверть россиян считают, что основная причина бездетности – нежелание заводить малыша. К такому выводу пришли сотрудники фонда «Общественное мнение» (ФОМ) по результатам соцопроса проведенного в мае 2008 года. Тревожным является тот факт, что две трети отно-

сятся к добровольно бездетным, или *чайлдфри*, без тени осуждения. Часть респондентов даже назвала людей, не желающих иметь детей, «здравомыслящими» и «ответственными» [6].

В России на сегодняшний день почти 50% семей не имеют детей (Данная статистика демонстрирует отсутствие в семье детей моложе 18 лет. Уровень бездетности в ныне рождающихся поколениях в Восточной Европе составит, вероятно, от 5% в Болгарии до 15% в России. В Западной и Северной Европе бездетность стабилизируется на уровне примерно 20%, а в Восточной Азии и Южной Европе бездетными могут остаться 25–30% женщин – *Е.Н.*). Об этом сообщила председатель комитета Госдумы по делам женщин, семьи и детей Екатерина Лахова, выступая на Всероссийской конференции «Семья, дети и демографическая ситуация в России» За последние десятилетия, отметила она, «отношение к браку и семейным ценностям значительно изменилось - растет статистика разводов, неполных семей, рождения внебрачных детей и даже однополых браков. Престиж семьи в обществе падает, а сама семья стала традиционно однодетной», - сказала Лахова. По ее словам, «одного ребенка воспитывают 34% российских семей, двух детей – 15%, многодетных семей только 3%» [8].

По словам многодетных матерей, в представлении обывателей в настоящее время укоренилось мнение, что много детей - это ненормально, многодетные семьи называют асоциальными, а многодетных родителей укоряют в неспособности позаботиться о контрацепции. «Современная многодетность является сложным и противоречивым феноменом, по отношению к общепринятым нормам и нравам она, безусловно, является

исключительной и девиантной» [3, 357]. «Инвалиды, одинокие, многодетные и другие социально неблагополучные – поднимите руку» - реальная фраза с реального родительского собрания, проходившего несколько лет назад в одной из лучших школ Москвы [32]. На просторах интернета, а временами и в СМИ в адрес многодетных семей высказываются различные обвинения, самое мягкое из которых, это обвинение в безответственном родителстве, главный же и наиболее частый упрек в том, что многодетные «плодят нищету». Треть россиян, когда слышат словосочетание многодетная семья вспоминают о нищете, неустроенности, девиантном поведении: «в основном бедные», «сосут лапу», «плохо, тяжело», «проблемы одни», «родители алкаши, пьяницы и наркоманы», «дурдом», «дурость» [10, 34-35].

В качестве иллюстрации к вышесказанному, можно привести рассказ трехдетной матери:

- Марин, это что, твой? - с ужасом спрашивает бывшая соседка, случайно встретившая нас с младшим сыном на улице.

- Да!

- И сколько у тебя их теперь? Трое? Ну, ты и дура, прости Господи! [27].

Каждый день многодетные, по их словам, сталкиваются с непониманием и даже порицанием со стороны окружающих, на них смотрят как на «умалишенных, необразованных, не умеющих предохраняться, безответственных личностей, которые «рожают и рожают, в то время, когда пенсионерам жрать нечего» [18]. «Подобная трактовка многодетности не может остаться без внимания ученых, предпринимающих попытки предотвратить развивающуюся тенденцию перехода общества от модели двух-трехдетной семьи к модели однодетной» [16, 92].

Здесь важно отметить, что при всей непопулярности, противоречивости многодетной семьи и роли многодетной матери, сами многодетные родители ни в коей мере не винят в своих сложностях саму многодетность, никто не считает ее ошибкой или жизненным просчетом.

В России около 6% семей с тремя и более детьми, в Западной Европе 12-15%, следовательно, если мы поднимем стандарт жизни до уровня европейского, то добьемся повышения доли многодетности лишь до 15%, поскольку рост доходов не ведет к росту потребности в нескольких детях, которая и у нас и у жителей Западной Европы одинакова низка. А для выхода из депопуляции нужно, чтобы в семейной структуре примерно 50% семей были с 3-4-мя детьми и 10% - с пятью и более [3, 357]. Многодетная семья это шанс нации, подарок, который родители дарят обществу, огромный вклад в копилку вымирающей страны.

Конец XX начало XXI в. ознаменовалось для России возникновением тенденций, которые в большинстве экономически развитых стран сформировались несколько раньше - это добровольный отказ от рождения ребенка и позднее материнство. И хотя процент добровольно бездетных, к счастью, все еще довольно низок и вряд ли оказывает серьезное влияние на демографическую обстановку, число таких людей растет, а тот факт, что они пропагандируют подобный образ жизни, создавая при этом негативный, отрицательный образ родительства делает добровольную бездетность социальной проблемой. Отрицать нельзя, таких людей становится все больше и в России и в мире. Они называют себя чайлдфри - свободными от детей. Чайлдфри – индивид, как женского

так и мужского, сознательно нежелающий когда-либо иметь детей. Чайлдфри не откладывают рождение ребенка на неопределенный срок, их позиция весьма твердая – в ребенке они попросту не нуждаются. Они утверждают, что дети – помеха всей жизни: карьере, хобби, самосовершенствованию и даже любви. Их возраст 20-35 лет, 80% имеют высшее образование, у 75% есть постоянный партнер и 50% живут с ним вместе; на четырех таких женщин приходится один ЧФ-мужчина. Чайлдфри утверждают, что их жизнь насыщена и без потомства. Некоторые из них могут любить детей, некоторые остаются безразличными, кто-то может испытывать неприязнь, но общими для всех являются отсутствие хотя бы одного ребенка и нежелание становиться родителем [22, 152-161]. Они утверждают, что жизнь прекрасна и без продолжения, сон крепче, когда его не нарушает детский крик, а карьера и отпрыски вообще несовместимы. Детные пары на языке чайлдфри называются «размноженцами», а беременные женщины – «овуляшками». Свою неприязнь, а иногда и агрессию, по отношению к «размноженцам» и их чадам чайлдфри объясняют исключительно соображениями самообороны. Ссылаются на давление общества и негласное принуждение к рождению детей. «Приверженцы традиционных ценностей считают чайлдфри закоренелыми эгоистами, но они утверждают, что в стремлении к продолжению рода эгоистичных мотивов и глупости не в пример больше, а отказ от потомства при желании можно возвести даже в рамки жертвенности» [24].

Сознательно бездетные как социально-демографическая категория имели место задолго до распространения чайлдфри. История и рань-

ше знала примеры добровольного отказа от деторождения – целибаты в некоторых религиях, семейно-брачные традиции, секты, требующие от своих членов отказа от деторождения. Еще в 388 году Святой Августин писал о приверженцах манихеизма, которые, соответственно своей вере, считали рождение ребенка аморальным поступком (заточение души в смертное тело) [31]. «Но подобный выбор почти всегда был дополнением, необходимым для достижения определенной цели, и потому довольно ограниченным количеством. Принципиальное отличие чайлдфри в том, что для них нежелание иметь детей не обусловлено никакими целевыми требованиями, а стремление к объединению связано лишь с самим фактом борьбы за возможность выбора» [22, 152-161].

В России виртуальное сообщество чайлдфри появилось 20 декабря 2004 года и объединило в своих рядах почти 500 человек. У сторонников добровольной бездетности есть свой сайт [26], где чайлдфри активно общаются между собой, высказывают недовольство в адрес внешнего мира, который часто не понимает и не принимает взгляды бездетных по убеждению. На страницах подобных сообществ, нередко разворачиваются крупные конфликты между родителями и представителями чайлдфри.

Повышенный интерес к чайлдфри спровоцирован изменениями в обществе. Недавно сотни поколений трудились на принципе: это мы делаем ради своих детей, которым будет комфортнее, легче, сытнее, счастливее. Надо потерпеть. А в один прекрасный денек, оказалось, терпеть не надо. Можно жить и радоваться, успеть отхватывать для себя побольше удовольствий «...жить на Ривьере, отдыхать в Куршевеле, клеить

моделей...крутые коктейли...шалить в Интернете» [17]. Для более серьезных – надо работать и делать карьеру, а не детей нянчить. Чайлдфри – дети своего века, эпохи победившего гедонизма и навязанных потребительских стандартов.

Гарвардский психолог Дэниел Гилберт в своей книге «Спотыкаясь о счастье» [12] пишет, что, семейные пары счастливы в начале брака и период «пустого гнезда», т.е. по его мнению, пара счастлива именно в тот период, когда не обременена детьми. А как же: «мои дети – мое все», «дети цветы жизни», «дети мое богатство»? Что дети как таковые перестали быть ценностью в общечеловеческом смысле? В опросе, проведенном в 2007 году, только 41% взрослых заявили, что дети были очень важны для успешного брака, по сравнению с 65% в 1990 году [1]. Основная цель брака – взаимное счастье и удовлетворение взрослых, а не рождение и воспитание детей – утверждают три из четырех американцев.

К счастью, большинство Россиян все же считают наличие ребенка неотъемлемой частью семейного благополучия. Опрос проведенный Исследовательским центром портала SuperJob.ru показал, что 72% наших соотечественников считает, что рождение ребенка укрепляет семью. Правда они оговариваются, что происходит это только в том случае, если между супругами «есть взаимная любовь и согласие».

Данной точки зрения придерживаются 79% мужчин и 69% женщин. «Дети это как цемент между двумя кирпичиками – мужем и женой. В них весь смысл жизни...», «Дети дисциплинируют внутренне. С рождением детей женщина становится женщиной, а мужчина – мужчиной», – говорят респонденты. Как и следовало

ожидать, состоящие в браке россияне чаще поддерживают идею о том, что дети укрепляют семью – 79%, против 63% тех, кто не состоит в браке. Схожую тенденцию можно наблюдать, если сравнивать ответы бездетных и имеющих детей участников опроса: в благотворном влиянии детей на климат в семье уверены 75% опрошенных, уже являющихся родителями, тогда как среди бездетных респондентов таких 69%. 14% участников опроса полагают, что рождение ребенка ничего не меняет в семье. По их словам, «если людям опротивело жить вместе, то даже рождение ребенка ничего не изменит и семья распадется», «разрушают семью родители, а не дети» – так считает 19% женщин и 14% мужчин.

В разрушительном воздействии детей на семью убежден лишь 1% наших соотечественников (среди тех, кто не состоит в браке и не имеет детей, эта цифра выше – 2%) [30].

Однако, несмотря на то, что большинство россиян уверены в том, что дети укрепляют семью, добровольную бездетность осуждать они не спешат. По данным ФОМ только 27% опрошенных признали, что осуждают людей, которые вообще не хотят иметь детей, тогда как 60% утверждают, что относятся к таким людям без осуждения. Иначе говоря, многие россияне (если не большинство) исходят из того, что установка на сознательную бездетность достойна как минимум понимания [6]. Конечно отсутствие негативной реакции на добровольную бездетность, вовсе не означает, что сами респонденты хотят остаться бездетными, однако не сложно догадаться, что между снижением рождаемости и толерантным отношением к бездетности существует связь. По данным Т.А. Гурко лишь 19% мужчин и 15% женщин осуждают те супружеские пары, которые

могут, но не хотят иметь детей, а среди молодых респондентов в возрасте от 18 до 29 лет - этот процент значительно ниже и составляет 10% и 7% соответственно [14, 54-55]. «В большой степени это, конечно, результат очень квалифицированной обработки юных мозгов масс-медиа – многочисленными глянцевыми пособиями для духовно бедных. Главными героинями фильмов, сериалов, рассказов и даже рекламных роликов все чаще становятся одинокие, бездетные женщины, «сделавшие ставку» на карьеру, а не на семью. И реальные женщины становятся заложницами «актуальных тенденций»: многим хочется прослыть модными и авангардными, «свободно мыслящими», многим хочется приблизиться к идеалу успеха и «бежать впереди планеты всей». Вот и бегут...» [21].

Как уже было сказано выше, большинство россиян все же связывают семейное счастье с наличием ребенка. Ребенка или детей? Специалисты фиксируют заметное снижение ценности детей в общественном сознании людей. Так, значительно ухудшилось отношение к рождению в семье двух и трех детей, одновременно менее негативным стало восприятие бездетности. Социальной нормой является однодетность: 55% московских детей живут в однодетных семьях. Среднее количество членов московской семьи составляет 2,8 человека [28]. Однодетность родителей, как правило, проявляется в однодетности их чад. Число детей в первичном семейном окружении, где вырастает ребенок - важный момент в формировании представлений о подобающем размере семьи, усваиваемом в качестве определенных норм поведения. «Мир идет не к сплошной бездетности, как раньше думали, а к сплошной однодетности»

[5]. Это означает, что через каждые 25 лет исходная численность населения уменьшается в два раза. «Для вымирания, т.е. сокращения на две трети численности населения отдельных стран и человечества в целом, вполне достаточно сплошной однодетности семей, сохраняющейся всего на протяжении 70 - 80 лет. Воздержание от семьи и деторождения, даже неполное - на уровне малолетности - можно приравнять к суициду всего общества, растянутому во времени» [2].

Дальнейшее развитие «России как жизнеспособного общества и государства невозможно без выработки и реализации стратегического и государственного плана преодоления демографического кризиса на основе комплексного решения вопросов семьи и рождаемости, здоровья и продолжительности жизни, миграции и расселения» [19].

Существует множество мер направленных на поддержание института семьи – государственные меры материального стимулирования рождаемости и поддержки института семьи т.к. государство стало понимать - семья это здоровье нации, потенциал ее развития, но ведь ячейка общества создается не потому, что семья выполняет важнейшие для существования общества функции, а потому, что создание семьи, рождение детей отвечает каким-то глубоко личным потребностям миллионов людей. Проблема кризиса семьи как социального института состоит именно в ослаблении личных мотивов индивида, касающихся создания семьи. Таким образом, «без радикального изменения положения института семьи среди других институтов, без преобразования всей системы ценностей в обществе с индивида на семью, ситуация не улучшится» [4]. «Пренебрежение ценностью

семьи, материнства подрывает духовное здоровье всей нации и возможности ее развития» [9, 16].

Ценность семьи это, прежде всего духовная, нравственная категория, следовательно, и меры государственного стимулирования рождаемости и поддержки семьи должны лежать в ценностно-нравственной плоскости. Одним из возможных инструментов трансляции ценностей семьи в современном обществе выступает реклама. Колоссальную мощь информационно-рекламных возможностей можно с успехом обратить во благо демографического развития России. Государство должно поощрять прессу, радио, кино и другие СМИ к популяризации идеи о том, что только большое количество детей позволяет создать счастливую семью, ведь многодетная семья это шанс нации, подарок, который родители дарят обществу.

Массовый характер рекламы и ее постоянное присутствие в жизни огромной массы людей позволяют предположить значимость ценностно-ориентированной функции рекламы для общества, что открывает новые возможности для эффективного осуществления социальной политики регулирования, в том числе и в семейно-демографической сфере, т.е. политики популяризации семейного образа жизни, политики возведения семьи до уровня неоспоримой жизненной аксиомы.

Литература

1. Американцы более не считают, что дети - залог семейного счастья. // Сибирское агентство новостей. 25 марта 2009.
2. Антонов А.И. Депопуляция в России 2002-2050 гг. // Международная Академия исследований будущего (IFRA) Российское отделение — Академия прогнозирования. http://www.maib.ru/bookspublication/memberspublications/2006/03/29/memberspublications_1.html
3. Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. Ред. А.И.Антонов. — М.КДУ.2009.
4. Антонов А.И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // «Демографические исследования» № 6
5. Антонов А.И. Упадок института семьи: мир идет к сплошной однодетности // Вести. Утро России.
6. Бездетность и нежелание иметь детей. ФОМ. Опрос населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 24-25 мая 2008 г.. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.
7. Белобородов И. Россия продолжает падение в демографическую яму. <http://newsland.com/news/detail/id/700825/>
8. Бурмистрова Е. Многодетность и философия общества потребления. <http://www.er-dumaru/news/18841>
9. Василенко И.А. Роль рекламы в процессе формирования и трансляции ценности семьи в современном обществе // Вестник ОГУ №81. 2008.
10. Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Социальная реальность №3, 2007 с.34-35
11. Восстание мира жертвы против цивилизации комфорта. // Штурм новости. <http://shтурмновости.com/view.php?id=29374>.
12. Гилберт Д. Спотыкаясь о счастье. Питер, СПб., 2008.
13. Глобальные события и тенденции. Демографическая зима. http://www.maib.ru/bookspublication/memberspublications/2006/03/29/memberspublications_1.html

www.zip.org.ua/2009/05/demography-3/

14. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2003.

15. Демографический кризис — серьезная угроза России. <http://www.ruslife.ru/patrol/addins/42.smh>

16. Лебедь О.Л. Социологический портрет современной семьи (на материале устной народной культуры). Дисс. канд. социол. наук. М.: МГУ, 2000. С. 92.

17. Недетское время. Песня группы «Дискотека Авария»

18. Ответы многодетных матерей на открытый вопрос: Если вы почувствовали изменение отношения к вашей семье в зависимости от количества детей, то с чьей стороны и как это проявилось? // Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики.

19. Паспорт национальной программы демографического развития России // Российская газета. 26.05.2006. <http://www.rg.ru/2006/05/26/demografiya-proekt.html>

20. Патрик Дж. Бьюкенен «Смерть Запада» Серия: Philosophy. 2007.

21. Проценко Н. Чайлдфри - прогрессивная или тупиковая ветвь человечества? <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-24016/>

22. Русанова Н.Е. Новые тенденции рождаемости в России // «Народонаселение», 2008, №3.

23. Рязанова Л. Феномен «звезды» в современной массовой куль-

туре (функциональный анализ) // Социология: теория, методы, маркетинг, 2006, 1.

24. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. «Работа для меня — более интересная игрушка, чем ребёнок» // Частный корреспондент, 21 мая 2010 года.

25. Семенова А. Впали в детство. Почему российские мужчины тратят сотни тысяч рублей на игрушки // Новые известия. 18 января 2008 года. L.

26. Сообщество русскоязычных чайлдфри. http://www.liveinternet.ru/community/lj_ru_childfree/

27. Стигнеева М. Скажи, Россия, почему я — дура? // Русский обозреватель. 06.04.2009.

28. Танина М. О человеческом тепле // Интернет газета Север Москвы. <http://www.severmos.ru/life.asp?num=15>

29. Уж лучше вы - к нам. Чем нам грозит «демографическая яма»? // Российская газета. 30.06.2010.

30. Укрепляет ли семью рождение детей? // Исследовательский центр портала SuperJob.ru. <http://www.superjob.ru/community/life/13863/>

31. Манихеи учили, что даже брак не имеет прав на существование, т.к. рождение детей улавливает новые души в дьявольскую плоть. Содомский грех они считали более приемлемым, из-за того что так не происходит зарождение новой жизни.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико–методологические исследования этничности и этнических конфликтов

Бабаева З.М., Вершинина М.И.

В статье рассматривается этничность и этнический конфликт с позиций трех парадигм – примордиализма, инструментализма и конструктивизма. Автор приходит к выводу о том, что точность этноконфлитологического исследования зависит не только от анализа «объективных» предпосылок конфликта, но и от изучения структуры социальной системы, в которой он происходит. А для этого необходим комплексный подход, учитывающий весь спектр факторов воздействующих на возникновение и протекание конфликта.

Ключевые слова: этничность, этнический конфликт, примордиализм, инструментализм, конструктивизм.

Babaeva Z.M., Vershinina M.I.

The theoretical and methodological study of ethnicity and ethnic conflicts

This article discusses the ethnicity and the ethnic conflict in terms of three paradigm - primordialism, instrumentalism and constructivism. The author concludes that the accuracy of research depends not only on the analysis of «objective» assumptions of the conflict, but also on studying the structure of the social system which the ethnic conflict takes place in. And this requires a comprehensive approach that addresses the full range of factors affecting the occurrence and course of the conflict.

Key words: ethnicity, ethnic conflict, primordialism, instrumentalism, and constructivism.

В связи с концом эпохи холодной войны в политике доминировали настроения о завершении конфронтации и развития сотрудничества. Это было выражено, в частности, американским философом Ф. Фукуямой в его знаменитом тезисе о конце истории, связанным с неоспоримой победой либерализма и демократии. Однако надежды на то, что межэтнические конфликты станут, по выражению ведущего идеолога внешней политики США З. Бжезинского, «роскошью, доступной лишь бедным народам этого мира»¹ не оправдались. Уверенность в том, что межнациональная и межэтническая рознь в ее насильственных формах должна постепенно уходить в прошлое под напором интернационализации экономики и культуры, оказалась излишней. В конце 1980-х — начале 1990-х количество вооруженных межэтнических конфликтов увеличивается, и более того, они вспыхивают на территории Европы, где начались две мировые войны.

Конфликты 1990-х гг. приобрели качественно иной характер. Прежде всего, с мировой арены в этот период практически исчезли «классичес-

кие» межгосударственные конфликты, которые были типичны для расцвета государственно-центристской политической модели мира. На смену межгосударственным конфликтам в начале 1990-х гг. пришли конфликты, где участниками выступают негосударственные акторы (в том числе и этносы). Межэтнические конфликты становятся все более продолжительными, не имеют четких ограничений во времени: стало труднее определить точку их начала и окончательного разрешения. Паузы в этноконflikте используются радикальными сторонами для мобилизации новых ресурсов. Локальные конфликты распространяются в региональном пространстве, т.к. их урегулирование перестает быть внутренним «материнских» государств.

Внося ясность в понятийно-терминологический аппарат этноконфликтологии, необходимо сравнить такие понятия как «межэтнический» и «межнациональный» конфликт. Если в межнациональных конфликтах участвует население территорий, которое может иметь полиэтничный состав, то в межэтнических конфликтах участники четко разделяются по этническому признаку. Предмет же конфликтов один и тот же: статусы, ресурсы (природные, финансовые, производственные), территория. Эти два типа конфликтов могут быть взаимообусловлены, при этом межэтнический конфликт, как правило, встроен в межнациональный. С этой точки зрения, проводить четкую границу между понятиями межэтнический и межнациональный конфликт представляется методологически неверным².

В широком смысле межэтнический конфликт - это любая конкуренция (соперничество) между группами, в процессе которой противостоящие стороны определяются с точки зрения этнической принадлеж-

ности ее членов. При этом стоит отметить следующее: трактовки межэтнического конфликта, которые рассматривают данный феномен как стадию крайнего обострения противоречий, необоснованно сужают исследовательское поле. Ведь межэтнический конфликт может существовать как в латентной, так и в открытой форме. Латентная форма конфликта предполагает наличие серьезных противоречий, которые в силу недостаточной оформленности, низкой мобилизационной возможности сторон или в силу сдерживающего влияния среды, в которую он погружен, не проявляются в открытом виде.

Например, отношения между абхазами и грузинами давно носили конфликтный характер, что не мешало им жить рядом, общаться и т.п., хотя отдельные столкновения имели место. Вместе с тем, абхазы, относительная численность которых катастрофически снижалась (в конце 1980-х г.г. они составляли около 18% населения Абхазии), опасались утраты своей этнической самобытности вследствие проводившейся политики «огрузинивания». Конфликт приобрел открытую форму только тогда, когда изменилась внешняя для него среда – не стало СССР, и появились новые возможности для национальных элит.

В узком смысле этнический конфликт всегда представляет собой явление политическое; даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или социально-экономической области, они могут достичь своих целей лишь путем обретения определенных властных полномочий. З.В.Сикевич в своем определении этнического конфликта смещает акценты с поведенческой составляющей на анализ пересечения этнического и политического пространств:

«Под этническим конфликтом мы понимаем социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой, на пересечении этнического и политического пространства, выражающегося в стремлении этнической группы (групп) изменить этнические неравенства и его политическое пространство в его территориальном измерении»³.

Еще один отечественный исследователь А.Н.Ямсков определяет этнический конфликт как динамически меняющуюся социально-политическую ситуацию, порожденную неприятием ранее сложившегося статус-кво существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющийся в виде хотя бы одного из следующих действий членов данной группы:

А) начавшейся этноизбирательной эмиграции из региона;

Б) создании политических организаций, декларирующих необходимость изменений существующего положения в интересах указанной этнической группы;

В) спонтанных акций протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой местной этнической группы»⁴.

Несмотря на широкий спектр различных дефиниций конфликта, исследователи приходят к следующему общему выводу: конфликтная линия, разделяющая при возникновении противоборства по признаку этничности две или более группы, и делает конфликт этническим, даже если он возникает на экономической, социальной, политической или иной внеэтнической основе, т.е. в «чистом виде» этнического конфликта не бывает. По крайней мере, наука не доказывает, что именно этнические

различия между группами ведут к конфликту, носят антагонистический характер. Всякий конфликт становится этническим, если этнические различия - намеренно или нет - используются с тем, чтобы придать направленность действиям сил в конфликтной ситуации. Когда эти различия становятся мощным мобилизующим символом, тогда этническая общность превращается в фактор, определяющий сущность и динамику конфликта. В то же время этнический фактор, обладая некоторой самостоятельностью, может, в свою очередь, влиять на различные стороны жизни, заострять нерешенные социально-экономические и другие проблемы.

Исследователи выделяют различные **типологии межэтнических конфликтов**. Так, по форме проявления принято различать латентные (скрытые) и актуализированные (открытые) конфликты. Латентные конфликты могут существовать десятилетиями и более и перерастать в открытые лишь в определенных общественных условиях. Как правило, латентные конфликты непосредственно не создают угрозы для жизнедеятельности людей, и именно в этой форме конфликты лучше всего разрешать.

В зависимости от целей конфликтующих сторон и динамики протекания З.В.Сикевич выделяет 5 типов этноконфликтов:

- культурно-языковой,
- социально-экономический,
- статусный,
- территориальный
- сецессионный,

В зависимости от степени напряженности и стадии развития конфликт перетекает из одного типа в другой. На первой фазе декларируются ценностно-символические притязания - возрождение языка, культурных традиций и др. (культурно-языковой тип), на второй - наблюдается расширение требований, включающее уже

изменение экономического положения и социального статуса этногруппы (социально-экономический и статусный типы), на третьей фазе претензии расширяются до территориальных притязаний в рамках одного государства (территориальный тип конфликта) или притязаний на оформление собственной государственности (сецессионный тип конфликта).

Разумеется, данная типология отражает далеко не все многообразие этнических конфликтов. Кроме того, в конфликтах присутствуют несколько из перечисленных «идеальных типов». Взаимопересечение различных причин и уровней противоречий значительно осложняет и практические меры по эскалации и урегулированию конфликтов. Теоретическое же осмысление этноконфликта во многом зависит от используемой исследователем парадигмы. В основе каждой из трех ведущих парадигм – примордиализма, инструментализма, конструктивизма – лежит разное понимание этничности, и, соответственно, этноконфликта.

Так использование **примордиалистской парадигмы** задает вполне определенную направленность рассмотрению этнического конфликта и связанной с ним проблематики. Примордиалисты утверждают, что этнический конфликт неизбежно порождается этничностью, т.е. этничность конфликтна сама по себе. Данный подход ярко представлен в следующих концепциях:

- теория этногенеза Л.Н. Гумилева;
- теория столкновения цивилизаций С.Хантингтона;
- поведенческие теории, акцентирующие внимание на социально-психологических механизмах, стимулирующих конфликт.

Вопределению Гумилева этнос – это не социальный феномен, и тем более не экономический, а элемент биоорганического мира планеты, биосферы Земли. Этнос живет и развивается

подобно другим биологическим объектам: животным, растениям, людям, как нечто целое и живое, обладающее своим «этническим полем». Так, согласно гипотезе «этнического поля» Л.Н. Гумилева конфликтуют «некомплементарные» народы, находящиеся на различных фазах этногенетического развития и обладающие разным уровнем пассионарности. Последняя является психологической переменной и представляет собой способность и стремление к изменению окружения, зависящую от мутаций, вызываемых космическим излучением. Под воздействием космоса (Гумилев выделил всего 17 таких толчков за всю письменную историю человечества, из которых 9 затронули Евразию) пассионарность возникает на ограниченной территории в короткий промежуток времени, затрагивая несколько близко расположенных этносов. Результатом этого является нарастающая активность соседних этносов, которая может приводить и к переделу мира в разнообразных смыслах, и к появлению новых этносов. Хотя гипотеза Гумилева не подтверждена экспериментально, она содержит общую для примордиализма идею природного характера этнической солидарности людей.

Теоретическая модель, предложенная американским исследователем С.Хантингтоном, предлагает рассматривать возникновение межэтнических конфликтов сквозь призму цивилизаций, к которым принадлежат конфликтующие этносы. Цивилизации — это большие конгломераты стран, обладающие какими-либо общими определяющими признаками (культура, язык и т. д.), но прежде всего общей религией. Хантингтон утверждает, в постбиополярном мире самые обширные, серьезные и опасные конфликты будут вспыхивать не между социальными классами, не между богатыми и бедными, не между каки-

ми-то иными экономически конкретными группами, а между народами, принадлежащими к разным культурам. Таким образом, соперничество супердержав уступает место столкновению цивилизаций⁵.

В ходе конфликта в Югославии в основе дипломатической поддержки Россией сербов, а Саудовской Аравией, Турцией, Ираном и Ливией - боснийцев лежала не идеология, не политика силы, не экономические интересы, а факторы культурного родства. Люди с разной идеологией, но одной культурой, объединяются, как это произошло с двумя Германиями. Общества, объединенные идеологией или историческими обстоятельствами, но разделенные цивилизациями, либо распадаются, как в Советском Союзе, Югославии и Боснии, либо живут в условиях все большего и большего напряжения, как на Украине, в Нигерии, Судане, Индии, Шри-Ланке и многих других государствах. Страны, имеющие общие культурные корни, сотрудничают друг с другом в экономической и политической областях. Международные организации, состоящие из государств, имеющих много общего в сфере культуры (Европейский союз), развиваются гораздо более успешно, чем те, что пытаются игнорировать культурные факторы. Хочется надеяться, что логика доводов Хантингтона во многом может помочь исследователям ситуации как на постсоветском пространстве в целом, так и в современной России в частности.

Поведенческие теории объясняют наличие этноконфликтов в экономически благополучных регионах (ведь и в Канаде, и в Бельгии все живут неплохо, а межэтнические конфликты есть): к поиску «образа врага» приводит не просто плохое материальное положение, а, к примеру, психологическое состояние депривации, при котором люди испытывают

недостаточное удовлетворение своих потребностей. Теория депривации переносит акцент именно на ожидания и ориентации этноса, реализовать которые оказывается невозможно. Чем выше уровень противоречий между ожиданиями и возможностями, тем выше уровень относительной депривации, а также интенсивность и масштаб ее восприятия среди членов группы. Такая ситуация приводит к более высокому потенциалу коллективного насилия и разрушительного конфликта. Если при депривации человек ранее не обладал благом, которого и сейчас лишён, то при фрустрации человек ранее хорошо знаком с благом, которое хочет получить вновь.

Теория фрустрации-агрессии рассматривает этноконфликты как производную от такого психического состояния как фрустрация, которая рассматривается как ситуация реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей и проявляется в разочаровании, тревоге, раздражении, отчаянии. Если обратиться к ситуации Советского Союза в конце 1970-х и в 1980-х годах, то и там можно найти подтверждение поведенческих теорий. Именно в тот период улучшения социальной ситуации резко возросли потребности и ожидания народов. Однако вместо ожидаемого улучшения начались противоположные процессы: ухудшение экономического положения в стране и нарастание политической нестабильности. Страхи и неудовлетворенность росли у всех народов, но те народы, которые как раз переживали период перехода от традиционного общества к современному, переносили свою неудовлетворенность на Центр, на русских, которые ассоциировались с ним.

Нереализованные ожидания часто присущи группам, которые распола-

дают интеллектуальным потенциалом, богатством, но не имеют соответствующего их представлению о себе высокого престижа и социального статуса. Так, ситуация в Карабахе, где армяне были более образованной группой и имели больший достаток, но не были допущены во властные структуры в той мере, в какой они считали справедливым, создавала у них постоянное чувство ущемленности, неуверенности, несправедливости. Отказ группе в удовлетворении ее потребностей (включая базовые потребности в идентичности и безопасности) и ее ожиданий вызывает «страх уничтожения» группы. Именно это, по мнению сторонников поведенческих теорий в рамках примордиализма, делает этнические конфликты постоянным и неизбежным элементом социально-политической системы.

Несмотря на широкую востребованность примордиалистской парадигмы применительно к объяснению межэтнических конфликтов, ее критика ведется по следующему основанию: неспособность дать удовлетворительное объяснение реально наблюдаемым вариациям в уровнях этнического конфликта во времени и пространстве, а также неспособность объяснить многочисленные случаи сравнительно мирных межгрупповых отношений.

В отличие от примордиалистской парадигмы, трактующей этничность как естественную данность бытия, **инструменталисты** рассматривают ее как политический артефакт, как инструмент и вопрос рационального выбора, возникающий в динамике соперничества политических элит. Так, по мнению влиятельного американского социолога Ч.Тилли вопрос о роли элит - один из ответственных при интерпретации причин конфликтов. Также немаловажное значение, по мнению исследователя, имеют коллективные интересы, которые побуж-

дают людей действовать во имя них, выбирая те или другие формы действий: «Не фрустрации, а наложение коллективного интереса на возможность его достижения рассматривается как механизм, формирующий действия. Борьба между группами ведется не вообще, а по поводу конкретных вопросов (которые формулирует элита – прим.авт.)»⁶. К. Салливан полагает, что характерная пропегандистская стратегия этнической элиты состоит в том, чтобы «заострять внимание на нерешенных экономических проблемах общества и возлагать ответственность за проблемы на внешнюю этногруппу»⁷. Соответственно у инструменталистов сама по себе этничность не может являться причиной конфликта; она является лишь одной из форм проявления конфликта.

В экономическом течении инструментализма этноконфликт вызван распространением в обществе бесправия и эксплуатации этнических меньшинств. Насилие между конфликтующими национальными большинством и меньшинством возобновляется вследствие отсутствия изменений в структуре кризисной ситуации, ослабления правительственного контроля, сдерживающего насилие. Помимо этого некоторые течения в рамках инструментализма подчеркивают значение внешней среды общества, влияющей на возобновление конфликта.⁹

Так с позиции геополитического подхода в рамках инструментализма решающим условием возобновления насильственной борьбы в этноконфликте является наличие внешних сил, заинтересованных в распространении своего влияния в стратегическом регионе. Внешние правительства могут оказывать поддержку враждующим сторонам по различным мотивам: симпатией к одной из сторон вследствие полагаемого эт-

нического родства (а здесь уже можем наблюдать сходство с примордиализмом), желанием ослабить соседнее недружественное правительство и усилить свое влияние в регионе затяжного конфликта.

Этнонациональный конфликт вовлекает в борьбу мировые державы и становится средством их внешней политики. Так, государства – члены мирового сообщества воздействуют на конфликт как на стадии раннего предупреждения, а также, используя стратегию управления и разрешения конфликтов. Исходя из известной аксиомы о том, что конфликт чрезвычайно трудно погасить, гораздо легче его предотвратить, особое исследование уделяют раннему предупреждению конфликтов, которое подразумевает мониторинг важнейших индикаторов, разработка моделей развития конфликтной ситуации, а также превентивные действия по предотвращению (включают в себя визовый контроль, контроль над вооружениями и т.д.). При этом стоит понимать, что речь идет не о стремлении разработать основы некоего бесконфликтного общества (это невозможно), а именно об условиях предотвращения открытых форм конфликта, связанных с вооруженной борьбой.

Управление конфликтом – это намеренное воздействие посредников на изменение хода борьбы такими методами как переговоры, посредничество (например, миротворческие миссии), а также санкции. В итоге понятие «управление конфликтами» следует отличать от понятия «разрешение конфликтов», т.к. управление не обязательно подразумевает урегулирование кризиса как конечный результат. В свою очередь разрешение этноконфликтов ориентировано не на изучение возможностей сглаживания противоречий и достижение компромиссного решения, а на анализ путей устранения

причин, вызвавших этноконфликт.

Парадигма **конструктивизма** вобрала в себя и расширила основные положения инструментализма. Общей у конструктивистов и у инструменталистов является трактовка этнического конфликта: сама по себе этничность не порождает конфликта. Высокий уровень осознания этнической принадлежности необязательно автоматически приводит к этническому конфликту. На возникновение конфликта влияют действия элит, которые мобилизуют этничность и используют ее как политический ресурс для реализации собственных целей. Конструктивисты справедливо отмечают, что значение имеет не то, является ли этничность врожденной характеристикой или приобретенной (а потому поддающейся манипуляции), а то, что члены этнической группы воспринимают этническую группу как реальность. Внешняя среда, содержащая угрозы и возможности, способствует формированию этничности, которая рассматривается конструктивистами как социальное явление, а не характеристика индивида.

Однако в отличие от инструменталистов, конструктивисты допускают возможность того, что определенные конфликты могут порождаться так называемым патологическим (иррациональным) состоянием социальной системы в целом, которое не контролируется индивидами, в том числе элитами. В этом случае источник конфликта лежит в типе социальной системы, которая порождает насильственный конфликт, а не в узко «рационально выбранных» действиях индивидов и не в «примордиальном» факте существования этнических различий самих по себе. Именно определение тех типов социальных систем и условий, при которых возрастает вероятность возникновения межэтнического конфликта и должно являться предметом изучения.

Бесспорным достоинством конструктивизма по сравнению с другими подходами является то, что он наиболее чувствителен к социальному контексту. Именно этот подход отводит важную роль СМИ в качестве инструмента, создающего абсолютно новую взаимную конфигурацию «интерпретативных стратегий» агентов, вовлеченных в конфликт. Конструктивисты подчеркивают роль СМИ в формировании этнической идентичности, ценностей и норм, стереотипов, в процессах этнической мобилизации и т.д. По мнению А.П. Садохина, «решающее значение имеет не культура этноса вообще, а те культурные характеристики, которые в данный момент могут быть востребованы»⁸. Привилегию интерпретации культурного наследия, культурных характеристик имеет элита и СМИ.

На конкретном примере постсоветского региона поясним коллизию различных теоретико-методогических подходов при объяснении межэтнических конфликтов. Примордиалисты выдвинули бы следующий тезис: этнические конфликты на территории бывшего СССР существовали в латентном состоянии на протяжении всего периода существования СССР. Либерализация и демократизация конца 1980-х годов ликвидировала авторитарный пресс, вследствие чего произошла стремительная кристаллизация этнических конфликтов в тех точках, где они в подавленном состоянии уже наличествовали. Конструктивистский и инструменталистский тезис при объяснении постсоветских конфликтов выглядел бы следующим образом: этнические конфликты на территории бывшего СССР произошли только там, где присутствовал вполне определенный деятельностный фактор, а именно — конкретные политические стратегии элит.

Из вышеизложенного мы можем сделать следующий вывод: анализ и

менеджмент этнического конфликта во многом зависят от применяемой исследователем парадигмы, трактующей природу этничности. Мы рассмотрели этнический конфликт сквозь призму трех подходов: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Результаты сравнения представлены ниже (табл. 1). Представители примордиализма обращают внимание на мотивационные причины конфликта - например первичную конфликтную мотивацию (страх потери текущего статуса этногруппы), а сторонники инструментализма и конструктивизма - на мезо- и макроуровневые факторы этнического насилия, которые определяют среду, условия протекания конфликта и играют роль его предпосылок.

Точность конфликтологического исследования зависит не только от анализа «объективных» предпосылок конфликта, но и от изучения структуры социальной системы, в которой он происходит. А для этого необходим комплексный подход, учитывающий весь спектр факторов воздействующих на возникновение и протекание конфликта. Тем не менее, избежать этноконфликтов нельзя, надо научиться с ними жить и минимизировать издержки.

Ссылки

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство/ Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. — М. : Международные отношения, 2004. С. 17.
2. Рябцев В.Н. Конфликтологическая работа на Кавказе в аспекте этнонациональных отношений: проблемы и перспективы. Ростов н/Д., 1999. С.15-16.
3. Сикевич З.В. Социология и психология межэтнических отношений. С.-Пб., 1999. С.52
4. Ямсков А. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типо-

Таблица 1
Сравнительный анализ этничности и этноконфликта в этносоциологических парадигмах

Критерии для сравнения	Примордиализм	Инструментализм	Конструктивизм
Трактовка этничности	Общность по крови (происхождению), языку, обычаям, традициям	Следствие рационального выбора на основе языка, обычаев, религии для достижения конкретной цели	Умственные конструкты, организующие культурные различия в обществе, основанные на вере в общие связи, единый тип культуры, мифы об общем происхождении
Трактовка этнической идентичности	Жестко фиксированная характеристика	Может быть латентна, а может актуализироваться в зависимости от структурного контекста	
Трактовка причин этноконфликтов	Этничность конфликтна сама по себе. Этноконфликт – естественное следствие этнических различий.	Глубокие структурные противоречия в социальной системе общества; борьба этнополитических элит за государственную власть; различия в темпах и моделях модернизации различных этносов; различия в доступе к власти, богатству, социальному статусу; разжигание конфликта внешними силами, заинтересованными в распространении своего влияния в стратегическом регионе. При этом этничность не является причиной конфликта.	
Трактовка возможностей регулирования этноконфликтов	Низкая вероятность.	Этноконфликты (и шире – межэтнические отношения) могут быть объектом регулирования при помощи механизмов социально-политической инженерии.	
Цель этносоциологии	Поиск объективных оснований этничности	Выявление функций этничности; рассмотрение этничности как социальной роли	Изучить как происходит формирование представления об общих признаках, объединяющих в этнос
Представители	Широкогоров С., Гумилев Л., Бромлей Ю.	Глейзер Н., Мойнихан Д.	Барт Ф., Андерсен, Геллнер Э., Тишков В.

логии//Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С.206-207.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций /С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.26.

6. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. P.49.

7. O'Sullivan K. First world Nationalism: Class and Ethnic Politics in Northern Ireland and Quebec. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 75.

8. Щербина В. В., Попова Е. П. Современные концепции структурных изменений в организациях // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 98-107.

9. Садохин А. П. Этнология: Учебник. М., 2000. С. 78.

Клиника «парадоксов» в сфере общественно–политического дискурса

Масалков И.К.

В статье рассматриваются специфические черты деградации социальных отношений в разных сферах и, как следствие, разрастание социальных патологий. Изучение отдельного человека в его уникальной ситуации страдания возможно с помощью клинического подхода. В основе парадоксальной коммуникации лежит идея «двойной связи» (double bind). Качественный диагноз и терпеливое самоизлечение тяжело больного российского общества предполагает и терапию самих социологов.

Ключевые слова: социальная патология, критическая социология, клинический подход, «double bind», парадоксальные послания, шизофреническое поведение, социально-политический дискурс, амбивалентность социологического сообщества

Masalkov I.K.

Clinic of «paradoxes» in public and political discourse
In article are considered specific features of the degradation of social relations in different areas and, as a consequence, the growth of social pathologies. The study of the individual in his unique situation of suffering is possible with clinical approach. Paradoxical communication and its underlying idea of «double bind». Qualitative diagnosis and patient self-recovery of the seriously ill russian society requires autotherapy of sociologists themselves.

Key words: Social pathology, critical sociology, clinical approach, double bind, paradoxical messages, schizophrenic behavior, socio-political discourse, the ambivalence of the sociological community.

«Quand on n'a plus aucune possibilité d'action sur le monde on se détruit soi-même. On retourne les armes contre soi»¹

Serge Rezvani, 1968

На сегодняшний день в российской социологии мы констатируем повышенный интерес к определению самого понятия «качество жизни» и его оценке. Клинический взгляд на субъективную составляющую этой оценки позволяют по-новому посмотреть на теневые стороны нашей жизни. В качестве примера одной из них можно назвать самоубийства - явление, которое на самом деле обнажает «изнанку» существующего строя и дает определенную оценку происходящим событиям в обществе. По официальной статистике, в отдельные годы активной перестройки себя убивали до 55 тысяч россиян², и Россия по числу самоубийств была впереди планеты всей. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) по показателю суицида относит Россию к группе стран с очень высоким уровнем. По разным оценкам, официальная статистика самоубийств значительно отличается от реальной (в 2 – 4 раза), поскольку в нее попадают только явные случаи.

Также никем ни фиксируются случаи неудачных попыток ухода из жизни, количество которых в 7-10 раз больше, чем законченных самоубийств.

Каковы же предпосылки столь печальной картины? Исследования подтверждают деградацию социальных отношений в самых разных сферах нашей жизни:

1. В ситуации форсированной либерализации экономики происходит ускорение процессов поляризации общества одновременно по нескольким полюсам. Опыт западных стран показывает, что в группы социальных исключений попадают не только люди из традиционно неблагополучных слоев, но даже те, кто еще вчера мог находиться в менеджерах среднего звена.

2. В сфере труда происходит замыкание каждого на самого себя, губя существующие коллективы и ожесточая борьбу за рабочее место. Непрерывное увеличивается проявление таких симптомов как чувство ущемления на работе, стресс, профессиональное истощение и рост числа профессиональных заболеваний. Отдельные элементы подобной ситуации наблюдаются не только в России, но и в странах Западной Европы. Они объясняются особой формой социальной мобильности, где на фоне общего повышения уровня жизни повысилась социальная цена быть самостоятельным, предприимчивым, резко обострилась борьба за право быть первым, за свое «место под солнцем». Тревожное чувство оказаться позади группы лидеров и просто «сойти с дистанции» хорошо знакомо сегодня и в нашей стране. Исследования показывают, что большинство россиян по-прежнему разделяют патерналистское видение отношений между государством и обществом.

3. Усилиями правящей элиты стирается память о Советском Со-

юзе, являющейся несмываемым обвинением в ее порочности и беспомощности. Отсюда активизация разговоров о выносе из мавзолея тела Ленина, смене советских названий улиц, переименовании милиции в полицию. Люди становятся бессильными, потому что уже и не знают «под какой смысл подстраиваться», но при этом они сталкиваются с постоянными изменениями, со срочностью. У них нет времени выполнить или оспорить одно предписание, как появляется следующее.

В подобных условиях ухудшения восприятия жизни одни россияне начали выходить на митинги, другие уже давно начали просто воровать и спиваться. Пьянство, наркомания, депрессия, уход из политической жизни - все это черты прогрессирующей у нас на глазах социальной патологии. К основным чертам российской политической элиты россияне относят цинизм и апатию. Перед таким обществом с разросшимися социальными патологиями рано или поздно станет вопрос о сохранении государственности на таком огромном территориальном пространстве.

У социологии с властью всегда выстраивались противоречивые или двусмысленные отношения. Директор аналитического центра Юрия Левады Л. Гудков констатирует, что «люди не верят словам, первых лиц – особенно». «Три четверти опрошенных нами россиян считают, что власти по большей части лгут. Существование граждан определяют не слова лидеров, а те институциональные условия, в которых они живут. Повседневность – это работа суда, милиции, возможность ведения бизнеса... 85% граждан считают себя незащищенными»³. На этом фоне становится понятно, почему проповедники либерализма не любят социологию. Они рассматривают ее как необъективную и негативную, а, следовательно,

и вредную. В изъятии социологии из учебных планов ВУЗов не только России, но некоторых стран Западной Европы, мы видим регламентированную атаку на социологию и на любую форму критической мысли.

С точки зрения социолога, многообразие закрытых и полузакрытых общностей, испытывающих страдание, предполагает гибкость в подходе к их изучению, мягкость в общении с их членами, осторожность в использовании полученной информации, конфиденциальность в работе. В этой связи своевременным кажется обновление методологии и поворот в исследованиях к индивидуальному, специфичному. Идея глубокого проникновения в субъективный мир человека и активного воздействия социологического сообщества на социальные процессы формировалась постепенно. Подобного рода исследования связаны, в том числе, и с клиническим подходом в социологии, который не является открытием последних лет. Он призван помочь обыкновенному человеку рационально осмыслить свое место в хаосе общественных процессов. Особое отношение у социологов – клиницистов выстраивается к политическим элитам, властвующим и стремящимся к власти, которые должны уяснить природу болезни общества, понять, что это болезнь всех и каждого, включая тех, из кого состоят сами эти элиты.

Клинический подход в социологии заключается в том, чтобы подойти «как можно ближе к жизненному опыту акторов»⁴, чтобы понять, как они проживают события, как они чувствуют себя (в своей телесности, в своей психике) и что они могут об этом рассказать. Клиницист стремится вникнуть в этот прожитый опыт, прежде чем его объяснить, или, вернее, понять, чтобы объяснить. Понимание и объяснение тес-

но связаны. Позиционирование понимания не противостоит позиционированию объяснения, одно дополняет другое. Погружение в субъективность не противостоит объективности, а напротив, исследование субъективности прокладывает путь к генерированию гипотез, принимающих во внимание исключительность индивидуального жизненного опыта. Это путь к началу обобщения, когда на фоне уникальности каждого случая мы обнаруживаем константы, инварианты, общие и сопредельные с другими дисциплинами элементы.

Изучение отдельного человека в его уникальной ситуации позволяет понять процессы более высокого уровня. Французский социолог Э. Морен в своей теории комплексности⁵ подчеркивает, что каждый элемент содержит в себе целостность всей системы, к которой он принадлежит. Каждый случай иллюстрирует процессы, имеющие место в организации в целом, и каждая организация является продуктом общества, производству которого она способствует. Между индивидом, организацией и обществом отношения носят системный и рекурсивный характер. Это означает, что каждый из них одновременно является продуктом и производителем того, что его производит: индивид и организация являются продуктами и производителями общества, которое их производит.

Особый интерес в предлагаемом контексте могут вызвать рассуждения о «парадоксальных посланиях» в различных сферах нашей жизни. Британский антрополог Г. Бейтсон заметил, как некоторые матери общаются со своими детьми: на словах они говорят им как их любят и рады видеть, а сами при этом отстраняются, когда ребенок тянется в объятия.⁶ Если одна и та же рука тебя почти одновременно и гладит, и бьет, то у каждого поедет крыша.

В основе парадоксального послания лежит идея «двойной связи» (double bind), которая впервые была озвучена в 1956 г. Бейтсоном и его сподвижниками из так называемой группы Пало-Альто (США) в свете разработки теории шизофрении. Ими подробно изучалось на уровне семьи серьезные нарушения общения, когда одновременно высказываются противоречивые послания. В логической основе двойной связи лежит требование, основанное либо на двух противоречивых командах, либо на командах разного логического уровня. Поэтому, если одно послание является приказанием, то ему не следует подчиняться, чтобы повиноваться другому. Пример такого предписания: «Приказываю тебе не выполнять моих приказов». Или девушка говорит своему молодому человеку: «Я хочу иметь от тебя ребенка, но чтобы он не был похожим на тебя!». Таким образом, два предписания взаимно исключаются или блокируются. Кроме того, запрещено говорить или даже высказываться о том, что приказание запутано, противоречиво и обязательно.

На бытовом уровне приходится сталкиваться с парадоксальными требованиями членов семьи друг к другу, которые не могут быть исполнены. Можно привести следующие часто встречающиеся примеры:

1. Жена настаивает, чтобы муж был инициативным, брал на себя ответственность за ее благополучие, но в то же время вел ее только туда, куда желает она сама.

2. Слишком заботливые родители требуют от своего чада, чтобы оно было самостоятельным, ответственным, и в то же время постоянно руководят им, не отпускают гулять после шести часов вечера, потому что это слишком опасно.

3. Каждый из родителей требует от ребенка в отношении себя особого ис-

ключительного отношения, что создает два противоположных послания, которые провоцируют замешательство.

В последних двух случаях возникает несколько путей для интерпретации ребенком сигналов родителя и, как следствие, внутренний дискомфорт от несоответствия «высказанного» и «невысказанного, но показанного» посланий.

Для развертывания полноценного двойного послания необходимо наличие ряда условий:

1. Индивид включен в очень тесные аффективные и/или материальные отношения с другим человеком или группой людей.

2. Двойные предписания касаются очень важных вопросов.

3. Человек, получающий двойное послание, воспринимает противоречивые предписания на различных уровнях коммуникации. Вербально на словах может выражаться любовь, а невербально – отторжение.

4. Человек, получающий двойное послание, не может или не хочет прекращать общение и покинуть ситуацию.

5. Всякий раз, когда человек, получающий двойное предписание, стремится оправдаться перед манипулятором, тот меняет тему. Смена контекста возводится в систему. К примеру: жена упрекает мужа, что тот давно не дарил ей подарков, указывая на контекст времени. На что тот справедливо замечает, что подарил ей цветы неделю назад. В ответ супруга меняет контекст сообщения, упрекая его в том, что цветы – это не подарки или, что неделю назад был праздник, а ей хочется получать подарки и просто так.

6. Неспособность выполнить противоречивые директивы наказывается угрозами о прекращении любви или разрывом отношений.

Существуя только в словах и жестах, парадоксальные послания, в то

же время, несут в себе очень серьезный травмирующий эффект. Они создают у получателя ощущение тупика, так как приходится выбирать между двумя неприемлемыми вариантами. В ответ с нами что-то происходит – наше сознание раздваивается, мы тупеем, «тормозим» и так далее. Иными словами, вышеперечисленные условия создают систему отношений, в которых жертва становится шизофреником.

В данной связи представляется актуальным вспомнить серию опытов над собакой, проведенных нашим соотечественником физиологом Павловым. Собаке, если ей удавалось отличать круг от эллипса, давали вознаграждение. Постепенно экспериментаторы приближали пропорции эллипса до окружности вплоть до полного совпадения. В ситуации создававшейся неопределенности собака входила в раж и набрасывалась на исследователей. Под воздействием парадоксального послания человек оказывается в ловушке. Как следствие, он обречен в межличностных отношениях на какой-то из трех описанных П. Вацлавиком вариантов шизофренического поведения:⁷

1. Кататония, когда у человека отключаются мозги и он как бы впадает в ступор.

2. Гебефрения - своеобразная дурашливость.

3. Паранойя – мысли о том, что все вокруг желают зла, преследуют, что провоцирует страх.

Влияние на российский социум многочисленных семей, имеющих шизофреногенную составляющую, в которых мать играет ведущую, подавляющую роль, а мужчина сам просто недостаточно инициативен, огромно. Они делают наш мир повседневности во многом шизофреничным. Мы говорим и делаем не то, что хотим говорить и делать. Мы скрывает от других, а порой и от са-

мих себя, свои чувства. Мы что-то утаиваем, все время выкручиваемся в надежде на выгоду, или всю жизнь жертвуем настоящим ради мифического будущего. Примечателен факт того, что если шизофреника извлечь из среды, которая его делает шизофреником, и поместить в среду, где общение происходит рационально, он приходит в норму. Однако, как только он оказывается в той же или похожей среде, он снова начинает играть роль шизофреника.

Авторы концепции «двойного послания» рассматривали шизофрению (раздвоение личности) не как болезнь конкретного индивидуума, но как определенную системную модель отношений в обществе, в которой все участники негласно приходят к согласию поддерживать подобные отношения. Шизофрения является крайним средством поддержания сплоченности группы, пытающейся противостоять несовместимому в нашей жизни.⁸

Шизофреник общается так, будто он ожидает наказания всякий раз, когда он показывает, что считает себя правым в своем видении ситуации. В своих исследованиях Г. Бейтсон показал, что этот страх провоцируется опытом в раннем детстве получения наказания именно за свою правоту в видении контекста. Повторяющийся опыт наказания приводит к такому привычному поведению индивидуума, словно он ожидает такого наказания и активно пытается его избежать. Типичным для шизофреника является стремление скрыть в своих сообщениях все, что так или иначе указывает на отношения между ним и лицом, к которому они адресуются. Шизофреники обычно избегают говорить от своего лица, стремясь к обобщениям – «мы», «с нами» так, будто стремятся спрятаться, исчезнуть, быть незаметными для собеседника. Они избегают сообщать о том, како-

го рода сообщение они передают: буквальное или метафорическое, ироническое или прямое.

До сегодняшнего дня лечение шизофрении в России проводилось главным образом через предписание медикаментозных психотропных препаратов. Такой подход представлялся единственным и само собой разумеющимся. Однако медикаментозная терапия не позволяет добиться заметных успехов. Рассматриваемая нами концепция «двойного послания» позволяет выйти за рамки психиатрии и открыть новые пути для междисциплинарного видения шизофрении как социального явления и уже постановки вопроса об ее социальной терапии.

Если все мы получаем и даем окружающим подобные послания по многу раз на дню, то вполне логично поставить задачу научиться их отслеживать и противостоять им. П. Вацлавик говорит, что единственным выходом из парадоксального цикла (двойной связи) является его прочтение в новых рамках, т.е. анализ ситуации на другом уровне и в измененном масштабе. Существует несколько типичных вариантов позитивного развития событий по выходу из травмирующей ситуации:

1. Выход - бегство на неопределенное время из ситуации коммуникации как крайняя стратегия.

2. Заявление об абсурдности ситуации.

3. Использование юмора в виде телепередач «Куклы», «Мульт личности», что развивает открытость и спонтанность, обязательно создает новое пространство больших творческих возможностей.

4. Устранение частичное или полное предписывающего характера послания путем разведения понятий «должен выполнить», «быть в состоянии сделать» и «хотеть сделать что-либо».

5. Выход на уровень метакоммуникации, т.е. коммуникации по поводу коммуникации в системе.

Идентификация двойного послания стала дополнительным средством понимания трудностей в системе коммуникации. Двойное принуждение имеет особенность провоцировать блокировку общения, что влечет за собой серьезные последствия, которые лежат в основе индивидуальных патологий.

Описанная Г. Бейтсоном концепция «двойной связи» изначально нашла наиболее благодатную почву в теории и практике семейной психотерапии. В свою очередь, науки о человеке и обществе также взяли на вооружение эту концепцию, применив ее к анализу коммуникации в различных сферах общества, также как и в практике международных отношений.

Рассмотрим более подробно сферу общественно-политического дискурса, находящуюся под воздействием «либеральной идеологии». В этом контексте постараемся переосмыслить с социо-клинической точки зрения политическую ситуацию в России.

С одной стороны, в постсоветском мире власть имеет прекрасную возможность декларировать разумную стратегию развития и выдавать свои фантазии за информацию о реальности, благородно приукрашивая отдельные ее черты. С другой стороны, опубликованная на сайте WikiLeaks дипломатическая переписка и разговоры в социальных сетях стали лучшим заменителем новостных программ на центральных каналах телевидения, разрушая сакральность власти. Перед лицом имеющегося несоответствия – диссонанса между тем, что он видит (воспринимает) и тем, что он «должен был бы» видеть или испытывать, рядовой обыватель оказывается в ситуации «двойного послания» и рискует оказаться наказанным или почувство-

вать себя виновным («безумным»).

Раздвоение личности нам хорошо известно еще по эпохе СССР. Выдававшийся партийными органами единый образ мнения представлял упрощенный взгляд на реальность. Зная о существовании двойных стандартов, того, что говорилось на кухне и на официальных совещаниях, власть использовала различные приемы, в том числе и привлечение социологов для усиления влияния официальной пропаганды на массы.

Возьмем другой пример из практики международного общения. Кто из нас не слышал произнесенную устами представителей госдепа США сакраментальную фразу: «Мы хотим, чтобы Ирак стал демократической страной»? Казалось бы чудесная фраза, требующая от каждого иракца самостоятельности, инициативы, однако это не так. В действительности эта безобидная фраза содержит в себе так называемое двойное послание. То есть в первой ее (особенно если использован тон, не терпящий возражений) части «Мы хотим». Здесь фактически заключается приказ, а во второй дается разрешение на самостоятельность. Получается какая-то приказная самостоятельность. Человек, услышавший это фразу, фактически попадает в логическую ловушку, так как все что он сделает сам, будет изначально приказом со стороны иностранной державы.

Уже в наши дни российский избиратель постепенно вползает в другую парадоксальную ситуацию, когда участвующие в предвыборной гонке политические лидеры/партии выдвигают почти одинаковые лозунги. В США это наглядно наблюдается на идеологическом сближении двух ведущих партий. Попытки рядового избирателя разнести в своем сознании по полочкам поступающую информацию ведут к дезориентации, к потере смысла.

Подобные примеры, когда люди не в состоянии выстроить элементарные логические цепочки, связывающие причины и следствия, мы можем увидеть в настоящее время не только в сфере политического дискурса, но и в административных учреждениях, на предприятиях.

Как социологи, мы наблюдаем крайне опасное явление – подмену реального действия фикцией, замену участия граждан в жизни страны политикой бурной имитации движения вперед. С другой стороны, в сознании люди стоят какие-то блоки, запрещающие им участие в массовых протестах. Что это за парализующие моменты? Среди них можно назвать следующие:

1. Понимание бессмысленности любого проявления недовольства.
2. Страх, связанный с жестким разгоном проводимых несистемной оппозицией митингов и «маршей несогласных».
3. Инстинктивное осознание критичности ситуации в стране и страх сделать что-то не то и спровоцировать катастрофу.

Любой из этих вариантов плох, потому что страх, помноженный на готовность к ситуационному локальному перевозбуждению при полном равнодушии к более общим проблемам, есть признак инфантилизма и самоуничтожения.

В таком случае, встает вопрос о способности людей из политической элиты России, которые за последний десяток лет обрели за своими спинами весьма увесистый список темных дел, развернуть страну в сторону от разрастающихся патологий. Вопрос, конечно, риторический. Никакой народ не хочет уйти в историческое небытие или исчезнуть, поэтому воля к жизни у россиян рано или поздно проснется. Хотелось бы, чтобы энергию этой воли направила в созидательное русло не полусонная бюрок-

ратия. Потенциально застой может обернуться очередной перестройкой или же мощным социальным взрывом, эмоциональным и беспощадным по отношению к отдельным социальным или этническим группам.

Деяния российской политической элиты, а также и спокойно созерцающей их социологии, обязательно получат оценку в истории страны. Будет ли это заочный суд или раздел в учебнике – вопрос будущего. Но то, что это будут нелестные оценки, обязательно будет исторически закреплено.

Тяжело больное общество постперестроечной России нуждается в качественном диагнозе и терпеливом самоизлечении. Это справедливо и в отношении исследователей-социологов. Врачеватель должен исцелиться сам, а для этого — предложить методы, позволяющие понять характер состояния общества, больших групп и малых элит, индивидов и самих себя. На очередных съездах Российского общества социологов и не только его резкой критике подвергается политика предшествующего политического лидера страны, но в отношении действующего высказывается полная лояльность и с особым блеском в глазах президиума ему направляется приветственная реляция. Явный пример шизофрении в научном сообществе. Об амбивалентности русских говорил еще Фрейд: «Странные они люди: ночью грешат, днем каются, а потом все с начала...».

Россияне уже не живут в тоталитарном режиме, но давайте будем помнить, что любой тоталитарный режим начинается с того, что власть начинает практиковать двойные стандарты, подавлять критическую мысль, разгонять протестные митинги.

Литература

1. Бейтсон Г. Экология разума. — М.: Смысл, 2000.
2. Горянина В.А., Масалков И.К. Преображение жизненных ситуаций: эффективные психосоциальные технологии. М.: Совершенство, 1999.
3. Добренев В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. VI: Социальные деформации. — М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Aubert N., Gaulejac V. de Le coût de l'excellence. Paris, Seuil, 2007.
5. Gaulejac V. (de) La société malade de la gestion. Paris, Points – Seuil, 2009.
6. Tisseron S. Secrets de famille, mode d'emploi, Paris, Hachette, 1997.
7. Wittezaele J.-J. La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en Sciences humaines, Bruxelles, De Boeck Université « Carrefour des psychothérapies », 2008.
8. <http://prognoz.org/article/statistika-samoubiistva>

Ссылки:

- ¹ «Когда больше не остается никакой возможности воздействовать на мир, мы начинаем разрушать сами себя. Свое же оружие мы обращаем против нас самих»
- ² <http://prognoz.org/article/statistika-samoubiistva>
- ³ <http://www.levada.ru/proekt-demokratiya-v-rossii/07-04-2011>
- ⁴ Gaulejac V. (de) La société malade de la gestion. Paris, Points – Seuil, 2009.
- ⁵ Morin E. Introduction a la pensée complexe. Paris, ESF, 1990.
- ⁶ По отношению к такому рода матерям было введено понятие «шизофреногенная мать»
- ⁷ Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. М.: Институт психотерапии, 2006
- ⁸ Бейтсон Г. Экология разума. — М.: Смысл, 2000.

Политическое сознание студентов: диалектика лояльности и «безразличия»

Новиков Д.В., Саламин Е.Е.

На материалах социологического исследования (анкетного опроса) авторы анализируют политические диспозиции студенческой молодежи г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре. Авторы приходят к выводу о том, что политическое сознание современной российской молодежи характеризуется наличием как высокого уровня поддержки действующей власти, так и значительным уровнем индифферентности по отношению к политике.

Ключевые слова: политика, молодежь, политическое сознание, политическая культура, политическое поведение.

Novikov D.V., Salamin E.E.

Political consciousness of the students: dialectics of loyalty and «indifference»

On materials of sociological research (questionnaire) authors analyze political dispositions of student's youth of Khabarovsk and Komsomolsk-na-Amure. Authors come to a conclusion that the political consciousness of modern Russian youth is characterized by presence as high level of support of authorities in power, and considerable level of indifference in relation to a policy.

Key words: policy, youth, political consciousness, political culture, political behavior.

Недавние протестные акции, происходившие (и до настоящего времени происходящие) в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в Западной Европе и современной России закономерным образом актуализируют тему, связанную с изучением политического сознания различных социально-демографических групп, и, в первую очередь, молодежи. Активное участие данной социальной общности в протестных акциях порождает необходимость последовательного и скрупулезного изучения темы её политических диспозиций¹.

Кроме того, поскольку сегодняшняя российская молодежь через некоторое время в силу естественных причин станет важнейшим из участников политического (и, в том числе, электорального) процесса, то в силу этого объективный научный анализ её политического сознания дает необходимый «ключ», позволяющий «раскрыть» будущее российской политики. Обладая научным знанием о политических диспозициях современной молодежи, можно сформулировать прогнозные выводы, касающиеся её будущего политического поведения. А это, в

свою очередь, способно «пролить свет» на характер будущего российского политического процесса, а также конфигурацию и эволюцию российской политической системы.

Целью настоящей статьи является исследование отдельных аспектов политического сознания современной российской студенческой молодежи. Не претендуя на создание целостной концептуальной картины политического сознания современного российского студенчества, авторы затрагивают лишь некоторые его сегменты. К ним относятся:

- наличие или отсутствие общего интереса к политике;
- уровень протестности (лояльности) по отношению к существующей политической системе;
- степень популярности отдельных (и, в том числе, оппозиционных) российских политиков;
- степень популярности отдельных (и, в том числе, оппозиционных) политических партий.

Выбор авторами в качестве объекта анализа именно студенчества не является случайностью. Он обуславливается тем, что, во-первых, данная социальная группа составляет значительный по численности сегмент российской молодежи; а, во-вторых, по сравнению с остальными молодежными подгруппами, студенчество выделяется высоким уровнем социально-политической активности, и в этом смысле может рассматриваться в качестве группы, обладающей значительной степенью референтности.

Для достижения поставленной цели в 2008-2010 гг. авторами было проведено социологическое исследование в вузах Хабаровского края (ФГБОУ ВПО Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, ФГОУ ВПО Дальневосточная академия государственной

службы, ГОУ ВПО Хабаровская государственная академия экономики и права).

Объектом данного исследования являлась студенческая молодежь г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре.

Предметом изучения выступили политические диспозиции студентов г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре.

Выборочная совокупность составила 400 человек.

В качестве метода определения выборочной совокупности использовалась квотная выборка. Параметрами квоты являлись пол и возраст.

В качестве метода получения социологической информации был использован письменный (анкетный) опрос.

В качестве рабочей гипотезы авторами были выдвинуты следующие положения:

- для современного российского студенчества характерно наличие устойчивого интереса по отношению к политике;
- уровень политического интереса связан прямой зависимостью с возрастом учащихся высших учебных заведений (он возрастает с постепенным переходом от «младших» курсов к «старшим»);
- вместе с этим для студенчества нехарактерно наличие высокого интереса к функционированию российской политической системы и реализации российского политического процесса;
- для современных российских студентов нехарактерно наличие политических диспозиций, свидетельствующих о высоком уровне протестных настроений;
- подавляющее число студентов обладают высоким уровнем лояльности по отношению к действующей в стране власти;

- среди многочисленных российских политиков наибольшим одобрением студенческой молодежи пользуются В.В. Путин и Д.А. Медведев;

- оппозиционные политики (Г.А. Зюганов, Б.Е. Немцов, Г.А. Явлинский) обладают низким уровнем доверия со стороны российского студенчества;

- среди всего спектра российских политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело») наибольшим уровнем поддержки со стороны студентов пользуется отечественная «партия власти» - «Единая Россия».

В ходе проведения исследования нами были получены следующие результаты.

1. В целом студенчество проявляет определенный интерес к политике (74%). Однако среди студенчества присутствует и доля тех, кто индифферентность к ней (21%).

2. Интерес к политике устойчиво возрастает по мере «взросления» учащихся. Так, если среди первокурсников доля интересующихся политикой – 58%, то доля учащихся второго, третьего, четвертого, пятого курсов составляет – 60%, 64%, 67% и 77%, соответственно.

3. Несмотря на наличие общего абстрактного интереса к политике, студенческая молодежь проявляет системное безразличие по отношению к конкретным аспектам функционирования российской политической системы. Так, на вопрос: «Вызывает лично у Вас интерес деятельность российских политических институтов (Президента РФ, Правительства, Государственной Думы, Совета Федерации, политических партий и т.д.)?» утвердительно ответили лишь 25% опрошенных. В свою очередь, отрицательный ответ дали 68% респондентов.

4. Для студентов нехарактерен высокий уровень протестных настроений. Так, лишь 10% выражают конфронтационное отношение к существующей в России политической системе. (Полученные данные коррелируют с результатами, полученными Фондом «Общественное мнение». Так, по данным ФОМ, лишь 25% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет выражают желание участвовать в акциях протеста²).

5. Основная масса студентов выражает поддержку российской политической системы. Доля опрошенных студентов, поддерживающих современную российскую власть, составила 70%.

6. Среди российских политиков наибольшей популярностью пользуются: Председатель Правительства РФ В.В. Путин (76%), Президент РФ Д.А. Медведев (67%), В.В. Жириновский (45%). Интересно, что рейтинг «молодежной» поддержки всех трех политиков превышает аналогичный рейтинг в целом по всем возрастным группам³. Кроме этого, по сравнению с общероссийским исследованием рейтингов политиков, среди опрошенной дальневосточной студенческой молодежи лидер ЛДПР В.В. Жириновский обладает существенно более высокой популярностью.

7. Оппозиционные политики пользуются низкой поддержкой молодежи: Г.А. Зюганов – 10%, Б.Е. Немцов – 2%, Г. А. Явлинский – 1%.

8. Среди политических партий наибольшей популярностью пользуется партия «Единая Россия» - 55%. Остальные политические партии пользуются гораздо меньшей поддержкой: ЛДПР – 15%, КПРФ – 5%, «Справедливая Россия» - 2%. Остальные политические партии («Правое дело», «Яблоко», «Патриоты России») получили результаты на уровне статистической погрешности. (От-

меченные результаты рейтинга политических партий, в целом, соответствуют аналогичным результатам по общероссийской выборке. Так, по данным ФОМ, партия «Единая Россия» поддерживается 60 % опрошенных молодых людей, ЛДПР – 11%, КПРФ и «Справедливая Россия» имеют поддержку на уровне 3 %⁴.)

Приведенные выше данные позволяют сделать выводы о политических диспозициях студенческой молодежи Хабаровского края.

Во-первых, для студенческой молодежи Хабаровского края характерен высокий уровень безразличия по отношению к российской политике. Данный факт весьма показателен, поскольку явно противоречит присутствующему в массовом сознании представлению о молодежи как о наиболее политически активной группе общества⁵.

Во-вторых, студенческая молодежь Хабаровского края характеризуется высоким уровнем лояльности по отношению к действующей в России власти.

В-третьих, для молодежи Хабаровского края не характерны протестные настроения, что проявляется в низкой степени поддержки оппозиционных политиков.

Наконец, в-четвертых, из всего спектра оппозиционных политиков высоким уровнем поддержки молодежи Хабаровского края пользуется лишь В.В. Жириновский. Данный факт, на наш взгляд, обуславливается яркой экспрессивной риторикой лидера ЛДПР, обильно насыщенной националистическим содержанием.

Все вышеуказанное, с одной стороны, позволяет обоснованно утверждать об отсутствии в политическом сознании российской молодежи характеристик, способных стать «питательной» средой для эскалации социально-политического протеста.

Однако, с другой стороны, значительная политическая индифферентность российской молодежи вступает в противоречие с необходимостью решения задач политической (и экономической) модернизации, поставленных высшим руководством страны.

Литература

1. Зеленин, А.А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации / А.А. Зеленин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 315 с.

2. Карпенко, О.М. Молодёжь в современном политическом процессе в России / О.М. Карпенко, И.А. Ламанов. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – 34 с.

3. Дегтярев А.А. основы политической теории // Липсет, С. Политический человек. Социальные основы политики / Сеймур Липсет. – М.: Наука 1998. – 214 с.

4. Тесленко, А.Н. Организация и самоорганизация молодежи в процессе социализации / А.Н. Тесленко - Томск: Изд-во «Седил» 2001. - 115 с.

5. Динамика политических и социально-экономических взглядов молодежи: зима 2010 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d51dpisevrm10.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

6. Доверие политикам. База данных Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=169>, свободный. Загл. с экрана.

Ссылки:

¹ Показательно, что в сегодняшней политологии значительную популярность в качестве объясняющей модели протестных событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке

приобрела т.н. «теория преобладания молодежи». (см, например, Хейнсон, Г. Демографическая война Запада против Израиля / Гуннар Хейнсон. – Режим доступа: <http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4934>, свободный. Загл. с экрана).

² Динамика политических и социально-экономических взглядов молодежи: зима 2010 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d51dpisevrm10.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

³ Доверие политикам. База данных Всероссийского центра изучения общественного мнения [Элект-

ронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=169>, свободный. Загл. с экрана.

⁴ Динамика политических и социально-экономических взглядов молодежи: зима 2010 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d51dpisevrm10.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

⁵ Здесь проявляется отличие российской молодежи от западных сверстников. Западная молодежь характеризуется высокой политической активностью, являясь политическим авангардом общества.

Экология и качество жизни в Волгоградской области

Сушко А. И., Сушко В. А., Шувалова О. А.

В качестве информационной базы исследования использован анкетный опрос жителей Волгоградской области в 2011-2012 гг. Проанализировано отношение различных слоев местного населения к социально-экономическим и экологическим проблемам в контексте изучения качества жизни; установлены приоритетные потребности в улучшении качества жизни, выявлена удовлетворенность граждан проводимыми мероприятиями.

Ключевые слова: жизненные перспективы, социально-экономическое состояние региона, социально-экологические условия, качество жизни, оценка условий жизнедеятельности.

Sushko A.I., Sushko V.A., Shuvalova O.A.

Environment and quality of life in Volgograd region

The method of questionnaire is used as an information basis of the research. Survey data derive from a questionnaire among inhabitants of Volgograd region, which was held in 2011-2012. It is analyzed personal attitudes and perceptions regarding local socio-economic and ecological problems in a context of quality of life in the region, the level of satisfaction with different actions.

Key words: life perspectives, socio-ecological situation of the region, socio-ecological conditions, quality of life, well-being assessment.

Наиболее полный перечень компонентов качества жизни, используемых в международных сопоставлениях и национальных оценках развитых стран, включает помимо социальных условий, таких как безработица, динамика демографических процессов, образование и обучение, здоровье, продовольствие и питание [4] еще и экологические аспекты, такие как качество воды, воздуха и др. [6]. Во многих определениях устойчивого развития упоминается понятие качества жизни. Британская организация «Форум будущего» определяет устойчивое развитие как динамический процесс с возможностью реализации человеческого потенциала и улучшения качества жизни с защитой и улучшением природных жизнеобеспечивающих систем. Политическая цель устойчивого развития, установленная мировой комиссией по окружающей среде и развитию, это повышение качества жизни всего населения планеты без увеличения масштабов использования природных ресурсов до степени, превышающей возможности Земли как экологической системы. Голландский институт здоровья и окружаю-

щей среды определяет понятия как равные: «В сущности, устойчивость – это и есть качество жизни и возможность поддержания этого качества в будущем» [8]. Джил Джагер в своей книге «Наша планета. Сколько еще может выдержать Земля?» формулирует смысл устойчивого развития в создании условий для сохранения и улучшения качества жизни для всех людей в долгосрочной перспективе [5]. Связь этих двух понятий неоднозначна: с одной стороны – потребляя ресурсы, человек улучшает качество жизни (то есть с ростом экономики увеличивается уровень жизни людей). С другой стороны – между экономическим ростом и экологическим аспектом существует обратная зависимость – рост экономики приводит к ухудшению состояния окружающей среды [7]. Таким образом, оценка качества жизни, складывается из трех составляющих – экономической, социальной и экологической.

Сложность оценки качества жизни заключается в том, что для разных групп населения (городского и сельского, занятого различными видами хозяйственной деятельности и др.) представления о качестве жизни, а, следовательно, и устойчивости территорий, различны. Такие различия выявляются через субъективные оценки в сочетании с объективными (статистическими). Субъективные измерения качества жизни, основанные на регулярных массовых опросах населения или оценках экспертов, широко применяются в западных исследованиях, например общий социальный опрос в США, так называемый, «Eurobarometer». В Германии изучением благосостояния людей занимается Allensbach Institute, в Великобритании – New Economics Foundation [5]. Такие вопросы как благоприятность (комфор-

тность) проживания в данной местности, политическая и социальная, экологическая стабильность, удовлетворенность условиями проживания могут оцениваться только субъективно, так как объективных критериев не существует. Так, список European Common Indicators начинается с вопроса: «Нравится ли вам жить в вашем городе (местности)?» [9, 10].

Таким образом, главной целью устойчивого человеческого развития (устойчивого развития) является улучшения качества жизни, которое характеризуется не только уровнем дохода населения, но и другими составляющими, в том числе и экологической компонентой.

Цель исследования – раскрыть и характеризовать основные социально-экономические и социально-экологические условия жизни в Волгоградской области, выявить их существенные характеристики, степень их важности и отношение к ним жителей региона, а также способы решения указанных проблем с целью повышения качества жизни.

В качестве информационной базы исследования использован анкетный опрос жителей Волгоградской области в 2011-2012 гг. Исследование проводилось в 33-х районах и 6 городах области. Общий объем квотной выборки составил 629 человек, из них – 181 – районные жители, 448 – городские жители.

Анализ происходил на уровне *муниципальных районов*, которые представляют собой социально-экономические и природные территориальные системы. Для таких систем характерна определенная производственная специализация, самобытный уклад жизни. Помимо этого, данная административная единица является центром оперативного сбора и обобщения статистической

информации, а также управления хозяйственной деятельностью, социальной сферой и природными ресурсами.

Волгоградская область как один из важнейших регионов Российской Федерации, характеризуется многими важнейшими аспектами, которые выступили определяющими в анализе исследуемых проблем.

Территориальные образования, такие как сельские поселения и города, отличаются друг от друга социально-экономическими характеристиками и уровнем развития. Дифференцированный анализ поселений необходим для понимания современных процессов и предвидения тенденций их развития.

Доля городского населения области составляет 75,5% от всего населения области, сельского населения – 24,5%. К сельской местности относят всю территорию, находящуюся за пределами городов, а к сельскому населению – всех жителей, живущих за пределами городских поселений. Граница между сельским и городским типами поселений не только регламентирована законодательными актами, но и обусловлена функциональным значением поселений. Сельские поселения характеризуются такими видами деятельности как сельскохозяйственное производство, лесное хозяйство, выполняют рекреационную и природоохранную функции.

Социально-экономический кризис 1990-х годов усугубил демографическую ситуацию в Волгоградской области, которая ознаменовалась

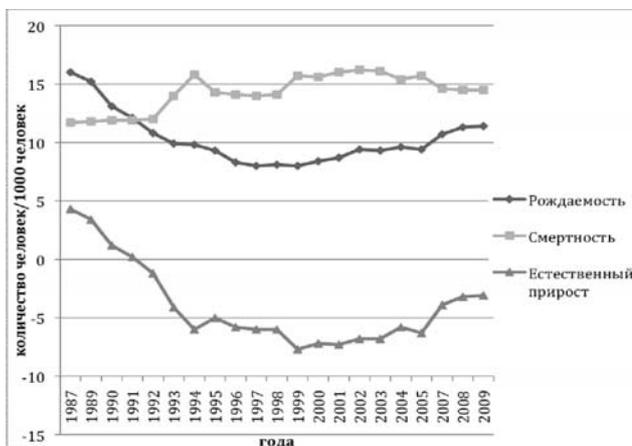

Рис. 1. Динамика основных демографических показателей (рождаемость, смертность, естественный прирост) с 1987 по 2009 г.

резким падением рождаемости, впервые превысившей смертность в 1999 г., ростом смертности, снижением средней продолжительности жизни (с 70,5 в 1990 г. до 66,1 лет в 1999 г.). Абсолютная численность населения начала сокращаться в 1996 г., потому что в течение четырех лет (1992-1996 гг.) естественную убыль населения компенсировало положительное сальдо миграции.

В 2009 г. численность населения составила 2598,93 тыс. человек, что меньше на 100,27 тыс. человек по сравнению с 2002 годом. Процесс депопуляции, т.е. стабильного снижения численности населения, описывается таким социальным феноменом, как «Русский крест» (рис. 1). Начиная с 1992 г., смертность в области впервые превысила рождаемость и до настоящего времени наблюдается естественная убыль населения, несмотря на то, что с 1999 г. показатель естественного прироста стал возрастать.

Область отличается высокой степенью освоенности, что сказывается на экологической ситуации в регионе. Эта ситуация во многом обус-

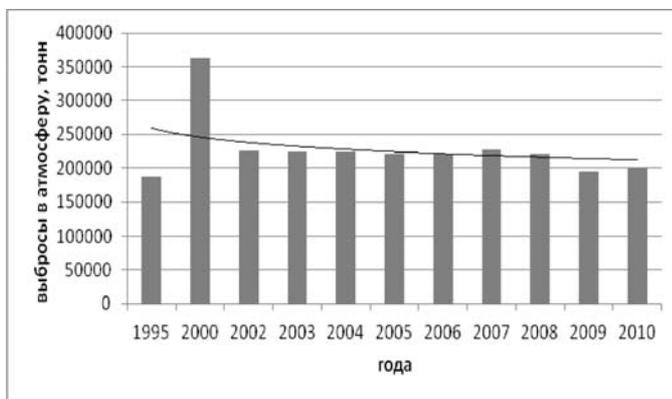

Рис. 2. Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферу с 1995 по 2010 г.

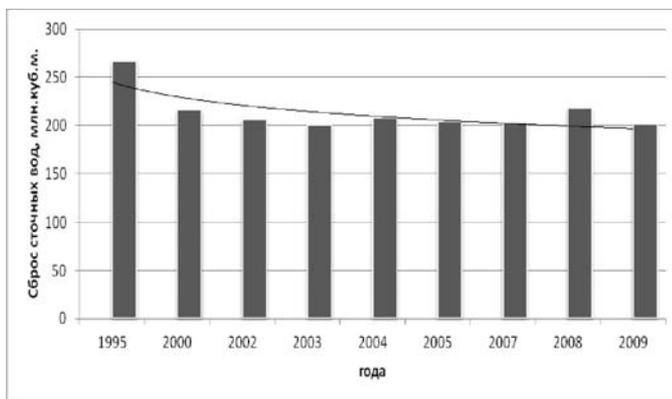

Рис. 3. Динамика сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты с 1995 по 2009 г.

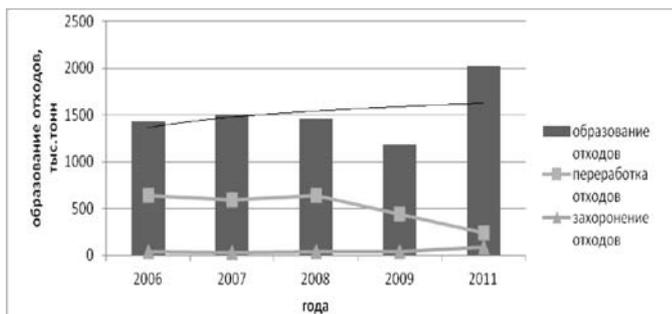

Рис. 4. Динамика образования отходов производства и потребления с 2006 по 2011 г.

изводстве, сырьевой ориентацией экспорта, концентрации производства в городах. На фоне предпосылок интенсивного хозяйствования, экономический кризис вызвал спад производства в большинстве отраслей экономики и связанное с этим снижение загрязнения окружающей среды. Однако снижение уровня производственного прессинга на природные системы - скорее следствие экономического спада, чем планомерных действий в сфере стабилизации экологической ситуации.

Загрязнение атмосферного воздуха характеризуется выбросами загрязняющих веществ от стационарных источников (рис. 2). На фоне общей тенденции снижения выбросов в области (сокращение на 70 тыс. тонн за период 1999-2009 гг.) увеличивается доля выбросов от центров добывающей и пищевой промышленности [2].

ловлена сложившимся типом хозяйствования с преобладанием ресурсо- и энергоемких технологий в про-

Несмотря на обилие водных объектов (их 246) на территории области, двух крупнейших рек России – Волги и Дона, двух

водохранилищ – Волгоградского и Цимлянского, область относится к маловодным районам. Волга – хозяйственная и культурная артерия рассматриваемой области, непосредственно влияющая на все сферы жизни общества и социальные образования. Экологическое состояние реки характеризуется загрязнением тяжелыми металлами, фосфором, азотом [3]. Хопер, Дон, Иловля и малые реки являются источниками питьевого водоснабжения, поэтому состояние водных объектов является показательным. Динамика изменения объема сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты Волгоградской области отражена на рис. 3.

Сохраняет остроту проблема обезвреживания и переработки бытовых и промышленных отходов, представляющих реальную угрозу для здоровья населения и экосистем. Динамика образования отходов производства и потребления характеризуется устойчивым увеличением (рис. 4), и за счет низкого процента использования отходов ежегодно их кол-во на свалках увеличивается на

2,5 млн. тонн [2]. Несмотря на состав бытовых отходов (37% - бумага и картон, 30,6% - пищевые отходы, 1,9% - древесина, 3,8% - металлы, 5,4% - текстиль), пригодный после сортировки и переработки ко вторичному использованию, система раздельного сбора мусора отсутствует.

Земельные ресурсы – это основное природное богатство области, обуславливающие продовольственную безопасность региона. Совре-

Рис. 5. Распределение выборочной совокупности по основной сфере деятельности

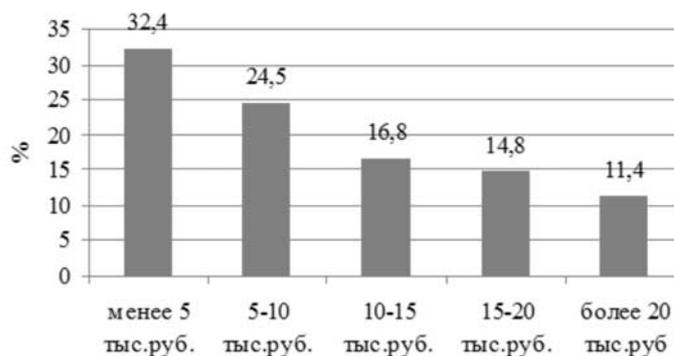

Рис. 6. Распределение выборочной совокупности по примерному совокупному ежемесячному семейному доходу на одного члена семьи

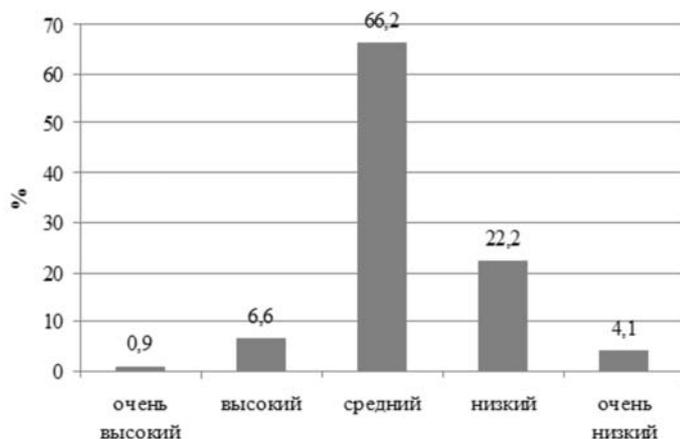

Рис. 7. Распределение выборочной совокупности по оценке уровня жизни в целом

менное распределение земельного фонда было обусловлено в 1950-60-е годы при освоении 1,6 млн. га целинных степей. Высокий показатель распаханности земель в Волгоградской области (78,7%), большая сосредоточенность скота на пастбищах, интенсивные системы земледелия привели к обеднению природного потенциала: к развитию эрозии, осолонцеванию и деградации земель и, следовательно, к падению бонитета почв.

В целом, можно отметить, что стараясь повысить уровень жизни, наращивая обороты производства, человечество снижает ее экологическое качество [1], что в свою очередь отражается на здоровье человека.

При проведении массового социологического исследования выборочная совокупность по полу распределена следующим образом: мужчины составляют 47,3%, женщины – 52,7%. По возрасту выборочная совокупность распределена следующим образом: 48,5% составляют молодежь в возрасте от 18 до 25 лет и 51,5% – люди от 26 лет и старше, проживающие в городских (71,2%) и сельских (28,8%) поселениях.

Как видно на рис. 5, большинство опрошенных (23%) – студенты. Каждый шестой опрошенный (16%) является пенсионером. Примерно каждый десятый является работником сельского хозяйства (11,6%) и рабочим (10,5%). Также в выборку примерно в равной численности попали респонденты,

занимающиеся в самых различных сферах деятельности (предприниматели 4,3%, государственные служащие 5,4%, работники торговли 4,3%, преподаватели 4,3%, медицинские работники 2,6%, научные деятели 1,1%). Количество безработных в выборочной совокупности составило 3,6%.

Как видно на рис. 6, в выборку попали респонденты с различным уровнем дохода. Большинство опрошенных (32,4%) имеют доход в среднем менее 5 тыс. руб. на одного члена семьи. Немного меньше, а именно 24,5% респондентов, живут на 5-10 тыс. рублей. Каждый шестой респондент 16,8% имеет доход 10-15 тыс. рублей в месяц. 14,8% живут на 15-20 тыс. рублей. Каждый десятый респондент 11,4% имеет доход больше 20 тыс. рублей в месяц.

Несмотря на невысокие доходы, большинство респондентов, а именно 66,2%, оценивают свой уровень жизни как средний (рис. 7). Можно предположить, что жители исследуемого региона имеют совсем невысокие доходы в целом и указанная ими сумма является практически достаточной для жизни. В то же вре-

мя почти каждый третий респондент указали, что имеют очень низкие доходы. И только 7,5% респондентов, имея доход около или более 20 тыс. рублей в месяц, оценивают уровень своей жизни в целом высокой.

На вопрос «Хотели бы вы остаться жить в вашем районе в течение следующих 5 лет?» ответы респондентов распределились следующим образом: 41,9% респондентов хотели бы остаться жить в своем районе, 32,3% ответили, что хотели бы уехать из него, каждый четвертый 25,8% затруднился с ответом. Это можно объяснить, скорее всего, двойными чувствами, которые испытывают жители в России: с одной стороны, патристические, родственные, дружеские чувства, привычка и родное окружение, с другой стороны, желание улучшить свою жизнь, иметь более комфортные жизненные условия, лучшую работу, иметь более высокое качество жизни вынуждает людей расстаться со своим близким окружением, нарушить свои социальные связи, тем самым, изменяя их, с их точки зрения, в лучшую сторону.

Стоит отметить, что среди жителей региона в большей степени городские жители 45,1% хотели бы остаться там жить, нежели жители районов (35,1%). Большинство респондентов, почти половина 41,5% хотели бы остаться главным образом потому, что там живут их родственники, на втором месте (20,4%) респонденты отметили отличные природные условия, на третьем 11,3% хороший сервис общественного транспорта. В то же время среди основных причин, по которым респонденты хотели бы уехать из своего региона являются следующие: 41,8% хотят найти свою любимую работу, которой нет у себя дома, 14,7% считают, что смогут найти лучшие условия для образования, 12,5% счита-

ют, что природные условия в их регионе не подходят им для комфортного проживания. Также среди причин, по которым респонденты хотели бы уехать по степени убывания указывались следующие: 9,9% считают медицинский сервис не достаточно хорошим, 8,6% указывают на недоступное жилье, 8,2% отметили недостаточный сервис общественного транспорта. 95,7% респондентов интересуются проблемами развития района, однако около 75% из них не принимают никакого участия в его жизни. Следует отметить, что 5% горожан не интересуются вопросами развития против 2,8% районных жителей (табл. 1).

Оценивая степень развития в районе, около 40% респондентов отметили варианты «плохо развитый» и «не развитый», 49% - «средне развитый» и лишь 12% жителей считают свой район развитым. Следует отметить, что горожане по сравнению с районными жителями выше оценивают развитие территории. 15,6% городских жителей оценили территорию своего место жительства как очень и достаточно развитую, 52,6% - как средне развитую в том время как районные жители - 6,5% и 39,2% соответственно. 37,3% опрошенных людей заметили улучшения в развитии города за последние 5 лет (40,8% горожан и 30% районных жителей). Более половины всех респондентов (62,7%) не заметили изменений в развитии места своего проживания (табл. 2).

Районные жители отметили следующие изменения социального характера: ремонт дорог, облагораживание поселков, появление газового отопления в селах, развитие промышленности в одних районах и сокращение промышленных предприятий в других, строительство жилых домов и магазинов. Городские жи-

Таблица 1
Беспокоят ли Вас вопросы качества жизни и развития
Вашего района/города?

	Да, я интересуюсь всем, что связано с моим местом жительства	Да, я интересуюсь, но участие в жизни района не принимаю	Нет
Все жители	20	75,7	4,3
Районные жители	25,4	71,8	2,8
Городские жители	17,6	77,4	5

Таблица 2
Как Вы считаете, изменился ли за последние пять лет
уровень развития Вашего района/города?

	Да, мой район / город стал гораздо более разви- тым	Да, уровень развития изменил- ся в луч- шую сторону, но до сих пор сде- лано не- доста- точно	Может что-то и измени- лось, но Я лично не заметил (а)	Совер- шенно ничего не сделано для улуч- шения развития района	Уро- вень раз- вити- я района / города стал лучше и это ска- залось на каче- стве жизни
Все жители	4,7	32,6	36,6	18,0	8,1
Район- ные жители	3,3	26,7	37,5	23,3	9,2
Город- ские жители	5,4	35,4	36,3	15,2	7,6

Таблица 3
Оценка наиболее значимых социальных проблем (с
дифференциацией на районных и городских жителей)

	Все жители	Район- ные жители	Город- ские жители
Проблемы со здоровьем	14,4	8,4	16,7
Отток молодежи из сельской в городскую местность	6,9	15,5	3,4
Алкоголизм	20,6	21,7	20,1
Низкий заработок	22,8	24	22,4
Безработица	11,6	13,8	10,8
Преступность	5,8	2,9	7,1
Медицинское обслуживание	14,1	10,7	15,4
Снижение рождаемости	2,8	1,9	3,2
Ничего из выше- перечисленного	0,2	0	0,3
Другое	0,8	1	0,7

тели, напротив, отметили ухудшение состояния дорог, необходимость в строительстве приюта для бездомных животных. Однако в городах развивается инфраструктура, ведется строительство домов и магазинов.

Среди социальных проблем респонденты поставили на первое место проблему низкого заработка 22,8%, на второе место - проблему алкоголизма 20,6%, на третье - проблему здоровья 14,4%. Также респонденты указывали и другие значимые для них проблемы: медицинское обслуживание 14,1%, безработица 11,6% (табл.3).

На вопрос «Насколько сильно вы обеспокоены проблемами окружающей среды?» в среднем по всему региону около 65% жителей практически постоянно и достаточно часто задумываются об этом и только 5% жителей думают об этом редко или не думают об этом совсем.

Исследуя степень важности различных социальных проблем в целом по региону, мы получили следующие результаты. Самой приоритетной социальной проблемой респонденты отметили проблему медицинского обслуживания: как очень важную 65,9% и как важную 28,4%, нейтральной считают эту проблему 4,1%, а совсем не важной ее считают всего лишь 1,3%.

На втором месте проблема дохода: как очень важную 62% и как важную 32,5%, нейтральной считают эту проблему 4,5%, а совсем не важной ее считают всего лишь 0,8%; на третьем месте проблема трудоустройства: как очень важную ее считают 61,3% и как важную 32%, нейтральной считают эту проблему 4,6%, а совсем не важной всего 1,9%.

Проблема алкоголизма является одной из самых злободневных для российского социума, особенно для сельских жителей. В настоящем ис-

следовании эту проблему жители поставили на четвертое место: как очень важную 56,3% и как важную 36,4%, нейтральной считают эту проблему всего 6%, а совсем не важной ее считают лишь 1,4%.

Проблема образования также отмечена как очень актуальная: 49,5% назвали эту проблему очень важной, 40,9% - важной, 7,6% - нейтральной, 2,1% - не важной или совсем не важной.

Затем по степени важности были отмечены и такие проблемы как: заболевания (как очень важную считают 52,1% опрошенных и как важную 40,2%); высокий уровень детской смертности (43,5% и 40,1% соответственно); проблема досуга (39,7% и 41,9%); проблема преступности (33,9% и 29,1%); проблема оттока молодежи из сельской местности в городскую (25% и 41,3%). Респонденты отметили проблему низкого уровня рождаемости как не очень значимую.

Общие убеждения относительно вопросов развития в социальном аспекте были ранжированы шкалой от 1 «полностью не согласен» до 5 «полностью согласен». Высокое среднее значение и маленькое значение стандартного отклонения (менее 1) говорят о том, что респонденты проявили высокую долю консенсуса в выборе ответа. Большинство людей осознают взаимосвязь между качеством окружающей среды и качеством своего здоровья. Недоверие к качеству питьевой воды побуждает население подвергать воду дополнительной очистке. Респонденты высказались достаточно единоглас-

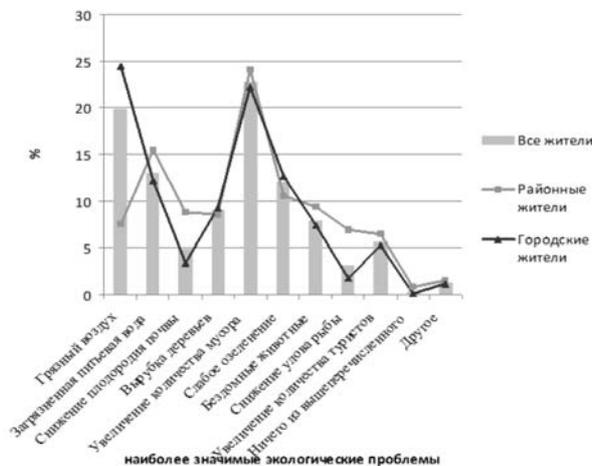

Рис. 8. Распределение выборочной совокупности согласно наиболее значимым экологическим проблемам для населения

но по поводу неэффективной работы управленческого аппарата на местном и государственном уровнях.

Среди экологических проблем респонденты поставили проблему увеличения количества мусора на первое место 22,8%, на второе место – проблему загрязнения воздуха 19,9%, на третье место - проблему загрязнения питьевой воды 13%. И это очень тревожные цифры, т.к. от решения этих проблем напрямую зависит здоровье населения, которое и так постоянно ухудшается, условия жизнедеятельности и, в конечном счете, вообще качество жизни людей. Также респонденты указывали и другие проблемы: слабое озеленение 12,1%, вырубка деревьев 9%, наличие бездомных животных на улицах 7,9%, увеличение количества туристов 5,9%, снижение плодородности почвы 4,9%, и снижение улова рыбы 3,2% (рис. 8).

Среди наиболее важных экологических проблем респонденты также отметили проблемы загрязнения Волгоградского водохранилища, повышенного уровня радиации, уменьшения уровня воды в водоемах

области, частые пожары. Городские жители обеспокоены увеличением пробок на дорогах.

Исследуя степень важности различных экологических проблем в целом по региону, мы получили следующие результаты: на первое место респонденты поставили проблему некачественных продуктов питания (как очень важную оценивают 58,1% респондентов и как важную 29,2%); на втором месте - проблема загрязненного воздуха от производства (57,1% и 32,7% соответственно); на третьем месте - загрязненная питьевая вода (56,8% и 30,8%). Далее следовали: загрязнение озер и рек жителями и туристами (55,1% и 34,9%); увеличение мусора на улицах (49,5% и 41,5%); увеличение производственных свалок (44,7% и 40,7%); загрязненный воздух от автотранспорта (40% и 40,5%); снижение количества животных, птиц и рыбы (41,6% и 39,6%); уменьшение лесопосадок (39,9% и 40,9%); недостаточное озеленение общественных мест (34,8% и 42,6%); увеличение количества бездомных животных (32,5% и 41,3%).

Для оценки чувства ответственности за состояние окружающей среды задавался вопрос об отношении людей к различным экологически ответственным действиям. Так 48,3% респондентов всегда или иногда стараются использовать некоторые предметы, такие как стеклянные бутылки, пластиковые пакеты, вторично; 22,1% людей не хотят этого делать или не задумываются об этом, 29,7% проявили нейтральную позицию; 25,5% ответивших не хотят и не задумываются использовать свою сумку в магазине, 62,4%, напротив, всегда или время от времени делают это. Всегда или часто принимают быстрый душ вместо ванны с респондентов, около 80% выключают свет и

телевизор при выходе из комнаты; 77,8% респондентов предпочитают проходить короткие расстояния пешком вместо использования общественного транспорта.

Высокая активность людей происходит не от хорошей жизни. Экономия электричество и воду, они существенно сокращают расходы на коммунальные и транспортные услуги. Волгоградцы не мотивированы экономить такие ресурсы, как свет и воду. И понятно: практика вторичного использования предметов не распространена в России. Это связано с тем, что горожане не знают реальной стоимости пластиковых пакетов, стеклянных бутылок и сколько ресурсов (природных, но в том числе и экономических) можно сэкономить при их рациональном использовании. Стоит отметить, что 92,6% респондентов согласились с утверждением, будто необходимо сортировать мусор; 25,3% видят проблему в отсутствии пунктов приема и переработки мусора; 67,3% считают, что начинать нужно с себя и, прежде всего, разделять мусор дома.

Большинство жителей области согласились с тем, что должны взиматься штрафы за неорганизованный выброс мусора, а все вместе - больше заботиться об окружающей среде. Кроме того, необходимо создать заповедно-охранные территории. Интересен тот факт, что 86,6% согласны с тем, что каждый человек может влиять на экологическую ситуацию. При том только 24,1% респондентов принимают реальное участие в экологических мероприятиях.

Также анализировалось отношение жителей относительно их духовного и физического самочувствия. На вопрос «Насколько вы удовлетворены своим здоровьем?» чуть больше половины жителей 54% практически или полностью удовлетворены

(доля городских и районных жителей здесь одинаковая), совсем или полностью не удовлетворены 11,5% (доля городских жителей здесь выше, чем районных жителей) и среднюю степень удовлетворения высказали 34,6% жителей (также в равной степени и городские, и районные жители). Оказалось, что 60% удовлетворены работой или учебой. Заработком удовлетворены только 22% респондентов, а досугом - 49,6%. Наконец, жизнью в целом удовлетворены 60% респондентов.

В результате проведенного анализа видно, что особенно актуальными являются вопросы социально-экономического и экологического состояния жизни. Среди наиболее важных проблем экологических выделялись увеличение количества мусора, загрязнение воздуха, загрязнение питьевой воды. Среди важнейших социальных проблем выделялись проблема низкой заработной платы, проблема алкоголизма, проблемы со здоровьем, низким медицинским обслуживанием, высоким уровнем безработицы.

Литература

1. Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 448 с.
2. Доклад об охране окружающей среды Волгоградской области 2005г.
3. Шувалова О.А. Изучение особенностей накопления тяжелых металлов в высших водных растениях Волгоградского водохранилища / Водные экосистемы и организмы 7-М.: МАКС Пресс, 2006. - 208 с.
4. Greenwood, D. T., Holt, R.P.F. Local Economic Development in the 21st Century. Quality of Life and Sustainability. New York, 2010.
5. Jager, J. Our planet. How much more can Earth take? Haus Publishing, London, 2008, 190p.
6. Moser, G., & Robin, M. Environmental annoyances: an urban-specific threat to quality of life? Revue Europeenne de Psychologie Appliqu European Review of Applied Psychology, 56(1), 2006. - P. 35-41
7. Neumayer, E. Human Development and Sustainability. Human Development Research Paper 2010/05, 31p.
8. Quality and the future. Sustainability outlook: RIVM, 2005. - 28p.
9. Ryden L., Migula P., Andersson M. Environmental Science. Understanding, protecting, and managing the environment in the Baltic Sea region. - Uppsala: The Baltic University Press, 2003.
10. Tarzia, V. Towards a local sustainable profile. European common indicators. Final evaluation. - Milano: Ambiente Italia Research Institute, 2003, 212p.

Восприятие рекламы и потребительское поведение

Титова Ю.М.

В статье описаны роль рекламного сообщения в продвижении отечественного товара и специфика отношения к нему различных групп потребителей в зависимости от их пола, возраста и территориальной принадлежности; выявлена положительная эластичность отношения населения к рекламе товаров отечественных производителей; определены принципы развития отечественного рекламного рынка.

Ключевые слова: реклама, индекс отношения, эластичность отношения, индекс лояльности, социально-демографические характеристики, патриотический вектор, поведение потребителей

Titova Yu.M.

Perception of advertising and consumer behaviour

The article describes the role of the commercial information as a part of domestic products' promotion and the specificity of attitude of different groups of customers, according to their sex, age and territorial belonging. The research also shows the customers' flexible attitude to advertisement of domestic goods. The development points were determined here. The usage of these points is to stimulate the development of domestic commercial sector.
Key words: advertising, relation index, elasticity of the relation, loyalty index, socially-demographic characteristics, patriotic vector, behaviour of consumers

Принято считать, что реклама – это, прежде всего, набор слов и графических образов, с помощью которых рекламист пытается влиять на потребителя. Однако рекламная деятельность оказывает более глубокое воздействие на человека, она является сложной формой общения, взаимодействия и взаимовлияния людей, в результате которой они приобретают некие средства для последующей коммуникации с другими людьми. Реклама действует путем установления связи между чувствами, ассоциациями, воспоминаниями и товаром. Этот процесс научения, особенно это касается пассивно воспринимаемых средств массовой коммуникации (телевидение, кино), происходит случайно, а не преднамеренно. Именно поэтому люди говорят, что на них не влияет реклама. Они не пытаются активно устранить что-либо из переживаний и поэтому не оказываются под ее непосредственным влиянием; эффекты рекламы проявятся позже, через некоторое время после того, как увиденное забудется [1, 7; 2, 13]. Поэтому для достижения ожидаемого эффекта от рекламного воздействия необходимо знать непосредствен-

Таблица 1
Восприятие населением рекламы в целом, %

Распределение по социально-демографическим характеристикам	Ваше отношение к рекламе в целом, %						
	Положительное	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Отрицательное	Нейтральное	Затрудняюсь ответить	
Общее	21,6	26,8	19,0	15,3	15,8	1,5	
Город	22,6	28,7	16,2	13,9	16,9	1,7	
Район	14,6	25,3	26,2	16,7	15,5	1,7	
Село	27,4	23,9	17,3	16,8	13,7	0,9	
Мужчины	18,7	26,2	20,3	18,5	14,7	1,6	
Женщины	24,3	27,3	17,8	12,1	16,9	1,6	
Возраст	До 20 лет	27,4	35,4	18,9	7,9	9,8	0,6
	21-29	20,1	35,3	17,4	11,4	15,8	0,0
	30-39	19,6	25,8	20,9	14,7	17,2	1,8
	40-49	21,3	18,9	21,9	17,2	18,3	2,4
	50-59	20,1	23,9	17,2	19,4	15,7	3,7
	Старше 60 лет	20,0	14,4	16,7	27,8	20,0	1,1

ное, осознаваемое отношение населения к рекламе. Блок вопросов, позволяющий выявить данное отношение, был включен в социологическое исследование, прошедшее в апреле – мае 2010 года в Могилевской области. Опрос был проведен Могилевским институтом региональных социально-политических исследований¹. Опрошено 904 человека, из них 471 проживают в крупном городе, 240 – в районном центре и 193 – в сельской местности [3].

Чтобы составить целостную картину восприятия населением рекламы, прежде всего, нужно оценить общее отношение людей к этому явлению (табл. 1).

На основании распределения ответов респондентов на вопрос «Каково Ваше отношение к рекламе в целом?» мы рассчитали индекс отношения к данному феномену с диапазоном вариации значений от 1 до 5, где 1 – это абсолютно отрицательное, а 5 – безусловно положительное отношение к рекламе. Полученное значение индекса в среднем по выборке составило 3,20 балла, что сви-

детельствует об умеренно положительном отношении к рекламе. Стоит отметить, что в ходе исследования были выявлены отличия в оценках в зависимости от территории проживания опрашиваемых: более толерантно к данному феномену относится городское население (индекс отношения к рекламе составил 3,30) и сельские жители (3,28), менее – люди, проживающие в районных центрах (2,95). То есть место жительства оказывает определенное влияние на восприятие рекламы.

Значимой предпосылкой восприятия рекламы является и возраст: люди старше 60 лет негативнее воспринимают рекламу (2,82), нежели молодые люди в возрасте 21–29 лет (3,35). Это можно объяснить тем, что процесс социализации молодых людей проходил и проходит в совершенно других социальных, культурных и экономических условиях, чем у представителей старшего поколения. Респонденты в возрасте от 21 до 29 лет воспринимают рекламное многообразие как привычный и неотъемлемый компонент социаль-

Таблица 2
Восприятие населением рекламы белорусских товаров, %

Распределение по социально-демографическим характеристикам		Ваше отношение к рекламе белорусских товаров, %					
		Положительное	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Отрицательное	Нейтральное	Затрудняюсь ответить
Общее		28,9	33,0	14,6	9,0	13,5	1,0
Город		27,8	33,8	15,4	8,9	12,9	1,2
Район		22,3	36,1	17,2	6,4	17,2	0,8
Село		39,1	27,4	9,6	12,2	10,7	1,0
Мужчины		26,6	30,7	16,3	11,5	13,8	1,1
Женщины		31,0	35,1	13,0	6,5	13,2	1,2
Возраст	До 20 лет	31,1	30,5	21,3	6,1	10,4	0,6
	21-29	23,4	35,9	16,3	8,7	15,7	0,0
	30-39	34,4	29,4	12,3	7,4	14,7	1,8
	40-49	29,6	30,8	13,0	10,7	13,6	2,3
	50-59	32,1	35,1	11,9	10,4	9,0	1,5
	Старше 60 лет	20,0	38,9	10,0	12,2	18,9	0,0

ной реальности. Как показало проведенное исследование, типичный портрет толерантного потребителя рекламы складывается из следующих характеристик – это молодая женщина в возрасте от 21 до 29 лет, проживающая в крупном городе.

Реклама как способ научения может заложить в человеке как потребителе важную направляющую – патриотическую компоненту. Под *патриотическим потребительским поведением* автор понимает такое поведение, при котором потребитель при выборе двух равнозначных товаров отдает приоритет тому, который произведен на отечественном предприятии. Для уточнения степени распространенности «белорусского патриотизма» был задан вопрос относительно отношения респондентов к рекламе белорусских товаров (табл. 2).

Более лояльно к рекламе белорусских товаров отнеслись сельские жители, средняя оценка которых равна 3,72 балла, затем следуют жители крупных городов (3,56 баллов), и в

конце – население районных центров, оценившее свое отношение к рекламе белорусских товаров на 3,51 балла. Кроме того, наблюдаются различия в восприятии подобной рекламы среди мужчин и женщин: средняя оценка респондентов женского пола выше аналогичной оценки респондентов-мужчин. Люди среднего возраста (30-39 лет) более восприимчивы к рекламе отечественных товаров, чем пенсионеры. Это можно объяснить тем, что для пожилых людей характерно определенное недоверие и критичность по отношению к рекламе в целом. Тем самым вырисовывается портрет потребителя, ориентированного на приобретение отечественных товаров, и продуманное, грамотное рекламное воздействие на которого будет способствовать росту объемов реализации белорусской продукции внутри страны: это женщина в возрасте 30-39 лет, которая проживает в сельской местности.

Распределение ответов на вопрос касательно отношения населения не-

посредственно к рекламе белорусских товаров позволяет рассчитать показатель «эластичности отношения» населения к рекламе белорусских товаров. В данном случае *эластичность отношения* мы определяем как степень изменения средних оценок, которая возникает при переходе от базового класса явлений к подклассу путем введения атрибутивной характеристики. Базовый класс явлений – рекламные послания в целом, подкласс – реклама белорусских товаров (атрибутивная характеристика – «белорусские»).

Проведенное исследование показало, что население более позитивно относится к рекламе отечественных товаров по сравнению с рекламой вообще – на это указывает средний прирост положительных оценок почти на 12%. Несмотря на сравнительно низкое восприятие рекламы жителями районных центров, у них мы наблюдаем самое эластичное отношение, по сравнению с сельской местностью и городом (+19,0%, +13,3% и +8,1% соответственно). То есть городское население в целом лояльнее настроено по отношению к рекламе, что, в свою очередь, можно связать с тем фактом, что городского жителя реклама окружает повсюду: на улице, в общественном транспорте, дома, и даже на работе и посредством этого люди привыкают к ней и воспринимают как обыденность. Однако именно жители районных центров и сельских населенных пунктов обеспечивают наибольший прирост положительных оценок. Этот позитивный сдвиг позволяет сделать вывод о том, что в экономическом сознании белорусского общества в целом уже сформировано положительное восприятие отечественных производителей и их продукции. В русле дальнейшего повышения конкурентоспособности бело-

русской экономики стратегически важно содействовать формированию и дальнейшему распространению лояльного восприятия рекламы белорусских товаров, которое может найти свое непосредственное отражение в поведении белорусских потребителей и способствовать укреплению позиций отечественных производителей на внутреннем рынке.

Восприятие рекламы, в свою очередь, находит реальное, деятельностное воплощение в экономическом, а точнее в потребительском поведении населения; по сути, реклама должна закреплять и направлять экономическое поведение потребителя. Социологические данные, полученные Могилевским институтом региональных социально-политических исследований, позволяют зафиксировать разность восприятия рекламы в зависимости от социально-демографических характеристик, и особенно по территориальному и возрастному признакам. Средства массовой информации, в частности реклама, транслируемая посредством СМИ, на сегодняшний день во многом задают направление развития образа мышления именно молодого поколения. В связи с этим в Могилевском регионе Беларуси автором в декабре 2011 года было проведено социологическое исследование, в ходе которого были изучены особенности потребительского поведения молодежи и влияние рекламы на формирование и реализацию данного поведения. Результаты данного исследования показали, что, несмотря на выявленное повсеместно более позитивное отношение к рекламе белорусских товаров по сравнению с рекламой в целом, не наблюдается столь же однозначной положительной динамики в отношении белорусских производителей. *Индекс лояльности* населения к ним

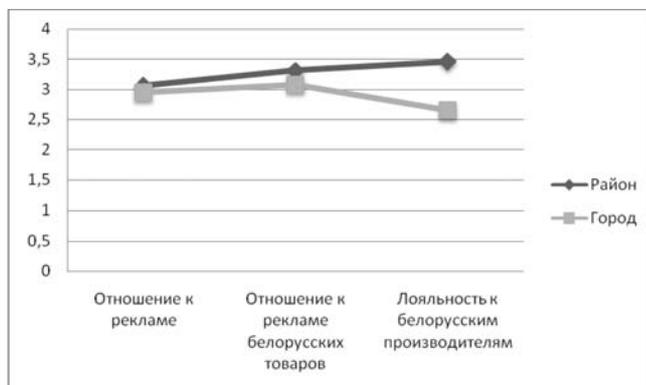

Рис. 1. Зависимость индексов отношения от территориального фактора (в идентичной размерности диапазона вариации значений индексов)

был рассчитан на основе распределения ответов на вопрос: «Чтобы поддержать отечественных производителей, лично Вы согласились бы отказаться от импортных товаров или хотя бы минимизировать их покупку в пользу товаров-заменителей белорусского производства?». Диапазон вариаций значений индекса: от 1 до 5, где 1 – это абсолютно не лояльное, а 5 – безусловно лояльное отношение к белорусским производителям. Расчетные значения данного индекса по району составил 3,46, а по областному городу – 2,65 (рис. 1).

Парадоксальность ситуации состоит в том, что как потенциальные возможности, так и реальные механизмы интенсивного воздействия на потребительское поведение жителей крупного города не только не обеспечивают устойчивого воспроизводства патриотического вектора в поведении потребителей, но и, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, обуславливают обратный эффект. Этот эффект выражается в сравнительно более низких значениях показателя лояльности по отношению к отечественным производителям, которые были получены в крупном городе по срав-

нению с районными центрами. И это несмотря на то, что в крупном городе существует более высокая информационная плотность (частота, встречаемость) рекламных посланий и по традиционной маркетинговой логике должна наблюдаться прямая зависимость между количеством и весомостью воздействия рекламы. В част-

ности, об этом говорит М. Нейплез (Mike Naples), демонстрирующий S-образную кривую реакции на рекламу. То есть, по его мнению, люди слабо реагируют на рекламу после первого и второго предъявлений, и только после третьего раза появляется какая-то реакция на нее [2, 39].

В заключение стоит отметить, что при помощи рекламы можно умело управлять экономическим поведением потребителей, в частности формировать патриотический вектор потребительского поведения. Для того чтобы повысить эффективность рекламы белорусских товаров надо руководствоваться следующими принципами, сформулированными по итогам описанных выше социологических исследований. Во-первых, это ориентированность на молодежь. Так как она в своем большинстве позитивно воспринимает рекламу, что связано, в первую очередь с тем, что процесс социализации молодых людей происходил уже в совершенно других условиях, нежели у старшего поколения. Во-вторых, перераспределение расходов при медиапланировании, отдавая приоритет затратам на разработку, создание рекламы, с целью повышения качества самого рекламного продукта.

В-третьих, использование дифференцированного регионального подхода при конструировании и размещении рекламы. Применение данных принципов позволит развить в потребительском поведении населения Беларуси патриотическую направленность и тем самым обеспечить социально-культурный и экономический эффекты в системе отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг.

Литература

1. Лебедев-Любимов, А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов. – 2-3 изд. – СПб.: Питер, 2008. – 384 с.: ил.

2. Плесси, Э. Психология рекламного влияния. Как эффективно воздействовать на потребителя / Э. Плесси / Пер. с англ. под. ред. Л. Богомоловой. – СПб.: Питер, 2007. – 272 с: ил .

3. Титова, Ю.М. Рекламное стимулирование «потребительского патриотизма» / Ю.М. Титова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2010. - № 2 (38). – С. 45-52.

Ссылки:

1 Автор статьи – участник данного научного проекта.

Традиционные формы религии в Северной Осетии–Алании

Цогоева Ф.Б.

В статье на материалах этносоциологического исследования, проведенного в марте 2011 года рассмотрены некоторые аспекты влияния традиционных форм религии на формирование толерантного мировоззрения граждан РСО-А на современном этапе модернизационного развития северокавказского региона, являющегося полиэтничным и поликонфессиональным, где представлены все мировые религии и доминирующими конфессиями продолжают оставаться христианство и ислам.

Ключевые слова: конфессии, религия и религиозные объединения, этнос, модернизация, христианство, ислам, традиционные религии, религиозная самоидентификация, толерантность, толерантное мировоззрение, сепаратизм, радикализм.

Tsogoeva F.B.

Traditional forms of religion in North Ossetia-Alania
The article on the materials ethnosociological survey conducted in March 2011 addressed some aspects of the influence of traditional forms of religion in the formation of a tolerant world citizens of North Ossetia at the present stage of the modernization of the North Caucasus region, which is a multi-ethnic and multi-confessional, where all the world religions and denominations dominant continue to Christianity and Islam.

Key words: confessions, religion and religious groups, ethnicity, modernization, Christianity, Islam, traditional religion, religious identity, tolerance, tolerant outlook, separatism, radicalism.

В сложной структуре межрелигиозных и межконфессиональных отношений в современном российском обществе наиболее существенное, причем возрастающее значение, имеют государственно-конфессиональные отношения, в основе которых лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех институциональных субъектов этих отношений, главными из которых, с одной стороны, являются религиозные объединения во всем их многообразии, с другой стороны, государство в лице специальных органов, уполномоченных законом в той или иной мере оказывать на них регулятивное воздействие. Отношения государства и религиозных объединений, регулируемые правовыми нормами, приобретают особую актуальность при разработке стратегии национальной безопасности. Несовершенство законодательства в этой сфере и недооценка таких взаимоотношений приводят к национализму, религиозному экстремизму, терроризму, а вместе с тем и к связанным с этим факторам – легализации незаконных доходов, наркомафии, тор-

говле оружием и другим негативным последствиям.

Кардинальные перемены, произошедшие в общественно-политической жизни России в 90-е гг. XX - начале XXI вв., затронули не только государственное и политическое устройство страны, но и существенным образом трансформировали сферу государственно-конфессиональных отношений. «Религиозное возрождение» в СССР во второй половине 1980-х гг. начиналось с осознания обществом необходимости снятия ранее существовавших неправомерных ограничений на деятельность религиозных объединений. Несколько позже к заметно активизировавшейся после празднования 1000-летия христианства на Руси деятельности Церквей и деноминаций добавились, с одной стороны, стремление властных структур заручиться поддержкой религиозных объединений для проведения социальных, экономических и политических реформ в стране, а с другой стороны, «встречное движение»: стремление отдельных религиозных объединений к более активному участию в политике и в различных областях общественной жизни.

Наращение отмеченных выше процессов в немалой степени обуславливалось также очень популярной в период горбачевской «перестройки» идеей, согласно которой привнесение в жизнь россиян религии в ближайшей перспективе положительно отразится на их морали, позволит устранить социальную напряженность в обществе, улучшить взаимоотношения между различными политическими группами. Для этого попросту необходимо осуществить так называемое «воцерковление» россиян, т.е. обращение их к религии, прежде всего, к православию.

Минуло более десяти лет с того момента, как в Российской Федера-

ции начался процесс демократизации в сфере свободы совести; значительное количество культовых зданий и имущества за эти годы возвращено религиозным центрам и верующим; религиозные объединения получили возможность широкого участия в общественной жизни. Все это отразилось на характере государственно-конфессиональных отношений: они стали существенной частью отношений государства с формирующимся гражданским обществом. От их состояния во многом зависит, установится или нет диалог между обществом и государственными институтами, следовательно, гражданский мир и согласие.

Вместе с тем негативные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, связанные с наблюдаемыми сегодня феноменами политизации религии и клерикализации отдельных государственных институтов и сфер, требуют адекватного ответа на вопрос, в какой мере эти процессы отвечают современным мировым тенденциям и демократическим нормам.

Северный Кавказ – регион полиэтничный и поликонфессиональный, здесь представлены все мировые религии, где доминирующими конфессиями продолжают оставаться ислам и христианство. Здесь проживает более 50 народностей, отличающихся друг от друга не только языком, но и культурой, менталитетом. Среди 7 северокавказских республик христианство доминирует только в одной Северной Осетии, в остальных республиках доминирующей конфессией является ислам.

В РСО-Алания, по данным Управления Федеральной регистрационной службы по Республике Северная Осетия – Алания на 30.12.2011 г. зарегистрировано 82 религиозных объединения различного толка, из

которых 26 православных, 15 – исламских, 4 – «Свидетели Иеговы», 8 – баптистских, 4 – христиане веры евангельской (ХВЕ), 9 – христиане веры евангельской (пятидесятники), 2 – католических, 2 – традиционных верований осетин (ассов) и другие. Активной гражданской позицией среди религиозных организаций отличаются самые крупные организации в республике – Русская православная церковь и Духовное управление мусульман Северной Осетии.

Характерной особенностью Северной Осетии является поликонфессиональность единого народа – осетин. Если славянские народы, армяне и грузины относят себя только к христианской конфессии; ингуши, чеченцы, кумыки и азербайджанцы – к исламу; то осетины относят себя к 3 конфессиям: христианству, исламу и традиционной религии.

В постсоветский период Республика Северная Осетия-Алания, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические перемены, которые затронули и религиозную сферу, оказали существенное влияние на систему взаимоотношений «личность-общество-государство». Процесс религиозного возрождения в республике идет параллельно с ростом самосознания этнонациональных групп населения, поэтому становится актуальным вопрос об этноконфессиональной идентичности граждан. Недооценка органами власти роли религиозного фактора в данной сфере, несвоевременное реагирование на трансформацию этнополитической и этносоциальной ситуации усиливает конфликтность этноконфессиональных отношений в республике.

Новая религиозная ситуация, сложившаяся в регионе к настоящему времени, обусловлена ростом рели-

гиозности населения. Активизируя свою деятельность, религиозные объединения стремятся распространить влияние на все сферы общественной жизни, что вызывает неоднозначную реакцию общества и государства, привело к усилению конкуренции между конфессиями. Таким образом, сегодня религия и конфессиональные структуры превратились в существенный фактор общественно-политической жизни в республике. Активность, в том числе политическая деятельность религиозных организаций, особенно тех, которые охватывают своим влиянием десятки миллионов людей, обладают мощным и разветвленным пропагандистским аппаратом и имеют многовековой опыт воздействия на массы, не может не привлечь внимание учёных, политиков, общественных деятелей. Усиление сложности и проблемного характера современной религиозной и религиозно-политической ситуации объективно выдвигает на первый план задачу её познания.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также поиском оптимальных для РСО-Алания форм взаимоотношений между органами исполнительной власти и религиозными объединениями в целях реализации в обществе принципа свободы совести и вероисповедания. В связи с этим значимым становится анализ развития государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания.

В мае-июне 2011 года с целью изучения современного состояния государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания и выявления основных тенденций их дальнейшего развития, Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН при финансовой поддержке Министерства общественных и вне-

Таблица 1
Социально-демографическая, этноконфессиональная характеристика респондентов (в %)

Пол	Возраст		Образование		Национальность		Конфессиональная принадлежность		
	муж.	49,3	18-29 лет	21,2	Среднее и специальное	47,5	Осетины	51,1	Православные
								Мусульмане	13,2
жен.	50,7	30-49 лет	40,7	н/высшее, высшее	52,5	Русские	28,6	Трад. осет. религия	20,2
		50 лет и старше	38,1			Другой нац.	20,3	Нетрадиционные верования	6,0
								Атеисты	8,5

шних связей РСО-А было проведено этносоциологическое исследование на тему: «Государственно-конфессиональные отношения в Республике Северная Осетия-Алания: этносоциологический анализ».

Для достижения поставленной цели необходимо было выявить особенности исповедуемых населением республики традиционных форм религии, а также определить степень их влияния на формирование толерантного мировоззрения.

В рамках данного исследовательского проекта был проведен массовый и экспертный опросы. Массовый опрос был проведен в г. Владикавказ и 8 районах Республики Северная Осетия-Алания. Целесообразный объем выборки составил 1000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше (социально-демографическая, этноконфессиональная характеристика респондентов представлена в табл. 1). Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, то есть обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Для проведения опроса выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и этноконфессиональным признакам.

В экспертном опросе приняли участие 10 экспертов: политологи, юристы, журналисты, лидеры общественно-политических движений, представители исполнительной и законодательной властей. Подбор экспертов, основным критерием которого были компетентность и широкий кругозор, осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний.

Этноконфессиональная идентичность усиливается по мере роста национального самосознания, которое сопровождается зачастую повышением уровня межнациональной напряженности. Как показал анализ эмпирических данных, эта идентичность укрепляется независимо от мотивов в конфликтах этнических групп: от «национального возрождения» и «чистоты рядов» до конфликтов на социальной почве («коренизация» кадров или «захват» рабочих мест мигрантами у местного населения и т.д.). Конфессиональная идентификация в регионе повышается при увеличении уровня межнациональной напряженности, что приводит к еще большему дистанцированию от религиозной идентификации. Выявленная проблема напрямую связана с ущемлением прав какой-либо национальности, на-

циональной самобытности и риском уничтожения культурных традиций и обычаев этого народа.

Одним из главных факторов, формирующих и укрепляющих конфессиональную самоидентификацию в настоящее время, является ассимиляционный процесс коренных народов вследствие широкомасштабных миграционных потоков. И в то же время, например, осетины, при отнесении себя к православному вероисповеданию на первый план после вероучения ставят «принадлежность к культурно-историческому сообществу единомышленников».

Религиозная ситуация в РСО-А характеризуется с одной стороны резким ростом электората и влиянием религии на все стороны общественной жизни. Об этом свидетельствуют следующие факты: рост количества церквей и мечетей, открытие учебных заведений, увеличение количества служителей культа, рост религиозных организаций, политических партий с религиозной окраской; тысячи людей молодого возраста обучаются в мусульманских государствах, десятки тысяч ежегодно совершают паломничество к святым местам; увеличилось количество людей, соблюдающих религиозные обряды в быту.

С другой стороны, количественное возрождение религии не даёт заметного прогресса в нравственной, духовной жизни верующих, религия не стала консолидирующим верующих фактором, усилились разногласия среди духовенства и верующих, а среди мусульман они приняли крайне агрессивный характер, вылившийся в военные действия.

К расколу по национальному признаку в последнее время прибавился раскол верующих на разные течения. Это характерно не только для последователей ислама, но получи-

ло распространение и в христианской среде.

Подавляющая часть граждан РСО-А – это люди, придерживающиеся православной веры и последователи ислама. Мировоззренческая политика ислама ориентирована на коллективное поведение, что сильно сдерживает социальную активность мусульманской части населения, тогда как христианская постоянно занята выработкой мировоззренческой концепции личности. Христианство ориентирует людей на постоянные модернизационные процессы, ислам выступает как религия повседневной жизни, удерживающая от изменений «восстановление общинной (деревенской) идентичности в противоположность персональной или национальной идентичности»¹. Но если говорить утилитарно, т.е. с точки зрения выгоды, извлечения пользы в целом, то это цивилизационная проблема.

Тот случай, когда традиционные структуры и ценности способны создать индустриальный каркас и ценностно-мотивационную основу для осуществления успешной модернизации и способствовать мобилизации общества на решение задач глубокой социально-экономической трансформации, не был реализован, потому что далеко не все традиционные институты достаточно адаптивны и способны функционировать в условиях современности. К сожалению, политическая элита северокавказских республик упустила такой шанс. Они не переняли опыт тех стран, где социально-экономическая модернизация осуществлялась не вопреки и не вместо, а на основе традиционных ценностей и с использованием традиционных институтов и структур. Они переняли архаические формы правления и всячески поддерживают национально-культурные и обще-

ственные организации («Стыр Ныхас»), основанные на идеологии: «идеальные общества были в прошлом», и их надо развивать и поддерживать. В итоге систематическое нагнетание темы этнического превосходства привело к агрессивной политизированной этничности, этносепаратизму и межэтническим конфликтам. В результате на Северном Кавказе была создана почва для формирования этнического радикализма, когда политическая борьба за создание собственного национального государства переходит за границы легитимности и приобретает насильственные формы. Как правило, этнический радикализм базируется на религиозном радикализме. Стремление некоторых политиков использовать религию в собственных политических интересах приняло масштабный характер. Возрождение и усиление радикального ислама во многом были возможны после разрушения ментальности (кризис идентичности «гражданин СССР»). В итоге это привело северокавказское общество к архаике независимо от религиозной принадлежности. Одни народы начали возрождать казачество, другие – внедрять языческие культы, третьи – ислам. Поскольку не стало развитой экономики, где труд вознаграждается, вернулись к архаической системе ценностей (например, представление о «месте», отводимом женщине в мусульманском обществе, и т.п.). Налицо отсутствие идеологии, отвечающей основной массе граждан новой России после распада СССР, и неспособность бывшего советского общества самому выработать единое мнение и донести его для решения во властные структуры. Необходимо понять, что необходимо предпринять, чтобы вписаться в глобальную экономическую жизнь. Потеря нравственных ценностей предыдущих поколений при-

водит нынешних молодых людей к традиционным мусульманским и языческим ценностям – к религии, представители которой хотят реализовать стоящие перед ними задачи, вплоть до политических (создание собственного государства) и т.д. Молодые люди, не задумывающиеся о том, что с ними будет завтра, не несущие ответственность перед родителями, обществом, способны принять любую идеологию, в том числе реакционные религиозные верования. Моральное и социально-психологическое состояние общества после распада СССР определялось общим представлением о перспективе социума, общими ожиданиями, возможностью сохранения ценностного единства народа, стремлением к общению, выработкой идейных основ общества. Находясь в идеологическом вакууме в 90-х годах XX в., люди обратили свои взоры к религии как к социальному институту, включающему верование и практику, основанные на представлении о сакральном. Религия в постсоветский период стала механизмом по объединению людей с помощью общих символов ценностей и норм. Поражение РФ в первой чеченской войне (декабрь 1994 г.) и обострившиеся отношения между центром и регионами грозили разрушить формировавшиеся федеративные связи. Главной угрозой Федерации стал чеченский сепаратизм. Идеологический вакуум, образовавшийся в обществе, в определенной степени был заполнен распространением религиозных взглядов. В Северной Осетии христианских храмов всего 14, а православной веры придерживается около 80,0% населения.

Религия придает смысл человеческой жизни. Вера дает утешительное чувство того, что, несмотря на краткость земной жизни, служит высшей цели. Люди, чей дух укреплен ве-

Таблица 2
Соблюдаете ли Вы основные религиозные обряды? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	Национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	безусловно, да	16,4	18,4	11,8
2	скорее, да	36,8	39,6	34,1
3	скорее, нет	28,0	25,5	30,6
4	безусловно, нет	7,3	4,2	11,8
5	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	11,5	12,3	11,8

рой, менее склонны впасть в отчаяние от житейских проблем. Именно поэтому религиозные обряды касаются важнейших событий, в том числе рождения, брака и смерти.

Результаты исследования религиозных установок респондентов в зависимости от национальной принадлежности показали, что на вопрос: «Соблюдаете ли Вы основные религиозные обряды?», утвердительный ответ дали, преимущественно, респонденты-осетины (табл.2). Сравнительно невысокий процент у осетин РСО-А (18,4%).

Мнения экспертов на поставленный вопрос неоднозначны. Некоторые из них признаются, что не ориентируются в религиозных обрядах, но стараются их соблюдать, потому что так принято в том месте, где они проживают. Причем некоторые соблюдают и мусульманские, и православные обряды. Часть экспертов не могут назвать себя глубоко верующими, в каких-то ситуациях мысленно обращаются к Богу, ходят в церковь. Но есть и такие, кто считает себя верующим, старается соблюдать основные религиозные обряды, обязательно посещает воскресную службу.

Религиозность населения в большей степени зависит от социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. В целом по Северному Кавказу это соотношение составляет при-

мерно 4:1. Социально-демографические характеристики религиозности населения на данном этапе реформирования российского общества размыты. С 1983 г. не прослеживалась четкая зависимость уровня религиозности от возраста, социального положения, места жительства, образования и уровня дохода населения. Корреляции между социальными характеристиками респондентов и их религиозными взглядами носят далеко не линейный характер. В группах «неверующих» и «атеистов» чаще всего оказывается мужчина от 40 до 49 лет, инженерно-технический работник с очень низким уровнем материального дохода, проживающий в городе. В Северной Осетии - это женщина 30 - 39 лет с неполным средним и средним образованием из работников сельского хозяйства.

Социальное неравенство, являющееся характерной чертой современного российского общества больших групп людей приводит к возникновению маргинальных групп, вытесненных на периферию основного общества. В наше время в духовной жизни Библия и Коран как священные писания продолжают играть доминирующую роль во всех сферах общественного и духовного бытия христианского и мусульманского социума. Религиозные предписания по-прежнему определяют суть восприятия мира и модели поведения граждан. Нормы Библии и Корана в

Таблица 3
Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные		
			осетины	русские и русскоязычные
1	никогда не читал эти тексты	21,7	24,2	16,6
2	когда-то читал Библию (Коран)	37,1	38,8	38,2
3	иногда читаю Библию (Коран)	25,3	18,7	27,2
4	регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно	2,2	3,3	3,2
5	регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты	0,5	0,5	0,0
6	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	13,2	14,5	14,8

жизнедеятельности современного населения республики имеют важное регулирующее значение. Священные писания имеют три аспекта: мифологический, исторический, философско-эзотерический (тайный, предназначенный только для посвященных). Те, кто читает Библию (Коран) на бытовом, невежественном уровне, читают ее мифологическую сторону, понимают и воспринимают все буквально, просто воспринимают информацию. Есть чаша сознания, которая по мере наполнения становится больше, чем в нее вмещается. На Востоке говорят «расширение чаши сознания», а не получение информации. Читать Библию или Коран – это великий труд, и, как видно из материалов нашего опроса, совсем незначительная часть опрошенных их читает. В таблице 2. представлены результаты ответов респондентов на вопрос: «Читаете ли Вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения?» Как видим, регулярно подобную литературу почти никто не читает (всего 0,5% респондентов-осетин). Самый распространенный ответ среди респондентов – «когда-то читал Библию (Коран)» (37,1%)

По мнению экспертов, священные писания читают единицы. Вряд ли найдутся в республике глубоко убеж-

денные люди, которые от первой до последней страницы прочитали бы Коран или Библию. Даже если сами эксперты читают священные книги (Библию, Коран) и другую религиозную литературу, в которых содержатся основные религиозные догматы, для них они не являются предметом культа, истиной в последней инстанции. Они, скорее, доверяются историческим источникам, философским учениям.

Подводя итог, можно отметить, что подавляющее большинство респондентов не читают Библию (Коран), т.е. и речи не может быть о глубокой религиозности жителей республики. Верующие соблюдают лишь внешнюю сторону, так сказать, атрибутику вероисповедания. То, что респонденты посещают церковь (мечеть), больше свидетельствует о том, что они солидарны со своей этнической группой.

Почти четверть респондентов коренного населения не знакомы со священными книгами. Здесь почти каждый второй русский и русскоязычный респондент-мужчина когда-то читал Библию (Коран), сравнительно высокую осведомленность продемонстрировали и женщины-осетинки (40,8%). Надо отметить, что среди респондентов вариант «никогда не читал эти тексты» отме-

чался чаще респондентами возрастной категории старше 35 лет.

Рассуждая о влиянии различных религиозных конфессий на развитие общества, один из экспертов дал следующий комментарий: Религия-опиум для народа... И она всегда будет иметь влияние на человека. Относительно развития различных религиозных конфессий, то они не всегда оказывают положительное влияние на человека. Кому-то религиозные конфессии помогают обрести смысл жизни, познать себя, раскрыть свой внутренний мир, а для кого-то, наоборот, могут оказать пагубное влияние, происходит столкновение интересов, возникают конфликты, зачастую они носят латентный характер, но бывают и случаи не с самым лучшим исходом: армяно-азербайджанский, российско-чеченский, осетино-ингушский конфликты нередко трактовались как конфликт христиан и мусульман. Наличие религиозной мотивации в этих конфликтах очевидно. Но очевидно также преобладание этнических лозунгов над целью борьбы за веру. Даже наиболее известные теракты чеченских сепаратистов (Буденновск, Кизляр, Норд-Ост) проходили не столько под зеленым знаменем пророка, сколько под лозунгом независимости Ичкерии. В ходе периодического обострения латентных межэтнических конфликтов друг против друга выступали представители различных этносов, исповедующих ислам.

В Северной Осетии считают, что свободная и неограниченная проповедь религиозных учений (миссионерская деятельность) помогает сближению всех народов. Однако значительная часть респондентов полагает, что необходимо ограничивать эту деятельность: «каждая религия должна проповедоваться только там, где она традиционно существует» (35,0%).

Анализируя ответы респондентов с православной идентичностью и исламской идентичностью по показателям «миссионерства», «консерватизма» и «экуменизма», можно отметить: 1. Респонденты исламской ориентации последовательны в своем «демократизме». В два раза больше приверженцев ислама, чем православия, считают, что «всем религиям надо открыть доступ к любым национальностям» и «свободная и неограниченная проповедь религиозных учений помогает сближению всех народов». И, наоборот, в два раза меньше респондентов среди мусульман, считающих, что каждая религия должна проповедоваться только там, где она существует. 2. Закономерно, что от 50% до 80% среди православных респондентов согласны с утверждением, что «необходимо содействовать объединению всех христианских церквей и организаций для сохранения христианских ценностей в современном мире и российском обществе». Любопытно, что этот экуменический тезис поддерживают и 27,3% мусульман РСО-А отмечается религиозная толерантность к православным верующим и их социальным институтам.

По мнению значительной части опрошенных (64,7%) преимущественно в возрасте старше 35 лет, в будущем значение религии в жизни людей будет расти (табл.4).

По оценкам некоторых экспертов роль религии в жизни граждан нашей республики, безусловно, со временем будет расти и укрепляться. Церковные праздники становятся более значимыми и отмечаются все шире, дольше и это нравится народу, они находят отдушину в общении друг с другом на таких праздниках, набираются сил, находят утешение, успокоение и т.д. открываются православ-

Таблица 4
В будущем значение религии в жизни людей будет расти или уменьшаться? (в %)

	Все опро- шенные		Пол		Возраст		Нац-ть		Тип населенного пункта	
	Час- тота	%	Муж.	Жен.	До 35 лет	Ст.35 лет	Осе- тины	Др. нац-ть	Город	Село
Безусловно, будет расти	20	13,3	14,7	12,0	22,0	9,0	13,2	13,8	10,0	20,0
Скорее, будет расти	97	64,7	66,7	62,7	50,0	72,0	66,1	58,6	67,0	60,0
Скорее, будет уменьшаться	16	10,7	9,3	12,0	12,0	10,0	12,4	3,4	13,0	6,0
Безусловно, будет уменьшаться	4	2,7	1,3	4,0	4,0	2,0	1,7	6,9	2,0	4,0
затрудняюсь ответить, отказ от ответа	13	8,7	8,0	9,3	12,0	7,0	6,6	17,2	8,0	10,0

ные и мусульманские школы и поэто-
му новое поколение детей будут хо-
дить в эти школы и в их сознание бу-
дут внедряться ценности религии. В
нашей республике народ не замеча-
ет никакого прогресса в развитии
экономики, нравственности и многих
других сферах жизни, нет видения
справедливости в обществе, демок-
ратия граничит с вседозволенностью
и носит формальную основу. Тат как
люди политически не организованы
и не активны, часто не остается ника-
кой возможности, кроме как найти
успокоение и понимание в религиоз-
ной сфере. И таким образом многие
пытаются обозначить свой протест
сложившемуся укладу жизни. За пос-
ледние 15 лет, уровень религиозно-
го населения возрос. Строятся новые
храмы, церкви, мечети. Увеличива-
ется численность граждан, которые
соблюдают основные христианские
религиозные обряды: крещение, по-
сты, пасха и др. и это, безусловно,
положительное явление. Сейчас мы
видим, что религия очень востребо-
вана населением. Это похоже на те-
чение реки, если перегородить рус-
ло и воду не направить куда-то в дру-
гое место, то оно через некоторое
время соберется и прорвет платину.
Это приведет к большим неприятно-

стям для населения. С религией дело
обстоит так же. Мы перегородили
религиозное мировоззрение для
людей в годы Советской власти, в то
время как религия для людей явля-
ется основным духовным питанием.

Итак, главная роль религии, счи-
тают респонденты, в сохранении тра-
диций и национальной культуры, в
воспитании нравственных позиций.
Придается большое значение и ком-
пенсаторной функции религии: пси-
хологической и духовной. В группах
верующих положительные функции
религии отметило подавляющее
большинство. Роль церкви как соци-
альной организации в обществе
продолжает оставаться весомой:
более половины респондентов счи-
тают, что авторитет РПЦ в последнее
время растет в российском обще-
стве. До трети населения оценивают
рост религии в положительном пла-
не, «если церковь или другие рели-
гиозные организации влияют на го-
сударственные решения». Тем не ме-
нее, к полной «клерикализации» го-
сударства население республики не
готово. Более трети религиозного
населения поддерживают государ-
ственную политику по отношению к
религиозным институтам. Доверие к
церкви, как социальному институту,

продолжает оставаться высоким. По сравнению с другими общественными структурами церковь занимает лидирующее положение не менее двадцати лет.

Анализируя социологические данные, характеризующие соотношение уровня и степени религиозности населения регионов Российской Федерации необходимо признать: несмотря на то, что общая численность религиозного населения за последние 5 лет выросла незначительно (только в регионах с высокими показателями межэтнических конфликтов), идет постепенное нарастание степени религиозности населения за счет увеличения доли «воцерковленных». Десекуляризацию общества можно фиксировать, прежде всего, при активизации религиозной жизни, доминировании религиозного населения, в условиях тенденций клерикализации общественных и государственных отношений, прозелитической деятельности ряда конфессий и религиозных организаций.

Таким образом, исторически традиционные конфессии в массовом сознании занимают место культуuroобразующей составляющей в общей системе ценностей духовной жизни народа. Активизация конфессиональной идентичности может быть связана не только с признаками «пробуждающейся» религиозности, а с признаками политической солидарности, стимулированные процессом социально-экономических трансформаций.

Можно утверждать, что особенность религиозной идентичности в том, что идентификация субъекта в отношении религии идет в двух плоскостях: на уровне мировоззренческом (вероисповедания, то есть «религиозной веры и неверия») и на уровне конфессиональном. Конфессиональная идентификация субъекта - сложный, многомерный тип со-

циальной идентичности, так как включает в себя с необходимостью не менее четырех маркеров: религиозный, исторический, культурологический и этнический. В зависимости от региональных особенностей, этнической принадлежности и т.д., на первый план в конфессиональной самоидентификации может выйти любая из указанных составляющих.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Постсоветские нации. М., 1999.
2. Дзеранов Т.Е. Религия осетин и русская культура. Владикавказ, 2006.
3. Дзуцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия. Журнал «Социс», М., Наука, 2011 г. №8.
4. Дзуцев Х.В. Религиозные и межнациональные установки населения республик СКФО РФ: этносоциологический анализ. М., 2010. Книга 4.
5. Дробижева Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. Киев, 2007.
6. Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). – М., 2002.
7. Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007.
8. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Под общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2009.
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., Культурная революция, 2008.
10. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

Ссылки:

- 1 В.Г. Федотова. «Хорошее общество». М., 2005., с. 300

Электоральный портрет Северной Осетии

Дзутцев Х.В.

В статье рассматриваются материалы массовых опросов по электоральному поведению РСО–А СКФО РФ, а также материалы экспертного опроса об отложенных ожиданиях, связанных с предстоящими выборами Президента РФ.

Ключевые слова: электоральное поведение, сепаратизм, национализм, этносоциальные конфликты, государственная система образования, манипуляция общественным сознанием, идентичность, гражданственность, государственная служба, деградация, конституционный порядок, гражданское общество.

Dzutsev Kh.V.

Portrait of North Ossetia

The article deals with the materials of mass surveys of electoral behavior of North Ossetia-Alania North Caucasus Federal District of Russia, as well as materials expert survey of the deferred expectations related to the upcoming presidential elections in Russia.

Key words: electoral behavior, separatism, nationalism, ethno-social conflicts, the state education system, manipulation of public consciousness, identity, citizenship, public service, the degradation, the constitutional order and civil society.

В феврале 2012 года с целью изучения общественного мнения населения РСО–А о предстоящих 4 марта выборах Президента РФ, а также определения степени выборной активности и политических предпочтений населения республики Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, а также отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева было проведено мониторинговое исследование, в рамках которого проведены массовый и экспертный опросы населения РСО–А. Всего в опросе приняли участие 1620 респондентов и 15 экспертов, в число которых вошли журналисты, политологи, социологи, государственные чиновники, ученые, военнослужащие, специалисты в области промышленного и сельскохозяйственного производства, юристы, представители общественных и политических движений.

Массовый опрос проводился в три этапа (6–7, 12–13 и 20–21 февраля), в каждом опросе объем выборки составлял 540 человек. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

Первой задачей исследования было определение степени готовности населения принять участие в предстоящих в марте выборах Президента РФ (табл. 1). Более 70% населения республики намерены 4 марта 2012 г. участвовать в президентских выборах, что свидетельствует о политической активности и высоком уровне политизированности общества. Это обосновано, вероятнее всего, комплексом накопившихся социальных проблем, связанных с отсутствием личной безопасности граждан, низким уровнем жизни, деградирующей системой здравоохранения и образования, разрушающейся жилищно-коммунальной системой, отсутствием рабочих мест, высоким уровнем коррупции чиновничьего аппарата и т.д.

При довольно высокой доле населения, планирующего участвовать в выборах, весомая и устойчивая часть (22,0–25,5%) отказывается от своего права голоса на этих выборах.

Большая часть населения (56%) поддерживает кандидатуру нынешнего Председателя Правительства РФ Владимира Путина (табл. 2). На втором месте Г.А. Зюганов – кандидат от Коммунистической партии РФ. Отчасти высокий рейтинг Зюганова связан с протестными настроениями. Но главное – грамотная предвыборная кампания и активная работа региональных отделений партии (в отличие от других партий, выдвинувших своих кандидатов).

Самая большая интрига современных выборов – постоянно растущий рейтинг независимого кандидата в Президенты РФ М.Д. Прохорова. Малоизвестный в политическом

Таблица 1
Планируете ли вы принять участие в выборах президента РФ 4 марта 2012 г.?

	6,7 февраля 2012 г. %	12,13 февраля 2012 г. %	20,21 февраля 2012 г. %
Да	71,4	71,7	70,7
Нет	25,5	22,0	23,9
Затрудняюсь ответить	3,1	6,3	5,4

Таблица 2
Кому вы отдадите свой голос на выборах 4 марта 2012 г.? (закрытый вопрос, один ответ)

	6,7 февраля 2012 г. %	12,13 февраля 2012 г. %	20,21 февраля 2012 г. %
Путин В.В.	55,6	55,3	55,7
Зюганов Г.А.	24,0	23,0	21,1
Жириновский В.В.	1,5	4,9	2,9
Миронов С.М.	5,7	5,2	6,5
Прохоров М.Д.	13,2	11,6	13,8

мире кандидат сориентировал свою программу на интересы молодежи, что обеспечило ему третье место в рейтинге и победу над такими крупными политическими фигурами, как В.В. Жириновский и С.М.Миронов.

Высокий показатель рейтинга В. Путина свидетельствует о том, что у значительной части граждан республики отложенные ожидания¹, и они верят в его способность поддержать такой порядок, который обеспечивал бы эффективное функционирование экономики страны, развитие государственной системы образования, систем исследовательских центров по приоритетным направлениям, государственных стандартов в различных сферах хозяйственно-экономической деятельности. Люди «включили» здравый смысл, и многие из тех, кто выходит на митинги против Путина, выходят не с целью его свержения. Они хотят обратить внимание на определенные проблемы.

Безусловно, самой первой задачей, которая будет стоять перед пре-

зидентом и его окружением – это наведение конституционного порядка на всей территории Российской Федерации. Президент должен быть гарантом соблюдения Конституции, но на самом деле таковым не является, и уже поэтому к нему можно предъявить огромные претензии. Во-вторых, он должен будет принять экстренные меры для соблюдения законности, чтобы Уголовный кодекс, все правовые документы муниципального уровня и выше, которые приняты в нашей стране, выполнялись. Это даже выше, чем экономика, образование, выше всего. Потому что неисполнение закона – это развал всей системы управления страной. Самое священное в государстве, уверены эксперты – это выполнение законов. На территории нашей республики и страны в целом абсолютно нет законности. Конституция – это главный закон, который никому нельзя нарушать. Поэтому наведение законности и порядка в соответствии с Конституцией Российской Федерации – это первая большая работа Президента РФ и его администрации.

Общество также ждет от лидера создания необходимых социально-экономических и политических проектов, принимающих во внимание интересы всего российского общества. И самое главное, народ ждет от главы государства, который сосредоточивает в своих руках огромную власть, того, что все его личные обязанности, в т.ч. перед близкими и друзьями, должны уйти в сторону, и остаться только одна обязанность и долг перед своим народом. Так, например, Петр I пожертвовал семьей ради будущего страны. Мало кто на это способен. Если человек не способен на самопожертвование, идти в президенты ради своих близких – это полный провал в политике и потеря личности.

По всей видимости, в современной российской политической культуре надо отказаться от системы, когда поставленное во главе республики, области, края лицо рано или поздно переключается на реализацию своих собственных интересов, забывая о своей миссии руководителя и своей функции проводника центральной власти. По мнению наших экспертов – чиновников среднего звена в системе государственного управления республики, руководители тех или иных рангов только на 10% реализовывают указания Президента РФ, и то только те идеи, которые им импонируют лично или находятся в зоне их личных интересов.

Будущему президенту придется решать многие проблемы, в т.ч. недопущение дальнейшего укрупнения регионов. Такое укрупнение является лоббированием личных интересов некоторых политиков, исходящих из отраслевых или экономических соображений, и может стать началом русского сепаратизма. Сепаратизм русских территорий, озвучиваемый отдельными кандидатами в президенты, – крайне редкое в истории России явление. Укрупнение чревато этносоциальными конфликтами. России может грозить не только распад, но и борьба за территории внутри нее. Если экономические вопросы не будут решены, то есть не будет создана современная промышленность, тогда, конечно, всплывут на поверхность следующие вопросы, и главный – национальный вопрос. Наш экономический подъем напрямую связан с международными отношениями. Проблема Чечни должна была решаться не войной, а строительством заводов, чтобы люди начали работать.

В чем был принцип Российского государства, Советского Союза, царской России? И должен ли быть

принцип и сегодня? Он должен быть, как в Америке – идентичным по гражданству. Мы можем даже назвать себя русскими, как американцы называют себя американцами, французы – французами. Или «россиянами», если это слово больше объясняет разнообразие наших народов. Но проблема в том, что роль русских в создании политической, государственной идентичности по гражданству и слово «русский» в данном случае не являются выражением этноса. Проблема этноса в Советском Союзе не стояла так остро. А сейчас этническая проблема имеет место. Она состоит в том, что на исконно русских территориях поселяются другие народы в силу эмиграции или по другим причинам. Они более хозяйственные, у них рождается много детей, и постепенно поселок превращается уже не в русский поселок, а в какой-нибудь там киргизский в Саратовской области. Вот тут уже политика обучения русской культуре нужна. У русского народа высокая степень ассимиляции, он может ассимилировать других, но при этом остается русским. Все-таки этническое определение не только природное, оно прежде всего культурное. Мы теряем идентичность, если наша культура не перетекает в другие народы. Большая ответственность будет лежать на новоизбранном президенте в распространении культуры через систему государственных образований в формировании нации и национального сознания и самосознания с целью создания единой идентичности граждан РФ.

Сегодня численность чиновников достигает 14% от общей численности населения России (в Советском Союзе этот процент составлял 0,45). По убеждению экспертов, будущему президенту в первую очередь придется решать проблему чрезмерно

раздутого государственного аппарата, на содержание которого бюджет тратит львиную долю своих доходов. Эти деньги, по их мнению, можно было бы потратить на систему образования и здравоохранения, увеличив численность учителей, врачей и младшего медицинского персонала, чтобы в классе на одного учителя приходилось не 30–40 учеников, а 10–12, и чтобы на врача и младшего медицинского персонала – не 20 больных, а 10. Чтобы младший медицинский персонал наравне с хирургом (50/50) отвечал за послеоперационное выздоровление больного. Для сравнения: клерк, находящийся на государственной службе, получает 17000 рублей, а профессор университета – 15000, школьный учитель, врач, младший медицинский персонал – 3600–5000.

Президент должен будет официально объявить о независимости средств массовой информации на территории Российской Федерации, которые работают по Конституции Российской Федерации и в соответствии с действующим законом. На чиновника, посягающего на свободу СМИ, должна быть возложена уголовная ответственность. Мировая практика показывает, что без свободных средств массовой информации ни один город, ни одна страна эффективно развиваться не могут.

Власть должна отказаться от манипуляции общественным сознанием ради сохранения власти и не уходить от сути реальных проблем страны.

Таким образом, по материалам социологического исследования более 70,0% населения республики намерено 4 марта 2012 г. участвовать в президентских выборах, что свидетельствует о политической активности и высоком уровне политизированности общества. Более по-

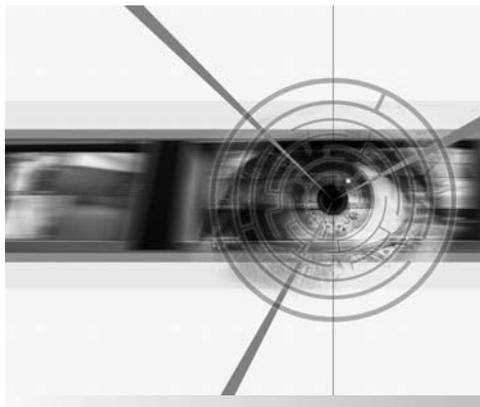

ловины опрошенных поддерживают кандидатуру нынешнего Председателя Правительства РФ Владимира Путина, что свидетельствует о том, что у значительной части граждан республики – отложенные ожидания, они верят в его способность поддержать такой порядок, который обеспечит бы эффективное функционирование экономики страны, развитие государственной системы образования, системы исследовательских центров по приоритетным направлениям, системы государственных стандартов в различных сферах хозяйственно-экономической деятельности.

Общество также ждет от лидера создания необходимых социально-экономических и политических проектов, принимающих во внимание интересы всего российского общества.

Ссылки:

1 Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005, с.139.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Социология Гельмута Шельского

Афанасьев В.В.

Широкую известность Гельмут Шельский (1912-1984) приобретает в 60-е годы, когда его книги становятся популярными в послевоенной Германии. Он создал Дортмундскую школу в немецкой социологии, которая противостояла Франкфуртской школе неомарксизма. Шельский был директором самого крупного в то время Центра социальных исследований в Дортмунде и стал основателем нового университета в Билефельде с единственным тогда в Европе социологическим факультетом. Позже, благодаря Никласу Луману, этот факультет становится одним из известных центров мировой социологической науки. Несмотря на эти заслуги, имя этого немецкого социолога остается еще малоизвестным в отечественной социологии.

Ключевые слова: Гельмут Шельский, немецкая социология, роль интеллигенции.

Afanasyev V.V.

Sociology of Helmut Schelsky

Widely known Helmut Schelsky (1912-1984) acquired in the 60s, when his books become popular in postwar Germany. He created a school of Dortmund in the German sociology, which opposed the neo-Marxist Frankfurt School. Schelsky was the director of the largest at the time of the Centre for Social Research in Dortmund and became the founder of a new university in Bielefeld with a single in Europe at the Faculty of Sociology. Later, thanks to Niklas Luhmann, the department became one of the world famous centers of social science. Despite these achievements, the name of the German sociologist, there is still little known in sociology.

Key words: Helmut Schelsky, German sociology, the role of intellectuals.

Гельмут Шельский (1912-1984)

учился в Кенигсберге и Лейпциге. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию под руководством известного антрополога Арнольда Гелена. В 1940 стал в Будапеште ассистентом Ханса Фрайера. С 1948 г. Шельский работает в Гамбургской академии коммунального хозяйства, где с 1953 г. становится ординарным профессором социологии.

Шельский написал много книг, оказавших заметное влияние на развитие послевоенной западногерманской социологии. Шельский внес важный вклад в развитие социологии как одаренный организатор науки. Он создал свою так называемую Дортмундскую школу, которая противостояла Франкфуртской школе неомарксизма и Кельнской школе Рене Кенига. Его многочисленные аспиранты сделали научную и политическую карьеру. С 1960 по 1969 г. Шельский занимал пост директора Центра социальных исследований в Дортмунде. Центр входил в структуру мюнстерского университета и на тот момент был самым крупным в Европе. Ему доверили создание нового университета в Билефельде с

единственным в Европе социологическим факультетом. Позже, благодаря Никласу Луману, этот факультет становится одним из известных центров мировой социологической науки.

Широкую известность Гельмут Шельский приобретает в 60-е годы. Тогда он пишет целый ряд работ, посвященных послевоенным проблемам немецкого общества. В книге *«Изменения в современной немецкой семье» (1953)*¹ Шельский исследовал проблему семей, пострадавших в результате войны. Здесь он приходит к выводу, что в результате войны структура семьи изменилась, внутренние ее связи ослабли, уменьшилась роль эротики. Возросла роль женщин, которые во время войны привыкли решать многие проблемы самостоятельно.

В своей работе *«Социология сексуальности» (1955)* предлагает активно обсуждать сексуальную проблематику с консервативных позиций: «После того как психоанализ стал активно обсуждаться в обществе, а статистика Кинси стала хитом продаж и несколько лет занимала ежедневные газеты, старое отношение к данной проблематике уходит в прошлое... Идеи о необходимости подавления сексуальных стремлений принадлежат к распространенным проповедям некоторых признанных духовных вождей и политиков, которые постоянно говорят о греховности людей и предлагают пути для борьбы с нею. И все-таки я считаю этот старомодный взгляд единственно правильным»².

В ставшей широко известной работе *«Скептическое поколение» (1957)* Шельский отмечает, что послевоенная молодежь является более критической и недоверчивой, у нее нет пафоса и крупных лозунгов³. Поражение в войне привело к утрате

молодежью политических ценностей, способствовало ее уходу в личные проблемы.

Постепенно нарастает разочарование Шельского в академической социологии. Он считал, что социология в ФРГ находится в состоянии духовного истощения. Шельский уходит из Билефельдского университета. Ральф Дарендорф писал: «В шестидесятые годы... Шельский начал видеть свое окружение и свое сословие, как сословие социологов, так и сословие интеллектуалов, в более блеклом свете»⁴.

В книге *«Одиночество и свобода» (1965)* Шельский обращается к проблеме университетского образования в послевоенной Германии. Скептически относясь к «фундаментальной реформе», будущее университета Шельский видит в необходимости изменения структуры высшей школы, в которой наряду с крупными академическими учреждениями массового образования должны существовать отдельные исследовательские «теоретические» университеты. Именно такой университет Шельский пытался создать в Билефельде, но не смог найти поддержки своим идеям в политических кругах. Все-таки ему удалось создать в Билефельде факультет социологии. Приглашение Никласа Лумана сделало Билефельд центром социологических инноваций на последующие десятилетия. Однако Шельский был разочарован крушением проекта создания элитарного университета, на месте которого возник обычный «массовый» университет.

В работе *«Определение места немецкой социологии» (1967)*⁵ Шельский отмечает дилетантизм, провинциальность немецкой социологии, где происходит замена дискуссий «перешептыванием отдельных лиц». Он считает эмпирическую социоло-

гию в ФРГ результатом американского влияния. Бурное развитие эмпирической социологии в Германии Шельский связывает с утратой немцев веры в идеологию. В результате чего немецкое общество не принимало ничего, хотя бы отдаленно напоминало идеологию. Конечная цель эмпирических исследований - использование социологических данных в области социальной политики и общественного планирования. Тяготение к эмпирической социологии было вызвано и скептическим настроением общества, что хорошо видно на примере молодежи. Этому не понимали ни прежние социологи, ни социологи, возвратившиеся из американской эмиграции, которые связывали широкую популярность эмпирической социологии в Западной Германии с тяготением послевоенных немцев к «американизму».

Дело в том, что частные эмпирические исследования не являются самодостаточными и быстро распадаются на предметные области - экономическую социологию, социологию семьи, аграрную социологию и т. д. Это хорошо видно на примере американской социологии, которой удалось добиться высокой точности эмпирических исследований, разработать новую методику и технику их проведения.

Шельский призывал немецкую социологию развивать социологические концепции 20-х - начала 30-х годов и выступал против ее американизации. Важным источником послевоенной западногерманской социологии, по его мнению, должны стать работы М. Шелера, Э. Баумгартена, А. Гелена, К. Лоренца, В. Мюльмана, Х. Плеснера, А. Портмана.

Главную особенность немецкой социологии Шельский видит в том, что она возникла из политической экономии и философии. Эта связь

прослеживается от гегелевской философии права, работ Карла Маркса и Лоренца фон Штейна до произведений Макса Вебера, Фердинанда Тенниса, Вернера Зомбарта и других немецких социологов, многих из которых относят сегодня к классикам социологической науки. Существовавший прежде симбиоз социологии, экономической науки и философии имел плодотворные результаты. Социология получила от экономической науки форму функциональной науки, а философия дала ей навыки социально-исторических и культурно-философских интерпретаций. Однако в середине XX века политическая экономия и философия перестали испытывать нужду в социологическом знании, что вынуждает социологию искать свой собственный путь развития.

Если бы немецкие социологи прекратили гоняться за «последним словом» американской социологии, то они смогли бы совокупными усилиями консолидировать в Германии вокруг проблем немецкого общества и развить социологическую теорию на основе старой социологической традиции. Только так можно преодолеть дилетантизм, возникающий в условиях разделения теоретической и эмпирической социологии.

По Шельскому, существуют две только социологии - американская и русская. Каждая из них представляет собой отражение определенной «исторической судьбы», причем судьба западногерманского общества, тождественна социальному развитию Америки. ФРГ стоит как бы на перепутье - пойти своей дорогой или стать европейской провинцией США. В этой ситуации немецкая социология, построенная по американскому образцу, может стать инструментом американизации и социального конформизма. По мнению Шельского, нем-

цам необходимо спорить с американской и российской социологией. Основной задачей немецкой социологии должно стать развитие теоретической социологии.

В отличие от проамерикански настроенных социологов, Шельский выдвигал на первый план не эмпирическую, а общесоциологическую проблематику. При этом он не боялся вступить в конфликт с молодыми немецкими социологами, которые на конгрессе 1956 года требовали расширения эмпирических исследований, более активной ассимиляции американской социологической теории, выступали против философии истории.

После 1968 г. социология превратилась в «науку протеста» и Шельский выступил против ее абсолютизации. Его критика интеллектуалов дошла до создания «антисоциологии». Социальные науки являются, по мнению Шельского, вотчиной интеллектуалов, борющихся за собственные привилегии и влияние на общественное мнение. Они являются фундаментом так называемой «контраристократии» в лице «носителей мнений и моралистов», среди которых много публицистов, художников, писателей, теологов, политологов и социологов.

В своей последней книге *«Работу делают другие. Классовая борьба и притязания интеллектуалов на роль духовенства» (1975)* Гельмут Шельский обращает внимание на важные тенденции развития современного немецкого общества. Шельский полагает, что в современном обществе исчезает традиционная вера и переплетение религиозной, социальной и частной жизни в «христианской общине». В результате образуются новые классы. Старое противостояние духовной и светской власти сегодня вылилось в борьбу «интеллек-

туалов» и «работников»⁶, которая оттеснила старое противостояние пролетариата и буржуазии.

Интеллектуалов Шельский сравнивает со старым духовенством, которое имело власть благодаря приданию «смыслов»⁷. Интеллектуалы сегодня уподобляются старой религиозной власти, но их религией является идеология Просвещения. Критическая идеология Просвещения была направлена против господства абсолютистского государства и христианской догмы. В ходе истории и то, и другое отступило, но критическая установка осталась⁸. Сегодняшние интеллектуалы являются наследникам идеологов Просвещения, которые боролись с клерикалами, а теперь сами претендуют на их место. «Новый клир» пытается утвердиться над «мирской» сферой, то есть над политической и хозяйственной жизнью общества.

Шельский считает, что вера в освобождение от тяжелых жизненных проблем и исполнение сокровенных желаний, несмотря на нужду, трудности и страдания является важной потребностью человека. Тот, кто в состоянии удовлетворить эту потребность, получает власть и может рассчитывать на покорность и подчинение⁹. Духовному вождю мало обещать спасение, надо чтобы люди остро ощущали нужду в спасении. Осознание такой нужды он должен постоянно внушать. Надо обострять нужду и горе в сознании людей, чем и занимается, сегодняшние интеллектуалы.

Шельский пытается доказать существование религиозной власти интеллектуалов как некоего «жреческого» слоя. Опираясь на теорию «праздного класса» Веблена, он считает, что этот новый класс устанавливает высшие ценности, определяет правила и социальные смыслы.

Шельский находит среди интеллектуалов преподавателей и учащихся, теологов и журналистов, организаторов досуга и деятелей искусства - всех тех, кого он называет «смыслопроизводителями». Они эксплуатируют производителей и подчиняют себе «промышленный класс» путем игнорирования трудовой этики и смещения престижа из сферы труда в сферу досуга.

Представители интеллигенции выполняют важные социальные функции, но они могут распространять свои субъективные оценки и даже заниматься враждебной обществу практикой. Они одновременно и полезны и опасны.

Шельский делит всех работников на «сверхпроизводительных» и «социально гарантированных», к которым относит прежде всего людей занятых в производстве материальных благ. Рабочие выполняют простые операции и включены в систему социальных гарантий. Их спокойная жизнь возможна благодаря тем, кто вынужден «перерабатывать», то есть руководителям и специалистам, для которых характерны не только более высокие доходы, но большая самостоятельность во взглядах.

Рабочие стремятся к социальным гарантиям на случай болезни, нужды, кризисов, и здесь они попадают под влияние тех, кто манипулирует потреблением, организует их досуг, лечение, учебу и развлечения, то есть «сверхпроизводителей».

Таким образом, по Шельскому, субъектом современного господства являются интеллектуалы, «сверхпроизводящие» работники, а объектом - работники, труд которых строго регламентирован существующим трудовым законодательством. Новыми же формами социального господства являются обучение, опека и планирование.

Стабильность социальных институтов зависит от того, удастся ли совместить удовлетворение потребностей людей со способностью институтов мотивировать поведение, необходимое для их функционирования. Институты взаимно разгружают друг друга: базовые институты удовлетворяют только базовые, а высшие - только «выведенные» потребности. Институт в его совершенной форме заставляет человека действовать инстинктивно, избавляет от необходимости планировать свои действия.

Интеллектуал через свою субъективность и критическую рефлексию наносит урон социальным институтам. В этом Шельский видит источник будущих социальных конфликтов. Стабильности социальных институтов наносит ущерб критическая субъективность. Антиинституциональное поведение не только мешает существующим социальным институтам, но и не создает новые социальные институты.

Интеллектуалы способны уничтожить основы существования любого общества, поскольку эта «элита рефлексии» стремится монополизировать рациональность и выдает свое знание за единственно верное¹⁰. Шельский ставит вопрос: существует ли еще в современном обществе инстанция, которая была бы компетентна «мыслить всеобщее». Это должны быть люди, не только не ограниченные узкими профессиональными и групповым интересом. Раньше такими считались работники государственного аппарата. Либеральное государство в Германии, пишет Шельский, возникло благодаря образованным чиновникам: «Этот слой „слуг государства“ жил идеей служения, которая налагала на них такие же обязательства по отношению к объективности, как и по отношению к основанной на автономии совести

идеалистической нравственности»¹¹. Но в современной ФРГ нет «главного города», нет «главной земли», нет «первого лица» в государстве. ФРГ превратилась в общество без верхушки и центра.

Сегодня появилась традиция считать центром мысли общественное мнение, широкую общественность и «свободно парящую» интеллигенцию. Кризис образования, которое неспособно соединить передачу функциональных знаний с нравственным воспитанием, как и кризис университета, который стал центром преимущественно гуманитарных специальностей, привели к тому, что многие отказались от обязанностей «слуг», которые должны нейтрально относиться к различного рода партиям, ставя на первое место общие государственные интересы. Происходит деградация государственного аппарата и превращение университетского профессора из «слуги государства» в «социального проповедника».

Шельский отмечает враждебность новой религиозной элиты техникам, инженерам и управленцам – тем, кто имеет дело с объективными закономерностями, с давлением обстоятельств. Интеллигенция руководствуется только предвыборными соображениями или подчиняется «макиавеллистски мыслящей партийной клике».

В начале 70-х годов Генрих Бёлль симпатизировал преступной группе, занимавшейся убийством политических лидеров и крупных бизнесменов, что послужило для Шельского поводом обвинения всех интеллектуалов в терроризме: «Не философия мниморадикалов „Франкфуртской школы“ или „левых писателей“ является причиной анархистского террора Баадера-Майнхоф, но беспомощно упущенные всеми демократическими партиями Федеративной рес-

публики духовные тенденции в университетах»¹². Шельский знал, что некоторые левые теоретики (Герберт Маркузе, Эрих Фромм и др.) отмежевались от терроризма, но именно этот случай имел для него большое символическое значение.

Бёлль натолкнулся на резкую публичную критику, но он стал использовать ее, чтобы окружить себя ореолом мученичества. Критику в свой адрес он называл «фашистской травлей интеллектуалов». Шельский цитирует заявления Бёлля, что тот не может жить в «этой стране», не может работать в атмосфере травли. Однако Бёлль охотно использует возможность «публичных страданий» и стремился оставаться в центре событий. Шельский пишет, что Бёлль жалуется, что ему невозможно работать в обстановке постоянных гонений, что он чувствует себя преданным и хочет покинуть страну. В то же время Бёлль не замечает, что благодаря терроризму людей оскорбляют, им и их семьям угрожают, их убивают.

Жертвы террористов, по мнению Шельского, не заслуживают внимания Бёлля в отличие от жертв прессы, потому что его интересует борьба за монополизацию средств «смыслопроизводства». Виновниками Шельский считает гуманистически и универсалистски настроенных «смыслопроизводителей». Старые авторитеты и нормы рушатся, а их место занимают «ненадежные силы»: писатели и интеллектуалы.

Проблема состоит в том, что все, кто начинает ориентироваться на средства массовой информации, незаметно подпадают под их влияние и не могут избежать и сопряженных с этим опасностей¹³. Многие ученые, священники, педагоги благодаря своей руководящей и обучающей деятельности часто занимают критическую позицию по отношению

к власти и авторитетам. В этом и состоит политическая опасность интеллектуализма.

Ссылки:

1 Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familien in der Gegenwart. Stuttgart 1955.

2 Schelsky H. Soziologie der Sexualität. Über die Beziehungen zwischen Geschlecht, Moral und Gesellschaft. Hamburg 1955. S. 7.

3 Schelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Frankfurt am Main 1957. S. 385.

4 Darendorf R. Suche nach Wirklichkeit // Die Zeit von 3 März 1984.

5 Schelsky H. Ortbestimmung der deutschen Soziologie. Dusseldorf 1967.

6 Schelsky H. Die Arbeit tun die anderen. Klassenkampf und Pristerherrschaft der Intellektuellen. Opladen 1975. S. 13.

7 Человек, по Шельскому, отличается от животного тем, что он «ведет» свою жизнь, «дистанцируется» от своих животных проявлений, может осмыслить их. Социально значимые образы дают человеку смысл жизни.

8 Schelsky H. Die Arbeit tun die anderen. Klassenkampf und Pristerherrschaft der Intellektuellen. Opladen 1975. S. 16.

9 Ibid. S. 43.

10 В 1979 г. Шельский подробно критикует взгляды Эрнста Блоха, которого считает одним из видных интеллектуалов Германии.

11 Schelsky H. Die Arbeit tun die anderen. Klassenkampf und Pristerherrschaft der Intellektuellen. Opladen 1975. S. 113.

12 Ibid. S. 356.

13 Журнал «Шпигель» Шельский называл интеллектуальной листовкой, агитирующей на классовую борьбу.

Исследования проблем управления в российских организациях: исторический аспект

Решетникова К.В.

В статье рассматриваются основные направления развития и изменений проблемного поля исследований в российских организациях на разных этапах становления и развития науки управления в нашей стране. Делается попытка выявить те сложности организации и проведения подобных исследований, с которыми приходилось сталкиваться раньше и придется сталкиваться сейчас специалистам, занимающимся исследованиями процессов управления. Этот анализ позволяет определить основные тенденции, характерные для разных периодов развития отечественной науки управления.

Ключевые слова: наука управления, управление производством, исследования в организациях, управленческие технологии, консультационная деятельность.

Reshetnikova K.V.

Organization Studies in Russia: historical aspects

The article discusses the main directions of development and changes in the problem field of research in Russian organizations at different stages of formation and development of management science in our country. Revealed the complexity of organizing and conducting such studies, which had to face before, and now has to face professionals involved in research management processes. This analysis allows identifying the main trends of the different periods of development of national science management.

Key words: Management Science, production management, organizations study, management technologies, consulting.

С начале XX века проблема определения статуса науки управления активно обсуждалась научным и бизнес-сообществами. В дискуссиях, разворачивавшихся вокруг определения самого термина «научное управление», участвовали специалисты-практики ученые, начиная с Ф.Тейлором, автора. В Европе перевод этого термина был осуществлен профессором де Шантелье, который, по мнению одного из известных польских специалистов по организации производства К.Адамецки, сузил его до понятия «научная организация труда»: понятие «труд» значительно ограничило представление области управления, заложенное в термине Ф.Тейлора. Сам К.Адамецки предлагает следующее определение новой науки: «Под наукой управления следует понимать способы действия, а также технические мероприятия при управлении деятельностью как отдельных производственных единиц, так и их коллективов, основанные на познании и применении законов зависимости между причинами и следствиями, открытые научно-экспериментальным методом и имеющие целью достижения

максимального полезного эффекта при минимальных затратах времени, человеческого труда, энергии природы и вообще всех производственных средств» [1, с. 158].

По мнению К.Адамецки, осуществить переход от искусства к науке управления можно будет в том случае, если наука управления будет опираться на научно-экспериментальные методы, ее принципы и методы управления будут базироваться на законах природы. Ведь общеизвестно, что в философии науки основным отличием научного знания от повседневного, обыденного считается преобладание рациональности, существенным признаком которой является наличие особого метода познавательной деятельности как строго определенного и необходимого в исследовании. Получается, что только в том случае, если наука управления обеспечивает систематическое, целостно-концептуальное (теоретическое) описание организационных систем на основе эмпирических фактов, отобранных в соответствии с научными требованиями к предствительности, однозначности толкования и т.д., мы можем говорить о ней как о состоявшейся научной дисциплине. Такой ее статус предполагает проведение и теоретических, и эмпирических исследований, обеспечивающих получение этих научных фактов, их объяснение и разработку теорий.

Однако проведение фундаментальных и эмпирических исследований в этой области всегда сталкивалось с целым рядом проблем. Теоретические сложности обусловлены наличием разных методологических подходов, известной мультипарадигмальностью в этой сфере. До сих пор остается открытым вопрос о наличии единой предметной основы, позволившей развиваться фундаментальным исследованиям в обла-

сти управления и в менеджменте. Эти проблемы на протяжении всего XX века обсуждаются многочисленными специалистами в области управления: экономистами, социологами, юристами, политологами, психологами и др. Но что касается проблем, связанных с организацией и развитием исследований в области управления в России, то здесь существовал и существует целый ряд ограничений и сложностей не только методологического характера.

С конца XIX века этап индустриализации в России остро поставил вопросы развития и управления промышленностью, которые стали обсуждаться на правительственном, парламентском и земском уровнях, принимались законы, публиковались результаты обследований, проекты, бытописания. В этот период можно выделить две траектории, по которым развивались исследования в управлении. Развитие первого из них инициировали специалистами, прежде всего инженеры, выполнявшие на фабриках и заводах того времени менеджерские функции. Они сталкивались с целым рядом практических проблем по управлению производством, методов решения которых пока не было. В связи с этим они вынуждены были самостоятельно начинать работу по изучению и конструированию соответствующих управленческих технологий. Получив фундаментальное техническое образование, они владели теми методами исследований, которые характерны для естественных наук. Это, безусловно, позволяло им сразу выйти на определенный научный уровень, соблюдая все те строгие требования к проведению научно-экспериментальных работ, которые есть в естественных науках.

С другой стороны, сложности возникали в связи со специфическим

объектом управления – людьми. Социальных технологий управления людьми на тот момент создано не было, и предмет этот был новым для управленцев-инженеров, привыкших иметь дело с машинами и механизмами. Так или иначе большинство из тех, кто создавал новые методы управления производством в конечном итоге приходили к идее необходимости сочетания в управлении производственных и социальных технологий.

Ярким примером такого рода исследователя может быть К.Адамецки. К.Адамецки в начале своей научной деятельности, проводил экспериментальные исследования на металлургических предприятиях Юга России, посвященные графическому методу организации коллективного труда в прокатном производстве. Автор начал эти исследования, решая проблему снижения производительности труда на ряде участков (проката тонкого железного листа, проволоки и пр.) Большинство мастеров на этих заводах были иностранцами. Они были склонны связывать низкую производительность труда с ленью рабочих. Однако К.Адамецки засомневался в этом и занялся хронометрированием. В своих статьях он отмечает, что ему приходилось собирать данные укладкой и от рабочих (чтобы не отвлекать их от производственного процесса и не навлекать на себя гнев как на некоего «соглядатая»), и от мастеров и начальства.

Результатом проведенной К.Адамецки работы стал прибор, с помощью которого можно было создавать так называемые гармониграмы, представлявшие собой по сути сети технологического процесса. Прибор получил название гармониграф [2]. Надо отметить, что в США подобные методики были разрабо-

таны лишь в конце 50-х годов и получили развитие в виде так называемых сетевых диаграмм PERT (Program (Project) Evaluation and Review Technique), в которых используются сетевые графики и диаграммы Г.Гантта, опубликовавшего свои статьи по этому поводу в 1910 и 1915 гг. По мнению Э.Марша[3], предложенный К.Адамецки вариант сети технологического процесса превосходит по своим аналитическим и практическим характеристикам диаграммы Гантта, поскольку последние «...не показывали критический путь. Критический путь подразумевает, что задержка любой критической операции задержит завершение всего проекта. Метод диаграммы Гантта не указывал, какие операции важны...- Диаграммы Гантта быстро устаревали, так как не учитывали нестабильность в работе оборудования, производительности труда, сбоев в поставках ресурсов и пр. ...Составление диаграмм Гантта постоянно усложняется в связи с увеличением числа операций.»[3, р.359]. Все эти проблемы легко решались с помощью гармониграфа К.Адамецки.

Вместе с тем востребованность полученных данных была достаточно низкой. Статьи К.Адамецки, вышедшие практически одновременно с известными работами Ф.Тейлора, остались неизвестны широкой публике. Однако его изобретение не стало широко известно научным и менеджериальным кругам, хотя Адамецки применял его на практике. В 1915 г. на вагоностроительном заводе после реорганизации производства по методу Адамецки увеличенная в полтора раза бригада делала за смену 70 крюков, вместо 15, которые она производила до реорганизации, снизив одновременно в несколько раз и расходы сырья. В 1916 г. Адамецки использовал ме-

тод в другой отрасли: при строительстве здания фабрики.

Второе направление исследований в управлении было связано с изучением социальной составляющей производственных процессов. Прежде всего, это выражалось в сборе статистических и эмпирических данных о различных сторонах труда и быта заводских рабочих, который осуществляли статистики, земские врачи, позже – фабричная инспекция. Однако эти работы далеко не всегда носили систематический характер. Так, например, статистические сведения о предприятиях и рабочих содержались в отчетах фабричных инспекторов. До 1885 г. были опубликованы отчеты первых 11 фабричных инспекторов. Однако затем выпуск этих отчетов прервался вплоть до 1899 г. И только с 1902 г. публикация этих отчетов стала более или менее регулярной. Однако собираемые данные часто были отрывочны, неполны и недостоверны. И.И.Янжул пишет в своих воспоминаниях: «Изменяющиеся очень быстро сведения... печатались (на предприятиях – К.Р.) раз на несколько лет и затем рассылались и рпедрявлялись разным чинам и ведомствам, как будто бы в это время все замерзало, рабочие не принимались и не отпускались, заработная плата не изменялась и т.п., что разумеется, чистый вздор, и таким образом, сведения с подобных фабрик сообщались не о действительном положении дела, а совершенно ложные и случайные» [15, с.220].

Сложности сбора этой информации состояли не только в отсутствии соответствующей статистики на предприятиях, но даже и на уровне учета самих организаций. Тот же И.И.Янжул вспоминает: «Обладая самой широкой возможностью, как профессор университета и лицо вид-

ное и известное в Москве, сравнительно с обыкновенным чиновником, получить должные сведения ... я не мог... Почти каждую мою поездку по губернии или пешее хождение в городе я открывал новые Америки. То на дворе большой фабрики уютится какая-нибудь маленькая, которая совсем другого рода, и которая ни в какие списки не занесена. То сзади известной крупной фабрики лежит другая тоже изрядных размеров, которая по небрежности числится за тем же владельцем, ибо выстроена на арендованной земле, но больше ничего общего с первой фабрикой не имеет и т.д.» [15, с. 219].

Часто исследователи сталкивались с нежеланием владельцев, руководства фабрик и заводов предоставлять фабричным инспекторам какие-либо сведения, тем более, что ответственность за подачу недостоверных сведений законодательно прописана не была. В то же время И.И.Янжул отмечает, что «всякий старался всучить взятку и очень, видимо удивлялся, иногда наивно это выражая, отказу.» [15, с. 219].

К сожалению, не только работа по сбору статистических данных вызвала отрицательную реакцию на фабриках и заводах. Можно отметить весьма слабую степень заинтересованности правительственных кругов, начавшегося формироваться бизнес-сообщества в таких практических исследованиях, в сборе и анализе достоверной статистической информации, в результатах анализа экономических проблем. Очень часто сами инженеры выступали в качестве инициаторов такого рода исследований на производстве, поскольку вынуждены были решать те проблемы, с которыми сталкивались на практике. В лучшем случае разработанные ими инновационные методы управления становились извест-

ны в достаточно узком кругу специалистов, публиковались в специальных журналах. Хотя можно предположить, что дальнейшее развитие, не будучи прерванным революционными событиями, вполне могло выйти и на общемировой уровень, заняв достойное место в организационной теории и науке управления как вполне самостоятельная российская школа управления.

Что касается вопросов, связанных с изучением не организации производства как такового, а более общих вопросов управления предприятиями в целом, то эти данные часто представляли скорее академический интерес и служили основой для подготовки ряда обобщающих работ социального и экономического характера, написанных или теми же авторами (многие фабричные инспекторов «первого созыва» были представителями академической науки), или профессорами университетов по экономике, праву и пр. Само государство, будучи фактически заказчиком такого рода исследований, мало интересовалось результатами. Так, один из фабричных инспекторов А.К.Клепиков в своих воспоминаниях высказывает предположение, что эти отчеты «по-видимому, даже не читались и не просматривались никем в Министерстве». [7, с.243.]

Это подтверждается и воспоминаниями И.И.Янжула. В 1893 г. он по поручению Министерства финансов отправился в длительную поездку в США, где проходила Всемирная выставка. Для него была подготовлена весьма обширная исследовательская программа, включающая большое количество экономических и финансовых вопросов, информацию по которым ему необходимо было собрать. Результаты его многомесячной кропотливой исследовательской работы, отправленные в Департамент

торговли России в виде отчетов, были просто потеряны. По возвращению в Россию автору не удалось их найти, а поскольку черновиков не было, то и опубликовать их возможности не было. В целом об использовании государственными органами результатов таких по сути своей заказных исследований И.И.Янжул пишет: «...Если поставить ребром вопрос о какой-либо пользе от моего настоящего исследования, то я могу только добросовестно ответить, что одинаково с прежними исследованиями и поручениями правительства (о польской промышленности, о синдикатах и проч.), никакой пользы, убежден я, из моего труда Россия не извлекла, и правительство им не воспользовалось.» [15, с. 431].

Несколько изменилась ситуация в первые десятилетия XX века. В это время развернулись как социальные исследования промышленного труда, так и исследования, касающиеся вопросов организации производства и управления. Предметом этих исследований становятся вопросы организации и условий труда, производственного травматизма и заболеваний, заработной платы и стимулирования труда, условий найма и трудовых конфликтов. Постепенно развивается методология и методика эмпирических исследований. Разворачиваются дискуссии по методолого-методическим проблемам, активно обсуждаются общие проблемы науки управления, возможности и ограничения применения тейлоризма на российских предприятиях. Об институционализации этой области науки свидетельствуют и выход специализированных журналов, освещавших вопросы управления: «Промышленность и здоровье», «Фабрично-заводское дело» и др.

После революции 1917 года начали формироваться новые типы тру-

довых отношений в условиях отсутствия частной собственности, они требовали и принципиально иных подходов к управлению. В связи с этим развернулась острая дискуссия о том, может ли работать при социализме тейлоровская система. Этот вопрос, в частности, обсуждался на Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства (январь 1921 г.), созванной по инициативе Л.Троцкого. Вопросы, поднимавшиеся на конференции, касались как самого понятия «научная организация труда», имевшего достаточно много толкований, так и управленческих проблем, связанных с организацией труда и на уровне всего общества, и на уровне отдельных предприятий, методов управления людьми в новых условиях хозяйствования.

После этой конференции в России разворачиваются масштабные исследования по всей организационно-управленческой проблематике. В 20-ые годы проблемами теории и практики управления занимались свыше десяти крупных научно-исследовательских институтов, на предприятиях и в организациях существовали сотни и тысячи первичных ячеек движения НОТ, технических бюро, секций. В одном лишь 1923 г. было опубликовано около 60 монографических (в том числе и переводных) работ, всего же выходило до 20 журналов по проблемам управления и организации производства. Наиболее крупные научные школы сложились в Москве, Ленинграде, Харькове, Казани, Таганроге:

1. ЦИТ (Центральный институт труда, директор - А. К. Гастев),

2. КИНОТ - Казанский институт научной организации труда (директор - И. М. Бурдянский),

3. ВСУИТ - Всеукраинский институт труда (директор - Ф. Р. Дунаевский),

4. ТИНОП - Таганрогский институт научной организации производства (П.М. Есманский),

5. ГИТУ - Государственный институт техники управления при НК РКИ (Е. Ф. Розмирович)

6. Центральная лаборатория по изучению труда при Институте мозга и психической деятельности

Эти научно-исследовательские центры занимались не только фундаментальными исследованиями проблем управления, но развивали и прикладную науку, и консультационную практику. На предприятиях под руководством специалистов институтов формировались специальные опытные станции, конторы по рационализации, лаборатории (такие как орг-станции ЦИТа), консультационные бюро (орг-бюро). Эти структуры занимались как комплексными исследованиями человеческого фактора и трудовой деятельности на предприятиях, так и решали в управленческие задачи конкретной организации.

Интересный проект был начат в самом конце 20-ых годов: Центральное Бюро Краеведения объявило на 1930 г. конкурс на лучшее сочинение (исследование) об отдельных фабриках или заводах. Это должно было быть монографическое исследование какой-либо фабрики или завода, охватывающее как его современное состояние, так и историческое развитие. В Правилах конкурса сказано, что «научно-исследовательской работой признается сочинение типа серьезной научной монографии. Автор должен, пользуясь марксистским методом, проследить отражение общих законов развития народного хозяйства на примере единичного предприятия, указать проблемы, выдвигаемые фабрично-заводской жизнью, которые должны быть ясно поставлены и проанализирова-

ны. В основу работы должны быть положены первоисточники (фабричные архивы и пр.).» [10, с. 6]. Однако начатая работа была тут же и свернута в связи с арестами по так называемым «академическим делам».

Разнообразные исследовательские подходы получали на этом этапе широкую государственную поддержку, поскольку были ориентированы на формирование новых управленческих технологий, способных обеспечить развитие страны в новых условиях, складывавшихся после революции 1917 г. Однако подобная благоприятная ситуация продлилась недолго: уже в середине 30-х гг. по стране прошла волна репрессий, которые непосредственно коснулись и представителей тех научных школ, которые занимались разработкой новых менеджериальных подходов. Большинство институтов и лабораторий было закрыто. Созданные ими разработки оказались совершенно не востребованы в условиях активно формировавшейся «административно-командной системы управления», а часто расценивались и как просто опасные. Многие представители молодых научных школ были арестованы и погибли, а те направления исследований, идеи, которые на Западе появились лишь через несколько десятков лет, были незаслуженно забыты.

В результате примерно с середины 30-х и до начала 60-х гг. в СССР управленческие дисциплины практически не развивались в связи с их невостребованностью в условиях жесткой тоталитарной системы. Но конец 50-ых - начало 60-ых годов принес с собой осознание необходимости кардинальных изменений в экономической политике, реформ в самых разных сферах жизни общества. Кроме того, были сняты идеологические запреты на исследования

в целом ряде отраслей знания, и в том числе, в социальных науках. Необходимо было восполнить тот информационный разрыв, который сформировался в результате практически 30 лет оторванности от мировых управленческих идей.

Первой работой, легализовавшей управление в СССР в качестве самостоятельной научной дисциплины, стала книга Д.М. Гвишиани «Социология бизнеса: критический очерк американской теории менеджмента», вышедшая в 1962 г. Затем она была издана уже в более фундаментальном варианте под названием «Организация и управление» и вплоть до начала 90-ых годов была своеобразной энциклопедией западной управленческой мысли. Переизданная в 2007 г. она остается интересной для специалистов, поскольку в ней изложены история возникновения, положения основных научных школ менеджмента, таких, как классическая модель организации, школа человеческих отношений, школа социальных систем, социотехнический подход, эмпирическая школа [5]. В книге впервые в российской науке освещались практически не известные тогдашнему читателю воззрения Ч.Барнарда, Ф.Селзника, Г.Саймона, А.Гоулднера, А.Этциони, Р.Дабина, П.Друкера. В центре внимания оказывались проблемы синергии, логика возникновения и соотношения формального и неформального в организации, проблемы равновесия и баланса, идентификации работника с организацией, модели выживания организации, рациональные и естественные модели организации. К числу заметных публикаций, связанных с трансляцией основных положений западных организационных теорий, можно отнести также книги по западной индустриальной социологии А.И.Пригожина,

Н.И.Лапина, Н.М.Кейзерова, С.И.Эпштейна, О.Н.Жеманова.

В 60-70ые гг. формируется ряд школ, ориентированных на развитие методологии и теории организационной науки. Частично эти школы опираются на те положения, которые были чуть ранее разработаны в мировой организационной и управленческой науке. Но нельзя отрицать и их самостоятельного вклада в развитие науки, поскольку объект исследования (советские организации, предприятия), экономическая система в целом) значительно отличались от тех объектов исследования, которые были в центре внимания западных исследователей. К числу таких теоретических подходов можно отнести развитие общеметодологических принципов анализа организационных систем на базе системной методологии и кибернетики. В работах М.И.-Сетрова, В.Н.Садовского, А.И.Уемова, Г.П.Щедровицкого анализировались понятия системы, целостности, структуры, функций, динамики и др. [8, 9, 12, 13]. Эти идеи, с одной стороны, развивали системную версию организационной и управленческой теории, истоки которой можно увидеть в работах А.Богданова, а в западной версии – в работах Винера, Берталанфи. Заложенный этим направлением исследований понятийный аппарат активно использовался, начиная с середины 70-ых годов не только в организационной и управленческой науке, но и в других отраслях социального знания.

Кроме общетеоретического и методологического направления в управленческой науке можно отметить также развитие и специальных областей знания, опирающегося в первую очередь на эмпирические исследования и консультационную деятельность. Основная проблема состояла, пожалуй, в том, что суще-

ствовал значительный разрыв между методологией и эмпирическим уровнем исследований. Диктат государственной идеологии требовал от ученых, занимающихся социальными исследованиями, опираться в методологическом плане на положения марксистской социальной философии в ее советском понимании. С другой стороны, развитие экономики, производства ставило перед исследователями вполне конкретные и реальные задачи, которые необходимо было решать, создавать управленческие технологии, востребованные практиками. Поэтому в эмпирических исследованиях этого периода можно наблюдать попытки ученых совместить эти не всегда совместимые требования. К счастью, логика развития научного знания оставляет те исследования, в которых действительно был получен научно значимый результат, а те работы, которые были выполнены в соответствии с социальным (и государственным заказом) уходят в небытие.

Усилия ученых концентрировались на разработке общих принципов организации социальных систем и социального управления, выявлении специфики управленческих отношений, субъектно-объектной логики управления, анализе средств регуляции поведения. Большое внимание в этот период уделялось прикладным исследованиям в области рабочего и вне рабочего времени (Институт экономики Сибирского отделения АН СССР), подъема культурно-технического уровня рабочего класса (Уральский университет), процесса превращения труда в первую жизненную потребность (Педагогический институт Красноярск). В конце 50-х-начале 60-х гг. сотрудники сектора социологических исследований Института философии АН СССР (А.А.Зворыкин, Г.В.Осипов, И.И.Чангли и

др.) провели комплексное изучение новых форм труда и быта на предприятиях Москвы, Горьковской области и других регионов страны. Специалисты Московского университета под руководством Г.М. Андреевой исследовали социальные проблемы автоматизации производства на Первом шарикоподшипниковом заводе (Москва).

Такие известные ученые как Ю.Н. Давыдов, А.Г. Здравомыслов, Н.Ф. Наумова, Г.В. Осипов, В.А. Ядов изучали мир трудовых отношений в организации в контексте самого человека: его мотивации, удовлетворенности содержанием и условиями труда, ценностными ориентациями, производственным поведением. Этот подход нашел свое отражение в известном исследовании, опубликованном в книге Здравомыслова А.Г. и В.А. Ядова «Человек и его работа» [6]. Ленинградские социологи под руководством В.А. Ядова обследовали 2,5 тыс. молодых рабочих, занятых различным по характеру и содержанию трудом, выявив различные типы мотивации. По сути своей это исследование представляло собой эмпирическую проверку теории мотивации американского социолога Ф. Герцберга. Советские социологи не только выявили роль высших мотиваторов, но привязали типы мотивации к видам труда, чего не было у Ф. Герцберга. Эта работа доказала, что возможно создание работающей исследовательской методологии, объясняющей реальные явления в организациях, на предприятиях, и учитывающей реалии социалистического производства.

Большое исследование «Социальная организация промышленного предприятия» было проведено на рубеже 60-70-ых годов в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. Программа проекта представ-

ляла собой междисциплинарный синтез проблем и подходов в исследовании организаций, актуальных для промышленных предприятий СССР 60-70-ых гг. [14]. Изучались различные факторы, влияющие на логику развития организаций: экологические, технические и экономические. Отдельные программы были посвящены основным элементам собственно социальной организации: социальным группам, индивидам и органам управления. Был разработан инструментарий для проведения эмпирических исследований в рамках проекта, часть исследований в рамках проекта была реализована. В 1973 г. проект был прекращен, поскольку противоречил идеологическим установкам руководства Института и партийных кругов. Участники этого проекта продолжили самостоятельную работу, в том числе и эмпирические исследования, опубликовав значительное число работ. Практически все участники этого проекта (Н.И. Лапин, А.И. Пригожин, Н.Ф. Наумова, О.И. Шкаратан, А.В. Тихонов, Ю.Л. Неймер, В.Н. Шаленко и др.) стали известными российскими учеными, внесшими значительный вклад в развитие отечественной управленческой науки.

Особенности развития советской экономики этого периода, формирование среды, характеризующейся тесными взаимосвязями между организациями, требовала масштабных междисциплинарных исследований процессов управления. Активно в этом процессе были задействованы экономисты: в 1964 г. организованная академиком Д.М. Гвишиани межфакультетская лаборатория по изучению проблем управления переводится на экономический факультет, где ее возглавляет Г.Х. Попов, где впоследствии образуется Центр проблем управления [11].

Именно этот Центр и его сотрудники (Г.А. Джавахов, Л.Н. Качалина, Ю.Н. Краснопояс, Ю.Н. Бронников, О.С. Виханский, А.Ю. Манюшис, В.И. Маршев, А.И. Наумов, В.Ю. Озира, Р.Р. Папаян, И.В. Ширяева) становятся разработчиками системного подхода в управлении.

В начале 70-х годов вновь можно наблюдать отход от некоторой идеологической либерализации 50-60-х годов. В этот период организационные исследования шли по двум направлениям: первое из них занималось теоретическим анализом, совершенствованием методологии, а другое - непосредственными эмпирическими исследованиями на предприятиях, разработкой практических рекомендаций для управленцев, консультационной деятельностью. В рамках первого продолжалось активное изучение проблемы мотивации, удовлетворенности трудом, расхода социальными установками и реального поведения в организациях, социальные проблемы на предприятиях. В конце 70-ых годов исследователи стали активно проявлять интерес к тем проблемам управления, которые возникали в связи с автоматизацией производственных процессов. Ряд крупномасштабных исследований, первый этап которых пришелся на 60-ые годы, был повторен в 70-ые годы с учетом расширения исследовательских программ, проведенной к этому времени теоретической работы. Сложности реализации этих исследований были связаны с необходимостью в методологическом плане постоянно оглядываться на те идеологические рамки, которые в этот период становятся все более жесткими, ограничивают возможности обобщать полученный материал, формировать гипотезы, выходить на новый уровень теоретических построений.

Второе, прикладное направление исследований в организациях получило свое развитие в рамках так называемой «заводской социологии». Первоначально это были службы социального развития на крупных предприятиях, которые объединяли социологов, экономистов, инженеров, психологов, выполнявших роль внутренних консультантов в организациях. Чуть позже такого рода структуры стали появляться в отраслевых, региональных, муниципальных, местных органах управления. Они занимались разработкой управленческих технологий для решения конкретных проблем, с которыми сталкивались организации. Эти методики, технологии тиражировались и использовались управленцами. В этом смысле существовавшая тогда централизация сослужила неплохую службу именно для распространения такого рода технологий: если какая-либо методика создавалась в лаборатории при отраслевом НИИ или министерстве, то она, как правило, получала свое распространение и применялась на предприятиях соответствующей отрасли. Многие из этих методик (например, тех, которые обеспечивали управление человеческими ресурсами в организациях: отбор персонала, его адаптацию, оценку персонала, обучение, формирование кадрового резерва и т.п.) оказались впоследствии незаслуженно забытыми, и сейчас менеджеры часто пользуются теми технологиями, которые пришли из-за рубежа уже в 90-ые годы, хотя подобные (а часто и гораздо более грамотные) методики были разработаны отечественными авторами [12].

Можно сказать, что прикладное направление исследований в отечественном управлении выросло из академической науки: ученые, разрабатывавшие экономические, соци-

альные, психологические проблемы управления, искали возможности сначала проверить построенные ими теории на эмпирическом уровне, а затем применить полученные знания для решения конкретных управленческих задач. Эта логика развития способствовала глубокой проработке тех управленческих технологий, которые создавались в этот период: они часто являлись продолжением тех фундаментальных и прикладных исследований, которые велись учеными. Часто (особенно в 60-ые – начале 70-ых г.г.) лаборатории и службы в организациях, на предприятиях курировались академическими учреждениями: Институтом проблем управления АН СССР, Институтом социологических исследований АН СССР, Институтом психологии АН СССР, Ленинградским финансовым институтом и пр. Сами ученые часто работали на предприятиях, на договорных началах. В к. 70-ых – 80-ых гг. значение такого рода лабораторий, служб на предприятиях возросло, определилось их место в структуре управления организацией, роль и ответственность в подготовке управленческих решений. В результате в этот период уже можно наблюдать и профессиональную дифференциацию, выражавшуюся в отказе академических ученых от работы в научно-поисковом режиме и переходе их на оказание консультативных услуг.

На процессы институционализации и профессионализации консультационной деятельности, получившие свое развитие в последние два десятилетия, оказали значительное влияние те экономические и политические изменения, которые произошли в России на рубеже 80-ых-90-х гг. Эти перемены, во-первых, обусловили появление новых для отечественной науки объектов исследования – бизнес-организаций. Во-

вторых, этот период характеризует-ся новым этапом обращения к западному опыту, информационной и коммуникационной открытостью по отношению как к теоретическим моделям организации, так и к западным менеджеральным технологиям. Информационная открытость нынешнего этапа позволяет значительно расширить видение организационных проблем и за счет мирового исследовательского опыта, и за счет междисциплинарности организационных исследований. Однако эмпирическая проверка, верификация этих моделей для российской действительности сталкивается с практическими трудностями: ведь любое научное исследование изначально ориентировано не просто на решение какой-то практической проблемы в рамках одного объекта, а на получение нового знания. В большинстве же случаев участие в исследованиях менеджерами компаний рассматривается лишь как бесполезное раскрытие «организационной кухни» для посторонних глаз. В массовых же масштабах, которые собственно и необходимы для того, чтобы полученные данные были репрезентативны, для того, чтобы определить распространенность того или иного явления, возможности организации подобного исследования оказываются весьма и весьма ограниченными. Тем более актуальна эта проблема в российских условиях, поскольку отечественные компании по сравнению с западными организациями намного более закрыты. И, к сожалению, с усилением вмешательства государства в бизнес эти негативные процессы только усиливаются, поскольку возрастают опасения организаций по поводу возможного давления со стороны государственных органов, получивших доступ к внутренним данным компаний. Такие ог-

раничения не дают возможности накопить достаточный эмпирический материал, позволяющий делать те или иные теоретические обобщения для доказательства и верификации построенных моделей. Вспоминая ситуацию в этой области в начале XX века, мы можем констатировать, что эта проблема недостаточной заинтересованности бизнес-сообщества в проведении регулярных научных исследований в области управления, вернулась через сто лет.

Вторая группа проблем имеет отношение к связи прикладного уровня науки и инженерной практики. Она сформировалась на основе недостаточно четкого разделения труда между специалистами, работающими в рамках проектно-конструкторской деятельности, т.е. специалистами, занятыми разработкой, созданием новых управленческих технологий, и специалистами – практиками, пользователями технологий. Именно специалисты-практики, менеджеры должны иметь необходимые знания и навыки для выбора адекватных технологических средств, адаптации в случае необходимости этих средств к специфическим организационным условиям. И они достаточно часто берут на себя роль технологов, дорабатывая, изменяя существующие алгоритмы. Результатом, с одной стороны, может быть решение какой-то конкретной управленческой проблемы в конкретной организации, а с другой – еще большее «размывание» самого технологического средства. Это не только проблема низкой технологической культуры, хотя и она имеет место, но и характеристика уровня развития технологической сферы в вопросах управления организацией.

Количество специалистов, которые используют разработанные прикладной наукой технологии, велико,

поскольку все линейные менеджеры, не говоря уже о функциональных специалистах, по сути, являются пользователями такого рода технологий. Однако, даже если считать существующие технологии управления вполне готовыми к применению (что уже является большой натяжкой, учитывая большое количество заимствованных технологий, требующих адаптации к российским условиям), отсутствуют четкие критерии отбора этих технологий в зависимости от типа решаемых задач. Довольно часто специалисты-практики используют наиболее простые, доступные технологии или те, которые более четко разработаны, не учитывая те задачи, для решения которых эти технологии создавались.

Проблема формирования критериев отбора технологий связана с гораздо более фундаментальной проблемой, охватывающей все три уровня науки: академические исследования, прикладную науку и инженерную практику. Речь идет о проблеме подготовки специалистов, которые могли бы осуществлять все указанные виды деятельности. Первый и отчасти третий уровни с учетом существующих ограничений можно все же считать в некоторой степени обеспеченными специалистами, поскольку фундаментальными исследованиями в области управления сейчас занимаются и экономисты, и социологи, и психологи, и даже специалисты по IT-технологиям, практиков-менеджеров готовит множество учебных заведений. А вот уровень прикладной науки практически не обладает должным кадровым потенциалом. Специалистов, способных создавать управленческие технологии, владеющих всеми необходимыми знаниями, которые получает фундаментальная наука, и в то же время имеющих представление о прак-

тической деятельности менеджеров в организациях, решающих конкретные управленческие проблемы, очень мало и нельзя сказать, что существует какая-то система подготовки этих специалистов. Тем более, что им приходится работать не в рамках какой-то предметной сферы, а в рамках междисциплинарной области. Это скорее и есть та задача, которую должны решать соответствующие профильные магистерские программы.

Анализ разных этапов развития организационных исследований в России показывает, что специалисты часто сталкивались с целыми блоками проблем, так или иначе ограничивающих возможности быстрого развития этой сферы. Проблемы эти с одной стороны связаны со сложностями самой исследовательской области, предполагающей необходимость междисциплинарного подхода. Эти проблемы не специфичны для российской действительности, они носят универсальный характер, и ученые по всему миру так или иначе решают эти методологические проблемы. Но гораздо больше трудностей у нас определялось причинами экономического, политического, социального, идеологического характера. К сожалению, меняя свой характер, формы влияния на развитие этой научной области, такого рода факторы остаются значимыми и по сей день.

Литература

1. Adamiecki K. Application de la science de l'organisation á la vie economique – Bulletin du Comite National de l'Organisation Française, 1932, N 6.
2. Adamiecki K. Harmonograf – Przegląd Organizacji, 1931, N 1.
3. Marsh Ed.R. The garmonogram of Karol Adameicki. – The Academy of Management Journal, Vol. 18, N 2, 1975.
4. Адамецки К. О науке организации. – М., Экономика, 1972.
5. Гвишиани, Д. М. Организация и управление / Гвишиани, Д. М. . - М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана , 1998.
6. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. – 2-е изд., испр. И доп. – М.:Аспект Пресс, 2003.
7. Клепиков А.К. (Гвоздев С.) Записки фабричного инспектора (Из наблюдений и практики в период 1894- 1908 гг.) – М., 1911.
8. Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. - СПб., 1999.
9. Маршев В.И.История управленческой мысли. – М.: ИНФРА-М, 2010.
10. Монографическое изучение фабрик и заводов: материалы к конкурсу - М. Издание Центрального Бюро Краеведения, 1929
11. Попов Г.Х. Проблемы теории управления. – М., Экономика, 1974
12. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века)/ Под ред. Е.И.Кукушкиной. – М., «Высшая школа», 2006.
13. Сетров М. Основы функционирования теории организаций. - Л., 1973.
14. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. – Составл. под ред. Лапина Н.И., М., 2005 .
15. Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864 – 1909 гг./ М., 2006.

Теория некапиталистического развития А.Чаянова (часть 1)

Кравченко А.И.

А.В.Чаянов принадлежит к плеяде выдающихся европейских мыслителей, которые внесли вклад в науку благодаря не только фундаментальным эмпирическим исследованиям, но также оригинальным, а часто и глубоко провидческим, теоретическим идеям. Одна из них касается некапиталистического развития России, особенностей нерыночного крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: капитализм, мотивация труда, крестьянин, функционирование крестьянской фермы, семейно-трудовая теория, трудовая хозяйственная деятельность, рестрикционизм

Kravchenko A.I.

The theory of non-capitalist development A.Chayanova (Part 1)

A.V. Chayanov belongs to the galaxy of prominent European thinkers who contributed to science not only because of the fundamental empirical research, but also an original and often deeply prophetic, theoretical ideas. One relates to the progressive development of Russia, especially the non-market farm.

Key words: capitalism, labor motivation, the peasant, the functioning of the peasant farm family, labor theory, labor economic activity, restrictionism

Самобытность общества давно и активно обсуждается в зарубежной и отечественной литературе, скрываясь под разными названиями, а именно как: культурная идентичность этноса, идеология третьего пути, поиск некапиталистического пути развития, национальной идеи, государственного суверенитета, экономика с опорой на внутренние резервы, антиглобализм и др.

На рубеже XIX-XX веков русские аграрники, в частности Д.И.Кирсанов, П.П.Маслов, Н.П.Никитин, В.А.-Косинский, занимавшиеся крестьянским хозяйством, обнаружили множество эмпирических фактов, которые не могли объяснить, с одной стороны, русская государственная школа, ориентированная на феодальную общину, а с другой - западные экономические школы, в том числе одна из лидирующих в то время австрийская школа предельной полезности (К.Менгер, Ф.Визер, Э.Бем-Баверк), выбравшие в качестве модели капиталистическое предпринимательство.

Так, например, было совершенно непонятно, почему крестьяне не желают внедрять выгодные молотилки,

облегчающие и экономящие их труд, почему они платят аренду, которая превышает получаемую ими прибыль и фактически соглашаются на полуголодное существование, почему разводят малорентабельные и трудоемкие культуры, отвлекаются на отхожие промыслы, подрывая и без того слабое земледелие? Иными словами, почему русские крестьяне ведут себя с капиталистической точки зрения нерационально в стране, которая давно уже перешла на капиталистические рельсы.

Для того чтобы получить исчерпывающий ответ на подобные вопросы, недостаточно было обобщить все, что было сделано предшественниками. Необходима новая методология, соединяющая в себе все лучшее из отечественной экономической мысли и последние достижения зарубежной науки.

Ни одна классическая теория политэкономии не может объяснить странного парадокса: почему при небывалом росте спроса на ту или иную продукцию, фермерское и крестьянское хозяйство, достигнув некой критической черты, не откликается на него адекватным расширением предложения. Все теории, объясняющие развитие капиталистической экономики, созданные 100 или 10 лет назад, указывают на неизменный закон рыночного общества: как только растет спрос, вслед за ним немедленно растет предложение, и наоборот, когда падает спрос, снижается и предложение. Так действуют нефтяные компании, торговые фирмы, брокерские конторы, маркетинговые сети, финансовые холдинги, магазины, склады, фабрики и даже книжные киоски. Не подчиняется универсальному требованию только крестьяне и фермеры.

Зарубежные ученые долго ломали голову над странной ситуацией,

пока в одной из библиотек не обнаружили книгу русского мыслителя А.В.Чаянова, умершего много десятилетий назад, изучавшего далекую Россию, никак не похожую на Америку или Западную Европу, и писавшего о крестьянском хозяйстве, которого никогда не было и уж тем более не осталось ныне ни в одной из развитых промышленных держав. Писал о далеком, а оказалось, что говорил он о самом близком и актуальном.

Оценивая сегодня работы А.В.Чаянова и прежде всего дореволюционного периода, экономисты выделяют два бесспорных теоретических завоевания: идею организационного плана и концепцию трудопотребительского баланса. «Они составили в сущности ядро теории некапиталистического предприятия, планирующего свою работу в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей своих членов»¹.

Используя специальные математические процедуры, А.В.Чаянов разработал и обосновал модель трудопотребительского баланса крестьянского хозяйства: «всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»².

Его теория кооперации и трудового крестьянского хозяйства сыграла исключительную роль в развитии методологии и теории социальной статистики, в истории отечественной социальной мысли. И сегодня актуальны многие идеи А.В.Чаянова, связанные с обоснованием преимуществ мелкого аграрного бизнеса и трудового фермерского хозяйства над крупными государственными предприятиями и частнокапиталистическими хозяйствами на селе.

Истоки семейно-трудовой теории

Концепция А.В.Чаянова появилась на свет как стремление дать научный ответ на многочисленные вопросы, решить которые была не в состоянии старая наука. Русская государственная школа, давшая миру удивительную по своей глобальности историческую теорию поземельной общины, редко удостаивала вниманием малозаметные явления, скрытые во внутренней морфологии общины и прежде всего в крестьянском хозяйстве. Мысля крупными социологическими блоками, государственная школа не смогла разглядеть микроуровень экономического поведения в одной из сфер общественной жизни. К тому же она касалась исторически уходящей формации - феодализма. Между тем Россия на рубеже веков стремительно втягивалась в новые экономические отношения - капиталистические. Но как именно это происходило? Какие прогрессивные сдвиги и какие искажения от нормального варианта (каковым считался западноевропейский путь развития) встречались на селе?

Проблемы крестьянской семьи как центрального агента хозяйственно-трудового процесса рассматривали в начале XX века не только экономисты-аграрники, но и политэкономы. В эти годы С.Н.Булгаков обосновывал теорию устойчивости мелкого хозяйства³, В.А.Косинский выдвинул концепцию "раскапитализации" сельской экономики⁴, Н.П.Огановский изучал закономерности аграрной эволюции⁵, А.И.Чупров поднимал вопрос о нуждах мелкого земледелия⁶.

Статистическими источниками для семейно-трудовой теории А.В.Чаянова послужили как собственные эмпирические исследования, так и результаты исследований других уче-

ных, прежде всего Н.Н.Черненко⁷, Б.Н.Книповича⁸, П.А.Вихляева⁹, Г.А.-Кущенко, А.И.Хрящевой, С.Н.Проконича и др. Однако наибольшее влияние, как считают специалисты¹⁰, оказали на А.В.Чаянова труды его коллег по организационно-производственной школе. Он широко пользовался данными воронежских и костромских бюджетов, обработанных Н.П.Макаровым¹¹, результатами исследований А.Н.Челинцева о сельскохозяйственном районировании и о влиянии плотности населения на семейный доход¹² и др.

Отличительная черта произведений А.В.Чаянова - широкое использование современных статистических методов и зарубежных экономических теорий. Так, его "Очерки по теории трудового хозяйства" (1912-1913) построены на сопоставлении предельных издержек и предельной полезности крестьянского труда, теория которых была разработана австрийцами Э.Бем-Баверком и К.Менгером. В 1920-е годы он широко применяет корреляционный анализ.

Было очевидно, что на селе действует какая-то другая, чем на капиталистическом предприятии мотивация труда и формы экономического поведения. Возможно, что здесь вообще не применимы никакие догмы известные законы политэкономии. А.В.Чаянов утверждал, что традиционная экономика основана на совокупности категорий и отношений, таких как капитал, зарплата, интерес и рента, которые взаимно обуславливают друг друга. Если одно из понятий отсутствует, то основанная на них аналитическая система теряет свою адекватность. Исходя из наблюдения о том, что для крестьянского хозяйства в России не типичен наемный труд, Чаянов пришел к выводу о том, пишет Э.Дарренбергер¹³,

что традиционная экономическая теория не способна описывать экономику, базирующуюся на крестьянском хозяйстве. Последнее не является капиталистической производственной единицей

Как удалось выяснить А.В.Чаянову, мотивация труда в крестьянском хозяйстве - это не мотивация предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее мотивация рабочего, занятого на своеобразной сделке, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы¹⁴. Традиционная форма деятельности крестьянина - результат его длительной адаптации к условиям натурального хозяйства, нерыночной экономики, которая возникла еще при феодализме, но сохранилась и при капитализме. Исторически она намного старше капитализма, имеет за своими плечами развитую технологию выживания в неблагоприятных условиях. Она позволяет гибко реагировать на ухудшение экономической конъюнктуры за счет снижения своих потребностей до минимума. Так всегда поступают социальные низы, перед которыми закрыты легитимные каналы обогащения и вертикальной мобильности. Совокупность этих положений легла в основание всемирно известной трудовой теории хозяйства (другие названия: теория крестьянского трудового хозяйства, теория трудового крестьянского хозяйства).

Крестьянин – самая древняя социальная категория, которую социологам и экономистам удается изучать в «натуральном виде», т.е. через общение с живыми носителями крестьянского хозяйства. Крестьяне — мелкие сельскохозяйственные производители, проживающие отдель-

ными домохозяйствами, экономика которых опирается на семейный труд и представляет собой нетоварное хозяйство.

По существу они выступают носителями земледельческого уклада жизни, а земледелие появилось на планете 10 тыс. лет назад. Древнее его лишь один уклад – охота и собирательство, живых носителей которого социальные антропологи изучают на островах Новой Гвинеи. Этот способ производства обнаруживается везде, где что-то произрастает. Земледельцев называют фермерами, аграриями и крестьянами¹⁵.

Существующее на протяжении многих тысяч лет земледелие представляет собой такой тип экономики, при которой люди производят только с целью удовлетворения своих потребностей, а не для рынка. Ее основу составляют не фабрики и заводы, а семейные хозяйства, хутора и фермы. Социальной организацией такой экономики выступает крестьянская община, отдельные домохозяйства в них — базовые производственные и потребительские единицы.

Успешное функционирование крестьянской фермы, выполнение различных сельскохозяйственных работ напрямую зависит от труда всех членов домохозяйства — взрослых и детей. Подобные домохозяйства не стремятся нанимать постоянных работников, а привлекают их только на летний сезон. А.В.Чаянов отмечал, что к сезонным работникам всегда относились, как к членам семьи¹⁶. Нередко они получали плату за свой труд не в деньгах, а частью урожая.

Крестьянское хозяйство ориентировано на выживание, поддержание приемлемого уровня жизни, а не на обогащение, расширение или укрупнение. Когда прожить за счет земли

нелегко, например при незначительном размере земельного надела, отсутствия мужчин в семье, безденежья, в неурожайные годы, крестьянские семьи занимаются дополнительными промыслами — охотой, собирательством, рыболовством, торговлей и ремеслами. На заработки они часто отправляются в дальние края, и таких крестьян называют отходниками.

Крестьянское подворье – экономическая и социальная основа традиционного общества, ключевой фактор того общественного строя, который принято именовать феодализмом. В отличие от современных обществ, где капитал — важнейший фактор производства, для традиционных обществ самый главный фактор — природные ресурсы. Трудовые и производственные навыки получают здесь не в школе или университете, а в семье, где они передаются из поколения в поколение.

В традиционном обществе люди не стремятся производить как можно больше. Неутолимая жажда денег — это не врожденная, а культурно приобретенная черта современного рыночного общества. На протяжении 99% своей истории люди работали ровно столько, чтобы выжить. Антропологи подвергли сомнению точку зрения тех экономистов, которые определяют рациональность как максимизацию доходов и прибыли.

Мелкие фермеры стремятся сократить риск путем использования разнообразных посевных культур, сортов, устойчивых к осадкам и температурным изменениям, полей с различными почвами. Они пытаются выровнять сезонные пики спроса и предложения труда в различные периоды — сбора урожая и ожидания, пока он созреет. Например, они выращивают как быстро созреваю-

щие, так и медленно созревающие сорта. Сегодня к такого рода стратегиям относится также антицикличность в отношении стоимости кредита¹⁷. По заключению современных экономистов, А.В.Чаянов “убедительно доказал, что семейно-трудовое хозяйство обладает большей устойчивостью, выживаемостью, чем хозяйство, основанное на наемном труде, поскольку способно мириться с временным понижением продажных цен, а также склонно выплачивать более высокие арендные платы, чем капиталистические предприниматели”¹⁸.

Трудовая хозяйственная деятельность

В своей первой работе “Очерки по теории трудового хозяйства” (1912), написанную 24-летним автором в Париже, А.В.Чаянов, находясь под влиянием экономистов австрийской школы, пытается создать оригинальную концепцию трудовой деятельности на основе учения о предельной полезности. Молодой ученый рассматривал свое произведение не как решение, а как постановку вопроса. В брошюре немало произвольных допущений и преувеличений, за которые автор был подвергнут острой критике и которые им самим позже были уточнены и переработаны. Тем не менее сущность чаяновского подхода к пониманию трудовой деятельности в сельском хозяйстве не изменилась со временем.

По все видимости, экономическая деятельность понималась А.В.Чаяновым шире, нежели трудовая хозяйственная. Последняя выступала разновидностью, частным видом первой. Ее отличало отсутствие стремления получить прибыль, а также то обстоятельство, что количество получаемых благ было равно или находилось в соответствии с количе-

ством затрачиваемого труда. А сколько энергии может тратить человек? Оказывается, затраты физической энергии ограничены. У разных людей физический потенциал разный. Часто так бывает, что после некоторого времени человек устает и дальше трудится уже без всякого желания. «После сравнительно небольшой траты, необходимой организму, дальнейшие затраты энергии уже требуют волевого усилия. И чем большее количество работы реализуется в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда»¹⁹.

Можно предположить, что рабочее время разбивается на две неравноценные части: в одной труд человеку в радость, в другой - в тягость. Возможно, что и получаемое вознаграждение должно быть разным: во втором случае более крупным. Иначе говоря, если даже обе половины рабочего времени равны, то получаемое за них вознаграждение субъективно воспринимается индивидом как неравное. За нелюбимый, тяжелый или грязный труд человек требует большей платы. Соответственно затрачиваемые в этом случае физические усилия человеком преувеличиваются, а получаемое вознаграждение преуменьшается.

К сожалению, у А.В.Чаянова нет этих высказываний, хотя они вполне ложатся в логику его теории. Вместо этого он предлагает следующее рассуждение: «субъективная оценка ценности, добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности. А так как предельная полезность понижается по мере роста суммы ценности, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте трудового дохода наступит

момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой суммы. На этой точке естественного равновесия и остановится продукция работника в трудовом хозяйстве, так как всякая дальнейшая работа будет субъективно невыгодна. Таким образом, *всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи*²⁰.

Выделенная курсивом самим А.В.Чаяновым мысль представляет собой одновременно вывод из предшествующих рассуждений и основное положение всей книги. Понятно, что правило Чаянова действует на коротком промежутке времени, например на протяжении рабочего дня. На большем временном отрезке оно может нарушаться.

Анализируя возможные следствия из своей теоретической модели, А.В.Чаянов обращает наше внимание на одно из них, а именно на то, что доходы крестьянского хозяйства под влиянием увеличения производительности труда возрастают, однако скорость возрастания бюджета возрастания производительности труда²¹. А это означает, что «по мере увеличения производительности труда падает его количество, приходящееся на единицу продукта, или, наоборот, возрастает объем продукта, созданного в единицу времени при данных затратах живого труда»²². При увеличении производительности с падением количества годового труда должен возрастать личный бюджет²³.

Такова в сокращенном виде теоретическая модель трудового поведения крестьянина в рыночной эко-

номике, созданная молодым А.В.Чаяновым главным образом на швейцарских эмпирических материалах и австрийских теоретических разработках. Это своего рода идеальный тип в духе М.Вебера. Разумеется, в чистом виде он не приложим к действительности, ибо представляет собой некую абстракцию, которая частично подтверждается, а частично не подтверждается западноевропейскими и российскими, в частности, Московской губернии, эмпирическими материалами. А.В.Чаянов указывает на то, что отклонения от модели должны встретиться в промышленности, причем не только европейской, но и русской. Так, сравнивая бюджетные данные по городу Гамбургу и Вологодской губернии, А.В.Чаянов приходит к выводу о том, "что наемные промышленные рабочие, продукция которых не зависит от их воли, почти не могут увеличить своего дохода свыше нормы, устанавливаемой условиями рынка труда. Единственные доступные формы этого увеличения - заработок жены и сдача в наем своей квартиры - поставлены в весьма узкие рамки, благодаря чему потребление едока... представляет собой частное от деления выработки работника на число приходящихся на него едоков"²⁴.

Подобную картину приходится наблюдать и в российской, и в западноевропейской промышленности, которая, независимо от страны, подчиняется законам товарного производства. Напротив, на самостоятельном сельскохозяйственном предприятии, т.е. в крестьянском некапиталистическом хозяйстве, где "продукция определяется самим хозяйствующим человеком, мы наблюдаем совершенно иную картину"²⁵.

Отклонения от теории встречаются не только в промышленности, но и в аграрном секторе. В конце своей

книги А.В.Чаянов, проанализировав эмпирические данные по Волоколамскому и Вологодскому уездам, утверждает: скорость возрастания бюджета превосходит скорость нарастания нетрудового дохода, а это совершенно противоречит первоначальной теории²⁶. Иными словами, теория, построенная для Западной Европы, не всегда работает в России.

Феноменология крестьянского труда

Основы чаяновской теории изложены в книге "Организация крестьянского хозяйства". Ее ядро составляет обоснование некапиталистической природы семейного крестьянского хозяйства, не имеющего категории заработной платы и преследующего специфические цели: удовлетворение потребностей семьи и равномерное распределение работ в течение года.

А.В.Чаянов считал, что 1) крестьянское хозяйство не использует заработной платы и потому к нему неприменимы категории традиционной экономической теории; 2) годовой продукт минус издержки составляет продукт труда, или чистый доход, который неделим далее на категории; 3) число работников, едоков и другие критерии, определяющие стоимость (а именно платы за технику, плата за кредит и проценты по кредиту, рента) в совокупности определяют кривую предельной полезности; 4) качество инструментов, естественные условия, например плодородие земли, улучшения, вносимые в землю, цена, по которой можно продать свой продукт, отдаленность рынка, возможности прирабатывать на стороне, нарушение календарных сроков работ - все это вместе определяет производительность труда, которая, в свою очередь, влияет на точку на кривой тягостности; 5) расположение этих

двух кривых относительно друг друга детерминирует точку равновесия, после которого следует сокращение приложения усилий, что, в свою очередь, влияет на объем произведенной продукции²⁷.

Из базовых положений теории А.В.Чаянова можно сделать следующие выводы:

1. Трудовая энергия работника стимулируется потребительскими запросами семьи. Значит, чем больше едоков в семье, тем больше выкладываться на работе приходится работающим членам. Итак, к максимальному труду человека снизу толкают растущие потребности семьи.

2. Объем прилагаемого труда ограничен сверху несколькими факторами. Первый - физические способности человека. Второй - квалификация (они не рассмотрены Чаяновым). Третий - мера тяжести труда. Когда человек начинает трудиться, то небольшие затраты энергии приносят ему удовольствие, но чем тяжелее труд, тем меньше удовольствия он приносит.

Таким образом, начиная с некоторого момента «дальнейшая затрата энергии уже требует волевого усилия»²⁸. Попробуем выразить основные положения теории Чаянова графически в серии придуманных для такого случая идеальных схем

Рассмотрим рис. 1. ось ОХ обозначает переменную «рост затрат трудовой энергии крестьянина», ось ОУ – «рост получаемого от работы удовольствия», или динамика удовлетворенности трудом. Мы видим, что кривая удовлетворенности трудом разбивается на две зоны: 1) положительная удовлетворенность (+) и 2) отрицательная удовлетворенность (-). Это означает, что до определенного момента крестьянин получает удовлетворение от затрачиваемых в своем хозяйстве трудо-

Рис. 1. Негативная и позитивная зоны удовлетворенности трудом.

Рис. 2. Отклонения в зоне удовлетворенности трудом.

вых усилий, работает с удовольствием. Однако начиная с некоторого момента с ним что-то происходит – работа перестает приносить ему эмоциональный подъем. Наоборот, он вызывает у него сначала тихое неприятие, а затем плохо скрываемое неудовольствие. Ему приходится мобилизовать дополнительные психологические силы для того, чтобы продолжать трудиться.

Разделительная линия проходит по точке волевого усилия. Начиная с некоторого момента (для каждого случая он свой), человек продолжает работать (затрачивать усилия), но без удовлетворения. Чем тяжелее труд, тем меньше удовлетворения.

Такова идеальная теоретическая траектория, от которой существует множество отклонений. Их суть состоит в следующем: человек, начиная с критической точки, продолжает работать, но удовлетворенность трудом либо 1) остается на нулевом (нейтральном) уровне, либо 2) приобретает положительный вектор.

Как и прежде, на рис. 2 ось ОХ обозначает затраты труда, а ось ОУ - удовлетворенность трудом. Все также кривая удовлетворенности тру-

дом поделена на две части: 1) позитивная удовлетворенность (+) и 2) негативная удовлетворенность (-). Однако на этом рисунке к главному вектору – появлению у крестьянина негативной мотивации после преодоления критического порога – добавились две новые возможности: крестьянин не обязательно будет терпеть преодолевать свое отчуждение к работе, но вполне может остаться к ней равнодушным либо даже испытывать удовольствие.

Что такое – трудиться или делать нечто с негативной мотивацией? Она рождается в трудовой крестьянской семье (крестьянское хозяйство), которая не нанимает дополнительных работников (трудится своими силами – мать, отец, подрастающие сын и дочь). Отец, чтобы прокормить семью, трудится, выкладываясь до определенного уровня. Как только он почувствует, что удовлетворил личные потребности, он перестает прилагать дополнительные усилия. А дальше каждая единица вновь затраченного труда дается слишком большой ценой. Пока работа идет с радостью – область положительной мотивации, но если каждая последующая единица затраты идет негативно – область отрицательной мотивации. Человек, в последнем случае, начинает прибегать к разным уловкам, чтобы не работать. Единственный работник будет работать столько, чтобы обеспечить хорошую жизнь для семьи.

Негативная реакция, когда нас спускают сверху вниз (нисходящая мобильность), это полностью отрицательная удовлетворенность. Поэтому, для того, чтобы человек сберег себя от излишне негативных переживаний, он обустроивается связями, подпорками, гарантиями, для того, чтобы передвигаться по горизонтали.

В каком случае удовлетворенность может вырасти и быть пози-

тивной? Видимо, когда приходит подпитка извне. В традиционном крестьянском хозяйстве внешних источников стимулирования труда и удовлетворенности немного или их нет вообще. В современном обществе у рабочих, а еще чаще у служащих, инженеров и творческих работников, их достаточно. Перевести стрелку негативных эмоций на позитивный подъем способны такие внешние стимулы труда, как 1) обещание служебного роста, 2) надежда на повышение зарплаты, 3) обогащение труда, т.е. превращение монотонной отупляющей работы в разнообразную и творческую. Человеку по-прежнему тяжело трудиться, работа изматывает его и он ею недоволен. Но в конце тоннеля забрезжил свет. Одна только иллюзия или ожидание на улучшение тяжелой доли способны негатив перевести в позитив.

Социальные психологи и социологи после Хотторнских экспериментов 1927-32 гг. осознали роль эмоциональных факторов труда. Вторая половина XX века целиком и полностью проходила под знаком гуманистических экспериментов по обогащению содержания труда. Индустриальный сектор народного хозяйства за прошедшее время совершил гигантский скачок вперед. А сельское хозяйство? В странах третьего мира, а нередко и в отдаленных селах России, аграрный труд остался все тем же – тяжелым и монотонным. Крестьянину сложно посулить прибавку к зарплате, карьерный рост или обогащение содержания труда. Сельский труд во многом закрыт для индустриальных новаций, а значит, возможности для перевода стрелки мотивации с минуса на плюс ограничены.

В тех случаях, когда удовлетворенность остается нулевой, это означает, что человеку его работа ни в радость, ни в горе, а просто терпима, т.е. что

называется «нормальная». Подпитка извне здесь также нужна, но небольшая: немного карьеры, немного уважения, немного заработной платы. Задача менеджера - преодолеть негативную неудовлетворенность.

Рассмотренные варианты действительны только при условии постоянного роста тяжести труда. Но в жизни часто бывает иначе. Человек хочет получать хоть какое-то удовлетворение от работы, но подпитки извне он не получает. Тогда он снижает затраты труда. Это и есть рестрикционизм, работа с прохладцей. Это явление процветало раньше и процветает ныне с сфере индустриального труда. Рестрикционизм – сознательное ограничение нормы выработки – открыл в конце XIX века родоначальник НОТ Фредерик Тейлор, а позже его описывали и анализировали Элтон Мэйо в Америке и Алексей Гастев в России. Изобразим феномен рестрикционизма.

На рис. 3 ось OX обозначает затраты труда, а ось OY - удовлетворенность работой. Здесь мы видим «завернутую стрелку». Дойдя до критического порога, человек, прилагаящий к работе трудовые усилия, повернул назад - в область позитивной удовлетворенности. Он сократил выработку, либо оставил ее на прежнем уровне, но не повысил. Это главное. Он считал, что за ту зарплату, которую он сейчас получает, больше вкалываться не следует. Более того, администрация срезает расценки, т.е. за ту же заработную плату вынуждает трудиться больше. Выразим на графике.

На рис. 4, который выражает теоретическую линию трудовой деятельности, ось OX обозначает рост выработки, или повышение производительности труда в час, а ось OY - рост заработной платы, которую предприниматель обычно выплачивает, когда видит, как старается его работник. Закономер-

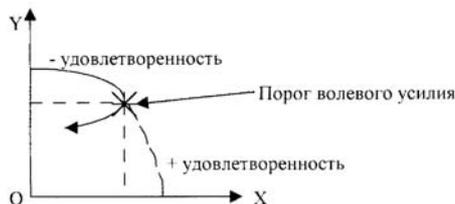

Рис. 3. Кривая рестрикционизма.

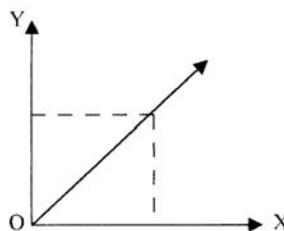

Рис. 4. Теоретическая линия трудовой деятельности.

ность, выраженная графически звучит так: пропорционально росту выработки растет зарплата.

На самом деле предприниматель вовсе не заинтересован платить много хорошо работающему человеку. Об этом свидетельствует как исторический опыт. Так и эмпирические исследования. На самом деле администрация заинтересована создать видимость того, что в случае повышения производительности она обязательно повысит зарплату. Но под разными предложениями она старается не делать этого, намереваясь меньше платить и больше получить от работника. Таков закон капитализма: меньше затрачивая и больше получай. Экономить приходится на всем, в том числе и на зарплате рабочим.

На рис. 5. ось OX обозначает рост выработки, а ось OY - рост заработной платы. Здесь изображены две отклоняющиеся от теоретической прямой пунктирные линии: переменная «I реальная прямая» отражает «гуманную» администрацию, которая снижает нормы, но ненамного; переменная «II реальная прямая» выражает действия зарвавшейся администрации, которая снижает расценки без зазре-

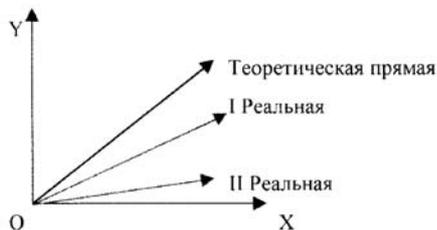

Рис. 5. Отклонения от теоретической траектории

Рис. 6. Субъективная оценка стоимости труда.

Рис. 7. Принудительные стимулы труда.

ния совести, буквально обирая рабочих до нитки. В первом случае рабочие были недовольны, но не бастовали. Во втором случае они уже бастуют либо работают с прохладцей. В первом случае они не снижали производительности труда, а во втором они могут сделать это. Рестрикционизм, или сознательное ограничение своей выработки, выражает классовый протест наемных работников против капиталиста. Так полагал Ф.Тейлор. Правда, Э.Мэйо видел причину в групповом сговоре рабочих против действий – производственного снижения расценок – администрации. Почему рабочие активно возражают, прибегая к замораживанию производительности труда? Видимо, был перейден некий

порог чувствительности, т.е. терпимости сложившейся ситуации. В результате на снижение расценок со стороны администрации рабочие ответили снижением выработки.

На рис. 6. по-прежнему ось OX – это рост выработки, а ось OY – рост зарплаты. На этот раз переменная «II реальная прямая» обрывается в критической точке. Она выражает субъективную оценку стоимости своего труда, которая существует у каждого человека, кто занят регулярным трудом, неважно умственным или физическим. И работники умственного, и работники физического труда примерно знают, сколько рублей или долларов стоит их труд. Если администрация им не доплачивает, они в ответ не дорабатывают. Здесь уместна поговорка: «Они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем».

В жизни возможны ситуации, когда администрация что называется в наглую снижает расценки, а в ответ рабочие все равно не снижают выработку. Это первоначальный или дикый капитализм, мелкий бизнес, где произвол хозяина ничем не ограничен, т.е. власть максимальна, а ответственность минимальна. Рабочим просто некуда деться: работу найти сложно, в стране царит безработица и властвует диктат беззакония.

На рис. 7 ось OX выражает рост выработки, а ось OY – рост зарплаты. В роли подпитки извне действует безработица, которая выполняет функцию принудительного стимула. Если на рис. 2 в роли внешнего раздражителя выступали служебный рост и повышение зарплаты, которые помогали человеку даже начиная с критического порога оставаться в зоне позитивной мотивации, то сейчас функцию побудителя выполняют негативные стимулы, в частности безработица и произвол хозяина предприятия. Под страхом индивид

трудится даже тогда, когда работа ему что называется остабрыгла, когда он ее видеть не может и трудится через силу. Но боязнь остаться без куска хлеба и пустить семью по миру вынуждают его преодолевать психологическое неприятие, мобилизуя дополнительные ресурсы организма. Осознание мужчиной того факта, что он и при таких трудных условиях выполняет функцию кормильца семьи может придавать ему дополнительные психологические силы, вселять в него радость и гордость за себя. А это означает, что мотивация из негативной области переходит в позитивную.

Рассмотрев критический порог, за которым крестьянин вместо радости от своего труда получает только неудовлетворенность, А.В.Чаянов вводит два новых понятия: 1) предельные единицы затрачиваемого труда (предельный труд), 2) предельная полезность затраченного труда для семьи. Теперь уже он оперирует графическим образом²⁹.

На рис. 8. у А.В.Чаянова обозначена только ось абсцисс, но ось ординат не названа. Как можно догадаться здесь ось OX – это сумма ценностей (в руб.), вырабатываемая работником за год (трудоуход), а ось OY – предельная тяжесть зарабатываемых денег. Кривая AB – степень тяжести приобретения предельного рубля. Кривая CD – высота предельной полезности этих рублей для семьи; X – точка равновесия между тяжестью труда и мерой удовлетворения потребностей. На самом деле, кривая CD называется у него по-разному: 1) «Высота предельной полезности этих рублей для хозяйствующей семьи», 2) «Эффект нарастания потребительских запросов семьи»³⁰.

Попробуем прояснить позицию А.В.Чаянова при помощи дополнительных и упрощенных графиков (рис. 9).

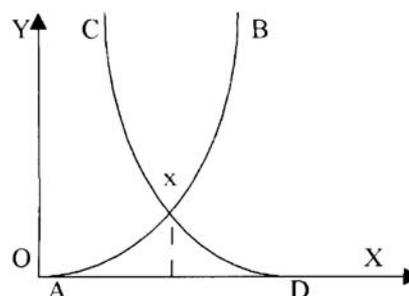

Рис. 8. Предельные категории А.В.Чаянова.

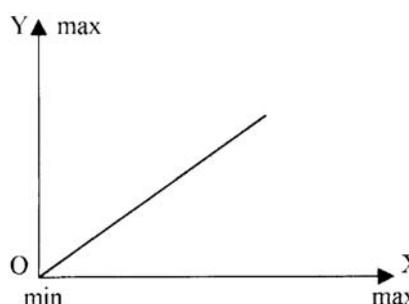

Рис. 9

OX – трудовой доход. OY – количество удовлетворений потребностей семьи. Чем больше потребностей семьи работник удовлетворил, тем меньше у него стимулов прилагать дополнительные усилия и больше трудиться. Чем труднее достается каждый следующий рубль, тем меньше желания у него трудиться.

На построенном А.В.Чаяновом графике пересеклись две кривые: одна показывает степень тягостности приобретения предельного рубля, а другая – высоту предельной полезности этих рублей. Сходящиеся с разных сторон кривые пересекаются в точке X . «На этом уровне продукции субъективная оценка рубля, добываемого предельным трудом, равняется субъективной оценке тягостности этого предельного труда»³¹. На графике точка X составляла у него 67 руб. Стало быть, субъективная оценка 20-го, 30-го или 40-го рубля останется еще достаточно

высокой. Но по мере приближения к роковой черте в 67 каждый заработанный рубль субъективно будет тягаться и в точке пересечения достигнет нуля. А что дальше? Выражаясь фигурально, после 67 рубль превратится в величину отрицательную. «Всякий следующий рубль по своей предельной полезности будет оцениваться ниже, чем тягостность его добывания. Обратное - всякий предыдущий рубль оценивался выше, чем усилия, направленные на его добывание, и тем стимулировал свою добычу»³².

Таким образом, сумма 67 рублей - точка равновесия, на которой должно приостановиться дальнейшее производство продукции. Это критическая точка, сигнализирующая об остановке трудовой деятельности. Дальше человек трудиться не будет. Не должно трудиться и крестьянское хозяйство, ибо «по мере возрастания суммы годовой выработки субъективная оценка предельного рубля будет всегда падать, а тягостность его добычи - всегда возрастать»³³.

Итак, в графической модели А.В. Чаянова задействованы такие понятия, как представление крестьянина (рабочего в других исследованиях) о хорошей жизни, т.е. достаточном доходе семьи, после которого трудится сверх сил уже не стоит, а также порог насыщения, который предполагает, что начиная с некоторого уровня прилагаемых трудовых усилий каждое следующее трудовое действие приносит больше вреда, нежели пользы. В той или иной степени они будут рассмотрены нами дальше, когда речь пойдет о родственных чаяновским воззрениях других мыслителей.

Комментируя теорию А.В. Чаянова, Э.Дарренбергер пишет: «Чаянов пытался связать две независимые

переменные непосредственно с чистым продуктом. Это все, что он мог делать с вычислительным аппаратом, который находился в его распоряжении. Внутренняя структура модели оставалась гипотетической, хотя и вполне правдоподобной. Однако сегодня мы не можем довольствоваться подобного рода аргументацией. Мы обязаны конкретизировать все связи в теоретической модели и определить их веса. Поступать так требует метод спецификации точки равновесия для каждого конкретного хозяйства, что, в свою очередь, заставляет устанавливать точку равновесия между выгодой и тягостностью на объективных и эмпирически фиксируемых данных»³⁴.

От душевого потребления к человеческим потребностям

Одним из важных методических инструментов исследования в ранних работах А.В. Чаянова служит коэффициент «едоки/работники» (до него данный коэффициент использовал А.И.Васильчиков³⁵), раскрывающий отношение числа всех едоков в семье к числу всех работников. С его помощью А.В. Чаянов пытается анализировать размер семейного бюджета и объем душевого потребления в крестьянском хозяйстве (в более поздних работах он, под влиянием критики, отказывается от него в пользу многофакторной модели формирования крестьянских доходов).

Намереваясь изучить объем и качество потребления в крестьянской семье, А.В. Чаянов столкнулся с проблемой потребностей, которая в начале XX века в отечественной литературе не подвергалась глубокому анализу. Уходит от него и А.В. Чаянов, правда, оговариваясь, что потребности можно разделить на две группы: 1) насущные, или первейшие

жизненные потребности, определяемые физическими причинами (потребность в пище, одежде, жилище), которые еще называются объективными; 2) ненасущные, или субъективные, определяемые причинами психическими. Первые у большинства людей, прежде всего крестьян (и это удалось установить эмпирическим путем), как правило, однородные и постоянные, а вторые у разных людей разные³⁶.

В большей степени А.В.Чаянова интересуют первейшие жизненные потребности хотя бы уже потому, что они имеют прямой выход на экономические переменные типа бюджета семьи, количества работников и едоков, обрабатываемая площадь, используемая техника, семейный доход. Такие «экономические» потребности А.В.Чаянов называет часто «потребительными запросами» и «запросами потребления». Эмпирическим путем ему удалось установить ряд тенденций, а именно: наблюдается тесная взаимосвязь между потребностями семьи и ее хозяйственной деятельностью; при равных производственных условиях продукция работника определяется потребительными запросами его семьи; существует некоторое подвижное равновесие между запросами потребления и производительностью труда³⁷; при одной и той же площади землевладения крестьянин под давлением роста числа неработоспособных домоладцев соответственно повышает производительность труда и объем продукции³⁸.

Проследивая количественное изменение потребностей, приходящихся на одного человека, А.В.Чаянов разделяет две категории крестьян - работоспособных хозяйствующих субъектов (работников) и неработоспособных домоладцев (едоков). Оказывается, что чем выше доля едо-

ков и ниже доля работников, тем меньше суммарная выработка хозяйств, скромнее личный бюджет³⁹. Сравнивая эмпирические данные из разных стран, А.В.Чаянов приходит к выводу, что вытекающее из теории положение применимо к европейским странам, в частности Швейцарии, и неприменимо к России. Глубокое отличие русского крестьянского хозяйства выражается в том, что «едок не сокращает своего потребления по мере увеличения отношения едоки/работники, а работник увеличивает свою продукцию пропорционально этому отношению»⁴⁰. Такое возможно при двух условиях: 1) «когда тягостность добычи предельной единицы ценности не возрастает по мере увеличения суммы выработки»⁴¹ (иными словами, если в России нарушается основной постулат чаяновской теории, разработанной первоначально на европейских материалах); 2) «когда после удовлетворения главнейших потребностей удовлетворение остальных имеет ценность несравненно меньшую»⁴², иными словами, если, как то считает С.К.Олексенко, «существующий низкий уровень крестьянского хозяйства находится в полном соответствии с низким уровнем общей культуры русской деревни»⁴³. И опять же это весьма характерно для России. А.В.Чаянов полагает, что вторая причина более распространена в стране, хотя тут же оговаривается, что скудость эмпирико-статистической базы не дает возможности проверить данную гипотезу.

Уровень потребления и культура населения

А если бы она подтвердилась, к какому выводу могли бы прийти социологи и историки? Русский крестьянин повышает производительность труда лишь до уровня, необхо-

димого для удовлетворения первейших, или самых элементарных потребностей. Западноевропейский крестьянин и промышленный рабочий готовы трудиться и дальше, т.е. ради удовлетворения вторичных потребностей, которые способствуют культурному развитию личности. Для этого он готов эксплуатировать себя сверх всякой меры. Но объективно он этого сделать не может - его возможности ограничивает капиталистический рынок. Русский крестьянин повышать до бесконечности трудовые затраты не будет - не разумно. Тогда остается иной выход - ограничивать свои потребности и амбиции.

Социологически ситуация ясна: в развитых городских центрах, каковыми являются западноевропейские города, человеку есть на что потратить деньги кроме пищи и одежды. Индустрия досуга предоставит широкий спектр вторичных потребностей. В глухой русской деревушке тратить "лишние" деньги негде. Стало быть, чем ниже культурный уровень страны, тем меньше у человека стимулов интенсивно трудиться. Но тем менее развитым в культурном отношении остается сам работник.

А.В.Чаянов был недалек от такого вывода, хотя прямо нигде его не провозглашает. Но косвенные свидетельства имеются. Так, тип потребностей повышается там, где больше используется наемный труд и крупнее хозяйства. А это значит, что в зажиточных хозяйствах выше технологическая вооруженность и культура труда, выше оплата труда и лучше развиты потребности людей, так как выше вероятность того, что деньги найдутся для удовлетворения не только первичных, но и вторичных потребностей. В зажиточных хозяйствах меньше вероятность сознательного ограничения нормы выработки, т.е. "возможен случай посто-

янства напряжения труда, который может быть усугублен высшей оплатой труда благодаря более культурному способу ведения хозяйства"⁴⁴. Иначе говоря, в зажиточных хозяйствах выше культура труда, шире применяются технологии, облегчающие труд, выше заработок и доход, но и шире применяется наемный труд.

Если этот вывод логически вытекает из теории А.В.Чаянова, а это действительно так, то тогда непонятен его пафос в защиту трудовых крестьянских хозяйств, не пользующихся наемным трудом. К сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть теорию А.В.Чаянова нельзя: до революции, когда она создавалась, статистика по стране была неполной, она не давала репрезентативных данных (о чем постоянно говорили русские статистики), а после революции этого сделать и вовсе стало невозможно. Так как исчезли сами крестьянские хозяйства.

Изучая российскую деревню, Чаянов обнаружил в ней "два полярных процесса: рост капиталистических элементов, преследующих прибыль на вложенный капитал, и довольно устойчивое состояние малоимущих трудовых хозяйств, каждое из которых было представлено одной семьей. Существование и развитие таких хозяйств было довольно трудно объяснить с позиций классической политэкономии"⁴⁵. Если наличное экономическое знание не помогало объяснить культурную специфику трудового поведения русского крестьянства, Чаянову пришлось порвать с классическими традициями и искать собственные теоретические пути. Он обнаружил их в конкретном социальном материале и доказал, что стратегия хозяйственной деятельности трудового крестьянина определяется не величиной наличного капитала, а размером семьи, ко-

торая выступала единственной доступной крестьянину рабочей силой. Крестьянская семья интуитивно нащупывала оптимальный вариант технической вооруженности для своего хозяйства. Труд за этой чертой становился физически непосильным и экономически невыгодным. Причины своеобразного поведения и выбора экономической стратегии русского крестьянства надо видеть также в исторических факторах, а именно к сохраняющемуся длительное время тяготению русского крестьянства к традиционному укладу жизни и принципам общинного самоуправления. Ориентация на традиционно-коллективистские ценности семейной и трудовой жизни существовали и после реформы 1861 г. Хотя, несомненно, она вызвала в жизни крестьянства существенные изменения. Земледелие в целом становилось товарным, так как в товар превращалась не только конечная продукция (зерно), но и сама предпосылка труда - земля. На смену примитивной трехпольной системе и доисторической сохе пришли современные севообороты и агротехника. Стало углубляться социальное расслоение крестьянства. Однако «сельское хозяйство страны не пошло по пути капиталистической промышленности. Длительная его эволюция в качестве главной его силы выдвинула семейную форму трудовой организации, т.е. работу без привлечения наемной силы или, в крайнем случае, с привлечением ее в «пиковые» моменты уборки урожая»⁴⁶.

Денежный мотив

Деньги удовлетворяют множество потребностей. На низшем, физиологическом уровне они дают средства существования - кормят, поят, укрывают и одевают людей. Если у индивида твердый и относи-

тельно высокий заработок, он может уверенно смотреть в будущее и удовлетворять потребность в безопасности. На социальном уровне они также играют важную роль, ибо удовлетворяют потребность в принадлежности своему кругу. Так, приобретение спортивного автомобиля позволяет быть членом профессионального клуба, мотоцикла - рокерской группы, спортивной одежды - хоккейной команды. Деньги служат измерителем признания (статусным символом). Высокая зарплата означает высокую вашего труда администрацией. Даже на высшем уровне деньги - вещь не второстепенная. Некоторые люди ставят целью стать миллионером, для них деньги - средство самореализации.

Система оплаты для производительного рабочего не является самым надежным мотивационным инструментом, им является, как доказал Э.Мэйо, малая группа. У.Ф.Уайт применил специальный индекс - отношение числа передовиков - мастеров высокой выработки к числу описывающих, плюс ограничивающих выработку - к США и установил, что только около 10% рабочих в производстве США способны проигнорировать групповое давление и производить так много, как это предполагает оплата их труда⁴⁷. В то время как рабочий заинтересован в улучшении своего материального уровня, существует множество других соображений - мнение товарищей, его собственный комфорт и гарантия занятости, которые, по мнению С.Геллермана, ограничивают его прямой, автоматический и позитивный ответ на действие поощрительной системы. Сами по себе деньги не имеют внутреннего значения, но они могут символизировать почти любую потребность, которую индивид захочет выразить через них. Ина-

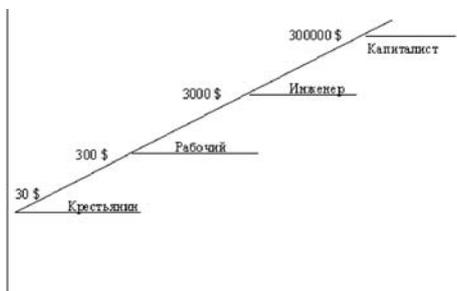

Рис. 10. Взаимосвязь социальной страты, количества денег и представлений о хорошей жизни.

че говоря, деньги означают то, что человек желает, чтобы они означали⁴⁸.

Ф. Херцберг всесторонне изучил роль материального вознаграждения. Он установил, что бесконечное увеличение заработной платы не служит прямой причиной увеличения производительности труда. Вы можете повышать оплату труда до определенной планки, после которой дальнейшее повышение не будет влиять на производительность. Вначале прирост зарплаты заставляет человека трудиться лучше. Но когда она достигает того уровня, при котором его понятия о хорошей жизни удовлетворены, он перестает трудиться лучше. Как мы помним из исследований М. Вебера, прусскому крестьянину предлагали лучше трудиться и обрабатывать земли больше, чем он обрабатывал до этого. За это ему предлагали повысить оплату за этот труд. Но он отказался и объяснил это тем, что тех денег, которые он зарабатывал ему хватает, и больше ему просто не нужно. Если у человека нет потребностей в деньгах, то нет и капитализма.

Так что, первое, что должен запомнить руководитель, - это не сорить деньгами. Повышение заработной платы должно иметь свой предел. Здесь существует и *психологический барьер*. Если вы даете пре-

мию сотруднику в размере 7-10% от зарплаты, то она будет стимулом ему в первый раз. Но в следующий раз он будет ждать такой же прибавки. Если ее не будет или она будет уменьшена, то он воспримет это как наказание.

Социальные психологи рассчитали: порог интереса к увеличению зарплаты находится на уровне "одной тысячной", т.е. 0,1%. Иначе говоря, если ваш оклад составляет 1 млн. долл., то прибавка в 1000 долл. покажется вам незначительной. Хотя другому человеку, а таких в России большинство, она поможет решить очень важные проблемы в жизни. Чтобы чиновник пренебрег взяткой в 5000 рублей, его зарплата должна быть менее 5 млн. рублей. Это не значит, что он не возьмет пять тысяч. Просто 10 000 он возьмет обязательно.

Таким образом, надежный инструмент управления, повышение зарплаты, каким его считали раньше, действует до известных границ. Они определяются субъективными представлениями человека о том, что такое для него *хорошая жизнь*. Рабочий удовлетворится малым, а потому не станет гнуть шею ради маячащего на горизонте миллиона, если, разумеется, каждая копейка достается ему большим трудом. Напротив, предпринимателя эти деньги не устроят, ему нужно гораздо больше. Но тоже до известного уровня, который он себе задает сам представлением о том, что такое для него хороший бизнес.

Роль денег в мотивационной картине Херцберга ярко иллюстрирует С. Косен: «Представьте, что когда Вы посещали колледж, Вы жили со своими родителями, которые регулярно давали Вам достаточно большую сумму денег на карманные расходы. Ваш отец, супервайзер на заводе

автомобилей, был уволен по сокращению штатов: операции, которыми он занимался, а именно контроль качества продукции, были упразднены. К сожалению, ваш источник поступления денег на карманные расходы временно иссяк. Принимая эти деньги как нечто само собой разумеющееся, Вы возможно нашли, что прекращение выдачи карманных денег (гигиенический фактор) создает в Вашем сознании (и в Вашем бумажнике!) ощущение *неудовлетворенности*, хотя карманные деньги не оказывали ровным счетом никакого влияния на Ваше поведение в то время, когда Вы их получали»⁴⁹.

Кроме того, деньги как гигиенический фактор выступает значимой величиной для работника, т. е. своеобразным раздражителем, только тогда, когда их не хватает. Достаточная сумма мотивирует человека лишь краткое время - месяц-два после повышения зарплаты. Позже ему хочется еще больше. Рост производительности труда приостанавливается. Если работник считает свою зарплату справедливой, он трудится хорошо, а если нет - выработка падает, а неудовлетворенность растет. Подавляющее большинство работников большую часть своей трудовой жизни, если судить по данным социологических опросов и наблюдениям, считают, что начальство их недооценивает.

Чаянов много писал о роли семьи как главном факторе, определяющем уровень производительности труда в крестьянском хозяйстве. Чем больше едоков в семье, т. е. нетрудоспособных членов, тем больше приходится трудиться мужчине или другому работоспособному члену. То есть тем выше его производительность, тем больше времени он проводит на работе, тем больше он устает. Так было в традиционном обществе.

Но разве не так происходит и в современном обществе? Разве мужчина не отдает последние силы, чтобы прокормить семью? Значит, эта закономерность работает и сейчас. Но почему советские ученые так мало уделяли внимание семье как фактору производительности? Они изучали что угодно, только не ее: влияние на производительность стилия руководства, квалификации, условий и орудий труда, оплаты и т. п., но семью оставляли в покое.

На Западе одним из первых в 1970-е годы на семью как фактор производительности труда обратил внимание П. Бергер. Но он рассматривал ее в общем ряду с другими факторами. Почему в общем, почему как рядовой, а не выдающийся, не главный фактор? Потому что американское общество далеко ушло от доиндустриального и даже индустриального типа. А это значит индивидуализацию и атомизацию социальной жизни, распадение больших семей и их нуклеаризацию. В современной семье уже нет такого количества едоков на одного работника, как в старой многопоколенной семье. Но там, где едоков много, например, несколько малолетних семей (что встречается и в американских семьях), там отец выбивается из сил, а еще и жена ему помогает.

В советском обществе решающими факторами могли быть два: 1) состав семьи в смысле соотношения едоки/работники, 2) возможности тратить заработанные деньги. Первый фактор тянет нас к традиционному обществу. Еще Вебер писал, а Ф. Херцберг дополнил, что человек зарабатывает ровно столько, сколько надо для поддержания хорошей жизни. И не больше. Чаянов поправлял: человек повышает выработку до тех пор, пока ему нужно кормить семью из едоков и пока затрачиваемые

усилия покрываются получаемым вознаграждением. Как только ему становится работать не в состоянии, а получает он все меньше, человек прекращает вкалывать. Правда, и денег он теперь получит меньше. Значит, ему будет не хватать на жизнь? Нет будет, поскольку он резко сократит круг своих потребностей. И теперь ему хватит на жизнь, ибо под "жизнью" он понимает теперь гораздо меньший круг потребностей. Ужавшись в своих желаниях, человек выкручивается.

Между теориями Вебера, Херцберга и Чаянова, таким образом, прослеживается прямая методологическая связь. Их общая почва - круг потребностей, роль денег и семьи.

Советская экономика - смешанный тип экономики. Ее нельзя описать категориями классического капитализма. Ее нельзя описать и категориями социалистической экономики, которые придумали наши ученые в 60-80-е годы. В огромном централизованном плановом механизме народного хозяйства СССР сохранились большие вкрапления традиционной экономики, модели поведения в которой можно описать только при помощи теории Чаянова, а значит Вебера и Херцберга. Но этого не делали.

Ссылки:

- 1 А.В.Чаянов и его теория семейного хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.34-35.
- 2 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.34.
- 3 Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 1-11. Спб., 1900.
- 4 Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Одесса, 1906.
- 5 Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1-3.

Саратов-М., 1909-1914.

6 Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1913.

7 Черненко Н.Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. 11. М., 1905

8 Книпович Б.Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. Спб., 1912.

9 Вихляев П.А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 1-10. М., 1912-1917.

10 А.В.Чаянов и его теория семейного хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. с.30-31.

11 Макаров Н.П. Крестьянские бюджеты по Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1924.

12 Челинцев А.Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике. Спб., 1910.

13 Durrenberger E. Paul, (ed.). Chayanov, Peasants and economic anthropology. N.Y.: Academic Press, Inc., 1984. p.7.

14 Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. с. 10-11.

15 Шрадер Х. Экономическая антропология. Спб., 1999. с.36.

16 Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1922.

17 Шрадер Х. Экономическая антропология. Спб., 1999. с.41.

18 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. с.454.

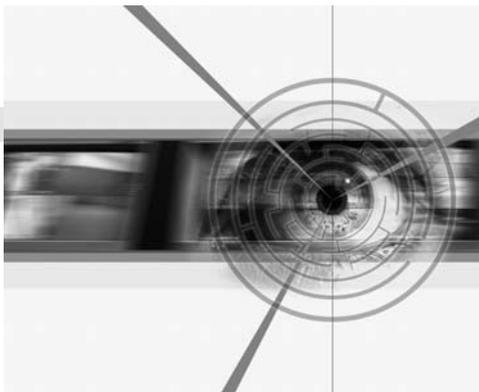
19 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.70.

20 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.70-71.

21 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.73.

- 22 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.445.
- 23 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.82.
- 24 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.84.
- 25 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.84.
- 26 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.88.
- 27 Durrenberger E. Paul, (ed.). Chayanov, Peasants and economic anthropology. N.Y.: Academic Press, Inc., 1984. p. 12.
- 28 Чаянов А. Крестьянское хозяйство. М., 1989. с. 244
- 29 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. с.245.
- 30 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. с.245, 246.
- 31 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.71.
- 32 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.71.
- 33 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.72.
- 34 Durrenberger E. Paul, (ed.). Chayanov, Peasants and economic anthropology. N.Y.: Academic Press, Inc., 1984. p. 12.
- 35 Васильчиков А.И. Сельский быт и сельское хозяйство России. М., 1881.
- 36 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.76.
- 37 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.106.
- 38 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.107.
- 39 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.446.
- 40 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.80.
- 41 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.80.
- 42 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.80.
- 43 Олексенко С.К. О зависимости успеха агрономических мероприятий от уровня общей культуры населения // Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Юга России. Екатеринослав, 1910. с.41.
- 44 Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. с.89.
- 45 Никонов А. Наследие Чаянова // Знание-сила. 1988. № 5. с.57.
- 46 Никонов А. Наследие Чаянова // Знание-сила. 1988. № 5. с.55.
- 47 Whyte W.F. (ed.) Money and Motivation. N.Y., 1955.
- 48 Gellerman S. W. Motivation in the real world: The art of getting extra effort from everyone-including yourself. N.Y.: Dutton, 1992; Gellerman S.W. Why «good» managers make bad ethical choices // Harvard Business Review 64(4) (Jul-Aug, 1986), 85- 90.
- 49 Kossen S. The Human Side of Organizations. N.Y., 1994. p. 168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проект «Электронный научно-образовательный комплекс»

Осенью 2012 г. Ученый Совет социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова утвердил стратегическую программу развития электронного обучения студентов на ближайшие годы.

Цель проекта: подготовка информационной, интерактивной, мультимедийной базы, разработка сопровождающего его пакета методических материалов и инструкций, подготовка современных электронных курсов и учебников, охватывающих вначале основные, а затем и все учебные курсы, существующие на факультете.

Актуальность проекта. Актуальность перехода учебных курсов с бумажных на электронные носители, кардинальная перестройка всего учебного процесса в соответствии с требованиями болонского процесса и достижениями информационных технологий ни у кого не вызывает сомнений. Отдельные попытки, происходившие на нашем факультете в прежние годы, так и не превратились в единую систему информатизации, во многом потому, что не было создано необходимого социологического и научно-методического контента:

новых по содержанию учебников и учебных пособий, инструкций для тьюторов по практике проведения семинаров и консультативных занятий со студентами, а также для самих студентов по написанию письменных эссе, проведению социологических практикумов, групповых проектов и дискуссий, студенческой конференции, прохождению семестрового и сессионного тестирования и т.д. Речь идет о развитии на факультете e-Learning – обучения, построенного с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Оно охватывает весь спектр действий, начиная от поддержки процесса обучения, до доставки учебного контента слушателям.

В этой области мы отстаем от развитых стран, прежде всего США на 10-15 лет, а наш факультет отстает еще и от других факультетов МГУ и некоторых социологических факультетов других вузов. Необходимость кардинальной перестройки учебного процесса, а она предполагает также переобучение преподавателей, организацию экспериментов по отработке комплекса методических материалов, переписывание всех

учебников и учебных пособий, создание учебных фильмов, электронной библиотеки на тысячи и тысячи единиц информации, выделение соответствующего финансирования, сотрудничество с компаниями, производящими электронные инструменты и программы, назрела также в силу следующих обстоятельств:

1. Школьники, т.е. наши будущие абитуриенты уже переходят на электронные учебники по распоряжению Министерства образования от 2011 г., а кроме того они знают компьютер и владеют Интернетом гораздо лучше того, что им могут предложить на факультете в рамках образовательного процесса;

2. Наши конкуренты, т.е. другие факультеты и институты, готовящие кадры социологов, уже частично перешли, а в настоящее время еще более активно переходят на современные информационные технологии, внедрение которых может сделать нас не конкурентно способными на рынок образовательных услуг;

2. Стратегия руководства МГУ, в том числе и его ректора, направлена на перевод всех факультетов на современные информационные технологии, невыполнение такого распоряжения может граничить с непризнанием факультета в качестве дееспособной организационной единицы.

Обоснование проекта. Пока еще не все потеряно. В настоящее время в России не существует электронных учебников по социологии, выполненных в полном соответствии с международными требованиями и на современном уровне развития информационных технологий. Выпущены следующие книги: Кравченко С.А. CD. Социология; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы: интерактивное учебное пособие — М.: Институт

социологии РАН. 2011. 1 CD ROM; Фролов С.С. Общая социология. Электронный учебник (CD). Кнорус, 2010. они представляют собой перенесенный на электронные носителя обычный бумажный текст учебника с некоторыми гиперссылками. Выходящие электронные книги монографического типа (в частности Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. — М.: ИС РАН, 2012. — 1 CD ROM; Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование— М.: Институт социологии РАН, 2010. - 277 с. 1 CD ROM). Они представляют собой электронные версии (копии) бумажных учебников. Кроме отдельных попыток компьютерного тестирования, проведения интерактивных семинаров, групповых обсуждений фильмов, обмена электронными письмами. Сегодня очевидно, что учебники не должны быть просто отсканированными копиями бумажной версии.

Сегодняшние студенты, судя по опросам автора, мало читают научно-популярную и общественно-политическую литературу, документалистику в газетах и журналах, не говоря уже о научных статьях и монографиях по социологии, не заходят на соответствующие сайты в Интернете, не смотрят документальные и познавательные фильмы. Современные студенты и школьники — в основном сетевое поколение. Информационные коммуникационные технологии стали их рабочим инструментом. И если студент не идет в библиотеку, следовательно, библиотека должна прийти к студенту. В новом проекте предусмотрено построение огромной базы данных, куда войдут не толь-

ко отсканированные либо доступные в Интернете тексты классиков социологии, монографии, статьи, но также публицистика, документы, фото и видео материалы, учебные, научно-популярные и публицистические фильмы и т.д., которые помогут более глубокому освоению социологии. Ссылки на них будут в обязательном списке учебника, они могут и должны использоваться по самостоятельной домашней работе, подготовке устных докладов и письменных эссе, работе на семинарах. Такая база данных будет полезна как студентам, так и преподавателям. Она будет охватывать все или большинство тем, изучаемых на социологическом факультете, причем на разных языках. Хотя широкий спектр методов дистанционного обучения позволяет выбирать метод с учётом индивидуальных требований и предпочтений слушателя, E-learning не исключает общение с преподавателем лицом к лицу.

Инновации в образовании предполагают, в частности, включение в реальный образовательный процесс современных информационных образовательных технологий (учебно-методических комплексов, виртуальных лабораторий, мультимедийных учебников, моделирующих комплексов, тестирующих программ и т.д.).

Требования, предъявляемые к учебному комплексу:

- комплекс должен содержать материалы лекций, практических занятий, лабораторных работ, разнообразные приложения для самоконтроля, исторические и другие необходимые сведения;

- комплекс должен предусматривать программное обеспечение компьютерной поддержки;

- комплекс должен содержать развитый аппарат организации усвоения материала: теоретические воп-

росы и упражнения в конце каждой лекции, формулировку цели занятия и теоретические вопросы, предваряющие практическую часть занятия, задачи и упражнения для самостоятельной работы студентов, материалы для самоконтроля по каждой теме (с ответами и указаниями), а также варианты контрольных и лабораторных работ, коллоквиумов, примерные программы и образцы билетов для зачета и экзамена;

- стиль и методика изложения должны побуждать к творчеству, вызывать желание углубить полученные знания, в частности, используя модули расширения;

- комплекс должен быть универсальным и доступным для студентов и преподавателей через библиотеки вузов;

- комплекс должен иметь электронную версию, пригодную для совершенствования, адаптации и создания рабочих тетрадей.

Электронные учебные ресурсы, создаваемые в университете, относятся к программно-информационным средствам учебного процесса, пользователями которого являются студенты, преподаватели и администрация университета.

При разработке электронных обучающих систем предлагается, в первую очередь, использовать программные и аппаратные средства, имеющиеся в университете:

- компьютерная техника, периферийные устройства (сканеры, цифровые фото- и видеокамеры, насадки для микроскопов) и другое оборудование;

- программная оболочка для создания и чтения электронных учебных изданий (SunRav BookOffice Pro);

- программа для разработки тестовых материалов и проведения компьютерного тестирования (SunRav TestOffice Pro);

- программные средства для публикации электронных учебных материалов и тестовых заданий в сети интернет (BookOfficePro.Web, TestOffice Pro.Web);

- программы для создания и редактирования совокупности информационных страниц и тестовых упражнений, в том числе и в гипертекстовом формате (перечень лицензированного программного обеспечения должен быть опубликован на сайте университета).

Электронное издание (ЭИ) представляет собой совокупность графической, текстовой, цифровой, речевой, музыкальной, видео-, фото- и другой информации. В одном электронном издании могут быть выделены информационные (или информационно-справочные) источники, инструменты создания и обработки информации, управляющие структуры.

Подготовка текстового и иллюстративного материала для электронных учебных ресурсов производится с использованием лицензионных стандартных программных средств (текстовые и графические редакторы, анимационные программные пакеты, видео- и аудиорекодеры) по выбору автора(ов) электронного учебного издания.

Электронный учебник – это программно-методический комплекс, обеспечивающий возможность самостоятельно или с помощью преподавателя освоить учебный курс или его раздел на уровне знаний, умений. Электронный учебник или курс обычно содержит три составляющих: 1 - презентационная часть, в которой излагается основная информация по курсу; 2 – обучающая часть в виде упражнений (других обучающих форм), с помощью которых информация переходит в разряд знаний; 3 – контролирующая часть (тесты, видеозадачи, программ опросы

и др.). Контролирующий комплекс позволяет проводить объективную оценку освоения студентом дисциплинарного курса.

Компьютерный контролирующий комплекс состоит из банка задач и программных средств формирования и выдачи вариантов контрольных заданий, компьютерной поддержки решения, приема ответов, их проверки и регистрации результатов. Кроме того он содержит систему генерации задач, состоящей из банка шаблонов и программного средства, которое по шаблону составляет задачи, находит к ним ответы и составляет программы для проверки правильности решений.

Электронная образовательная среда факультета включает различные электронные образовательные средства: курсы мультимедиа лекций, курсы семинарских занятий и комбинированных уроков, электронные учебники и др.

Каждый электронный курс включает в себя иллюстрированный учебник, обширный набор интерактивных моделей, журнал учета работы студента, вопросы и задачи, поисковую систему. Важной особенностью, характеризующей разрабатываемые на факультете электронные курсы, станет большое количество интерактивных компьютерных экспериментов.

В процессе разработки будут использоваться лучшие практики педагогического дизайна, соответствующие международным стандартам. Для решения поставленных задач намечается партнерское сотрудничество с ведущими отечественными и международными компаниями, создающими электронные и мультимедийные образовательные комплексы (в частности, компания Competentum, Интернет-сообщества Academia XXI, Центр eLearning). Обеспечение электронного продукта высокого каче-

ства невозможно без участия в его разработке ведущих специалистов в конкретной области, педагогических дизайнеров, ИКТ-специалистов высшей квалификации (программистов, системных администраторов, системных аналитиков и т.д.).

Реализация проекта рассчитана на несколько лет. На первом этапе формируется эталонный образец электронного научно-образовательного комплекса на примере курса «Общая социология». На втором этапе создается разветвленная многоуровневая информационная среда для всего факультета, подготавливается необходимый научно-методический инструментарий для тьюторов (инструкции, тесты, практикумы и т.д.). На третьем этапе формируются электронные учебные комплексы по базовым направлениям, а именно теория и история социологии, методология и методика исследований. На четвертом этапе происходит подготовка молодых преподавателей и тьюторов для работы в формате современных информационных технологий. На пятом этапе идет подготовка остальных курсов, существующих на разных кафедрах факультета, и происходит завершение проекта. В дальнейшем предусматривается его развитие и совер-

шенствование по мере разработки и поступления на рынок новых программ и информационных инструментов, углубления содержания общих и специальных курсов социологии, обновления кадров и т.д.

Руководителем всего проекта является д.с.н., проф. А.И.Кравченко

В базовую рабочую группу проекта входят:

Д.ф.н., проф. Добренков В.И. – административная часть проекта; направление – теория и история;

Кравченко А.И. – подготовка цифрового контента проекта, методическое и организационное руководство; направление – общая социология;

Д.ф.н., проф. Аверин Ю.П. – практико-методические разработки; направление – методология и методика;

К.с.н. Синяков А.В. – компьютерное и методическое обеспечение информационной базы проекта.

В рамках проекта предполагается формирование нескольких временных рабочих групп с участием сотрудников факультета и студентов.

Проект предполагает серьезную финансовую поддержку за счет средств социологического факультета и университета.

Кафедра социальной структуры и социальных процессов

Осенью 2012 г. Ученый Совет социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова одобрил концепцию развития двух новых кафедр факультета – Социальной структуры и социальных процессов, Социологии религии и социальной антропологии

Концептуальная схема построения знания

Теоретико-методологическое обоснование необходимости существования новой кафедры

Круг изучаемых проблем

Место и статус данной кафедры в научно-образовательном комплексе всего факультета

Кадровое обеспечение

Перечень спецкурсов и дисциплин

Методы обучения

Социальная структура - совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, социальных институтов и отношений между ними. Социальная структура в социологии понимается как особый порядок (расположение) социальных институтов, помогающий людям взаимодействовать и устраивать совместное проживание. Социальная структура в социологии анализируется в тесной связи с понятием статусов, социальных институтов и социальных отношений.

Данная кафедра занимает ключевое положение в образовательном комплексе социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова наряду с двумя другими, традиционно самыми сильными, кафедрами, а именно кафедрой истории и теории, кафедрой методологии социологического исследования. Они суще-

ствуют на факультете более 20 лет, а равноценной им не отраслевой кафедры, которая объединила бы в себе самые фундаментальные категории социологии, до сих пор не было. В результате проблематика современной социологии была растащена на множество отраслевых кафедр. Однако ни по отдельности, ни в совокупности они не охватывали такие проблемы, как социальная стратификация, социальное неравенство, бедность и богатство, социальная мобильность и миграция, социальный контроль и девиантное поведение, социальная интеракция и социальные конфликты. Самые главные вопросы социологии не изучались и не преподавались, хотя, разумеется, постоянно затрагивались, но под своим, прикладным, углом на отраслевых кафедрах, в том числе кафедре социологии семьи, экономической социологии, политической социологии и др.

Собрать все силы в единый кулак призвана новая кафедра, которая в силу изучаемой проблематики автоматически становится одной из центральных, если не центральной. Дело в том, что кафедра истории и теории, а также кафедра методологии социологического исследования выполняет в известном смысле обслуживающую функцию, ибо готовят студентов к методике эмпирических исследований, знакомят их с воззрениями прошлых лет либо формируют целостную картину социологии через призму ее фундаментальных категорий (курс общей социологии). Однако в большой науке это лишь пропедевтика, сама она начинается с конкретного и специального исследования воп-

цессы». Изменение социальной структуры общества, особенно такого противоречивого и многообразного, каким является российское общество, вызывает множество последствий, которые необходимо тщательно и всесторонне изучать. В их числе: углубление социальной дифференциации общества, формирование зон маргинальности, потоки миграции и каналы социальной мобильности, динамика социальной напряженности в современном российском обществе и построение

росов стратификации общества и социальной мобильности, социального неравенства и конфликтов, бедности и богатства. Они стоят в центре мировой науки, и должны быть специалистами, которые готовы профессионально а) изучать такие проблемы, б) передавать такие знания студентам, организовать эмпирические исследования, давать исчерпывающий анализ состояния современного общества в данном разрезе.

Охватывающим для всего комплекса вопросов, обозначенных выше, служит понятие социальной структуры. С его помощью наука описывает упорядоченность и взаимоотношения между большими социальными группами людей: социальными слоями, классами, сословиями, общностями. Однако социология делает это не только в статике, но и в динамике. Вот почему в названии новой кафедры не только уместно, но и необходимо определение «социальные про-

цессы». Изменение социальной структуры общества, особенно такого противоречивого и многообразного, каким является российское общество, вызывает множество последствий, которые необходимо тщательно и всесторонне изучать. В их числе: углубление социальной дифференциации общества, формирование зон маргинальности, потоки миграции и каналы социальной мобильности, динамика социальной напряженности в современном российском обществе и построение

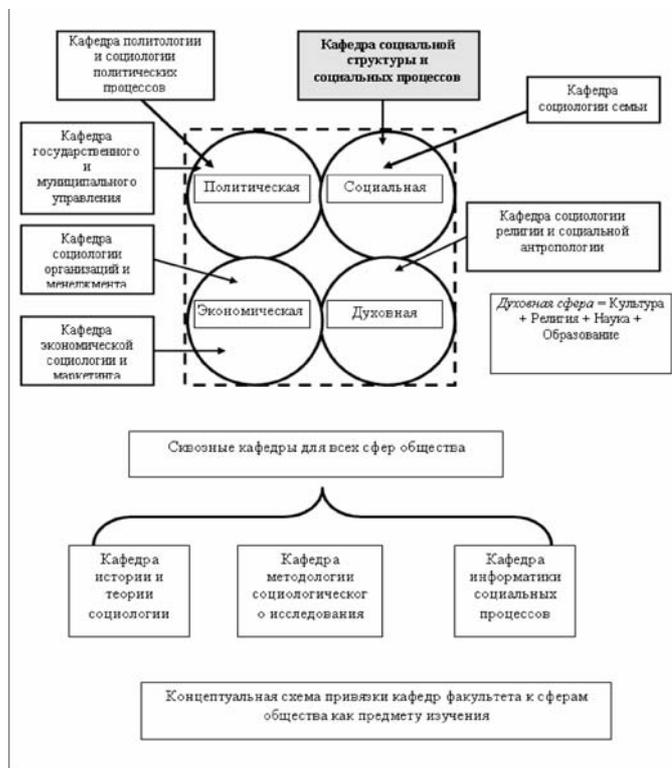
карты социальных конфликтов. Новая кафедра, с одной стороны, целиком сосредоточена на изучении социальной сферы общества, которая служит основным предметом исследования для социологии в целом. С другой стороны, проблемы социальной структуры охватывают общество в целом, включая экономическую, политическую и духовную сферы. Отсюда вытекает необходимость тесного сотрудничества специалистов новой кафедры с представителями других, отраслевых, кафедр социологического факультета. Все это придает новой кафедре некий сквозной статус наряду с кафедрами истории и теории, методологии социологического исследования и социальной информатики.

Научные направления кафедры: социальная структура, социальные институты и институциональные отношения, институт как нормативная система и социальная организация, динамика социальных институтов, Соци-

альный контроль как механизм социальной регуляции поведения людей социальные группы, социальные общности и социальный состав населения, новые социальные движения и становление горизонтального общества, власть как социетальная характеристика общества, исторические типы власти и управления, социальное расслоение, социальное неравенство, социальная стратификация, бедность и богатство в российском обществе, феномен среднего класса, старый и новый средний класс, российская олигархия и “новые средние”, бизнес-слой в российском обществе, каналы обогащения и криминализации, социальные группы бедных, “новые бедные” в России, “социальное дно” и маргиналы, андеркласс, социальный феномен нищенства, каналы, параметры и тренды социальной мобильности, деклассирование, обуржуазивание и пролетаризация сегодня.

Обучение студентов осуществляется высококвалифицированными преподавателями кафедры – докторами и кандидатами наук.

На кафедре уделяется серьезное внимание внедрению в учебный процесс инновационных форм организации образовательного процесса, новых методов обучения, а также активизации познавательной деятельности студентов.

Для повышения интереса к изучаемым дисциплинам и развития творческой активности студентов профессорско-преподавательский состав кафедры использует такие активные методы обучения, как проблемные занятия, деловые игры, применение информационных технологий и др. В большой мере этому способствует новое компьютерное оборудование и внедрение на факультете проекта «Электронный научно-образовательный комплекс».

Преподаватели кафедры совместно со студентами проводят социологические исследования, сотрудничают с ведущими отечественными и зарубежными социологическими центрами.

Перечень спецкурсов и дисциплин, читаемые кафедрой, формируется после получения кафедрой официального статуса.

Кафедра социологии религии и социальной антропологии

Концептуальная схема построения знания

Теоретико-методологическое обоснование необходимости существования новой кафедры

Круг изучаемых проблем

Место и статус данной кафедры в научно-образовательном комплексе всего факультета

Методы обучения

Кадровое обеспечение

Перечень спецкурсов и дисциплин

Российское общество – поликультурное и многоконфессиональное образование, в рамках которого объединены представители более ста национальностей, основных мировых религий, многочисленных религиозных сект, течений и толков. И в этом смысле наше общество – уникальный объект для социологического изучения, прежде всего в рамках социологии религии и социальной антропологии.

Создание новой кафедры обусловлено общей тенденцией гуманизации образования, возникновением необходимости в специалистах, изучающих проблемы мультикультурализма, конфликтологии, организационной культуры в современном обществе

Социальная антропология – это наука и учебная дисциплина, которая рассматривает человека, культуру и общество в многообразных проявлениях. *Социальная и культурная антропология, или социокультурная антропология* — межпредметная научная дисциплина, изучающая человека и человеческое общество, закономерности их развития и культурное мно-

гообразии. Она изучает общество и культуру, описывает и объясняет социальные и культурные сходства и различия. Она исследует групповое поведение, истоки и происхождение религии, социальные нормы и обычаи, семейную и родственную структуру, механизмы власти в примитивном обществе, зачатки технологии. Раньше считалось, что антропология ограничивается изучением только примитивных (дописьменных) обществ и не затрагивает современные. Однако сегодня представления о предмете антропологии изменились. Считается, что антропология обладает широким гуманистическим взглядом на мир. Сегодня слово «антропология» обозначает широкий – философско-гуманистический – подход к осмыслению человеческой природы во всем ее многообразии, не обязательно, а часто и вовсе не связанном с историческим прошлым. Антропология отличается от других наук, изучающих человека, своей а) компаративностью (сравнительный анализ культур) б) холистичностью (охват всех сторон общества или жизни человека), в) глобальностью (ей доступны все культуры и все страны во все эпохи).

Необходимость социальной (культурной) антропологии видится нам в том, что она выводит студентов за привычный круг знаний и представлений, который навязывается им стандартной программой профессионального образования, посвященной общей социологии, истории социологии, методологии и методики исследования, отраслевым направлениям и теориям. Даже фило-

софия, которая преподается на первом курсе, не дает общегуманитарной ориентации, поскольку ограничена узкоспециальной тематикой: онтология, гносеология, история философии, философские вопросы естествознания.

Социальная и культурная антропология — часть общей антропологии, изучающая культуру во всех ее проявлениях, применяющая методы, понятия и данные археологии, этнологии, этнографии, фольклора и лингвистики, а также социологии и психологии.

Главные проблемы исследований связаны со становлением человека как феномена культуры: поведение человека, становление норм, запретов и табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, процессы инкультурации, влияние культуры на половой диморфизм, семью и брак, любовь как культурный феномен, становление мироощущения и мировоззрения человека, мифология как культурное явление и др.

Социальная (культурная) антропология выполняет – с точки зрения обучения социологии – несколько важных *познавательных функций*:

- избавляет социолога от культурного эгоцентризма, нежелания сравнивать современное общество с его историческими предшественниками, нации с национальными меньшинствами, глобальную культуру с локальными культурами. Только широкий сравнительно-культурный подход дает объективные результаты и правильные выводы;

- помогает не ограничиваться широкими статистическими рядами и количественными распределениями, а проникать в глубь социального явления, где скрывается главное – индивидуальная неповторимость и человеческая уникальность.

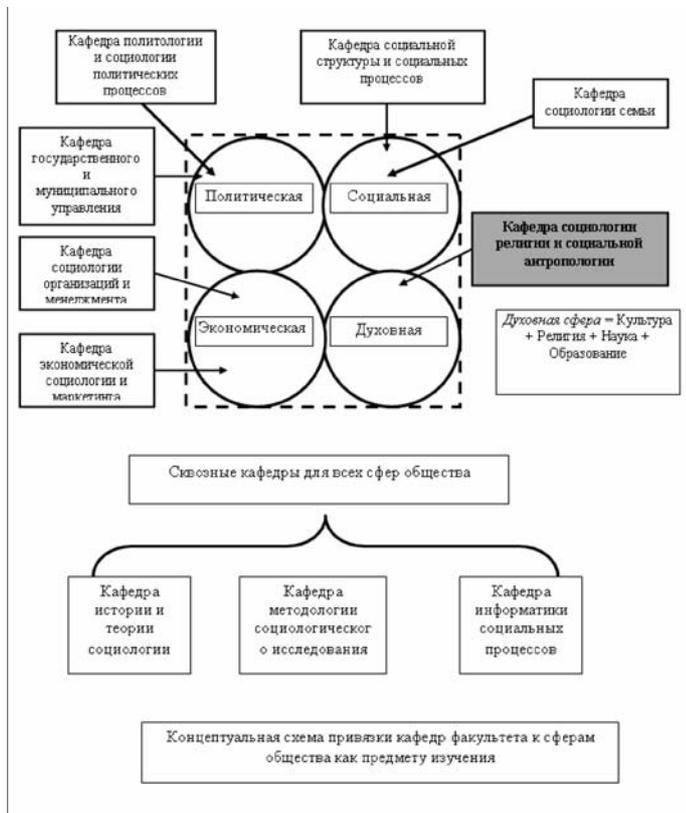
- позволяет рассматривать объективную реальность не только в текущей перспективе, измеряемой социологическими опросами, но и в исторической ретроспективе, постигаемой историческими методами антропологии;

- объединять малое и большое, глобальную историю человечества и индивидуальный мир человека, «примитивное» общество и современную технотронную цивилизацию;

- извлекать уроки из прошлого и жизни дописьменных культур с тем, чтобы лучше понять механизм функционирования современного общества, сохранившиеся в нем исторические пережитки, выполняющие роль социальных дисфункций (например, трайбализм).

Изучение социокультурной антропологии призвано сформировать у студента-социолога *поликультурность* – способность одинаково заинтересованно и активно общаться с представителями разных культур, знание истории и особенностей других культур, умение легко приспосабливаться к жизни не в одной, а в нескольких или в любой другой культуре.

Точкой схождения социологии религии и социокультурной антропологии служит духовная жизнь общества в целом и культура в частности. Религия – ядро и исходная (историческая) клеточка формирования духовной сферы общества. Следовательно, социология религии призвана изучать смысловое ядро духовной жизни, духовный кризис современного общества, проявления бездуховности и т.д. Социокультурная антропология всегда изучала культуру (главным образом - традиционного общества), а сегодня она исследует все проявления культуры современного общества. Таков ее предмет исследования.

крупные государственные проекты и программы, то в духовной сфере дела обстоят совсем иначе. Что делать с массовой бездуховностью, кризисом патриотизма и традиционных ценностей нашего общества, Интернет-зависимостью молодежи и сменой моделей ее поведения, как отвечать на массивное наступление на Русскую православную церковь, каким должно быть мирное сосуществование народов, населяющих Россию, и споведующих разную религию и разделяющих разные культурные

Место и роль новой кафедры объясняется, кроме прочих факторов, тем обстоятельством, что на сегодняшний день она является единственным подразделением на факультете, которое занимается духовной сферой общества. Именно здесь, в духовной жизни, сосредоточены основные болевые точки российского общества. Если с экономической стратегические линии развития страны после выборов нового президента определились, если выяснились ключевые точки развития политической сферы российского общества (связанные с укреплением государства, с одной стороны, и развитием демократии, с другой), если в социальной сфере разработаны и приняты на ближайшую перспективу

цели, нужна ли нашему обществу модель мультикультурализма, терпящая крах на западе, а если все-таки нужна, то какой она должна быть – с точки зрения науки социологии? На эти и многие-многие другие вопросы призвана ответить новая кафедра.

В связи с ренессансом православия в России заметно оживился интерес к *религиозной антропологии*, традиция которой в нашей стране имеет глубокие корни. Так, в 2001 г. в Институте философии РАН состоялся семинар на тему «Философская и религиозная антропология в современной дискуссии», в котором приняли участие православные богословы и российские философы. О религиозной антропологии писал в

своих работах, в том числе «Смысл творчества» и «Проблема человека», Н.А. Бердяев¹. В рамках этой дисциплины решается вопрос о том, определяется ли специфика культуры религией (на чем настаивал, например, А. Тойнби) или, напротив, культура выбирает соответствующую религию и адаптирует ее к своим традициям (близкую мысль высказывали Вл. Соловьев, а также современный русский ученый Н. Моисеев). В границах религиозной антропологии оформились в качестве самостоятельных ответвлений языческая, исламская, семитская, христианская, православная, католическая и протестантская антропологии.

Антропологизм присущ большинству направлений религиозной мысли в ХХ в. В рамках каждой мировой религии сформировались собственные модели антропологии, отражающие и обобщающие опыт познания человека через идею Бога: католическая антропология, православная антропология, протестантская антропология, исламская антропология, буддистская антропология, иудаистская эзотерическая антропология. Возникают внеконфессиональные направления, в частности антропология жречества, оккультная антропология, мистическая антропология, а также общерелигиозные антропологии (теологическая антропология, богословская антропология, библейская антропология, святоотеческая антропология, антропология исихазма, неотомистская антропология, ортодоксальная антропология).

Корни православной антропологии, которая делала акцент на активности самого человека (а именно такая антропология развивалась религиозными космистами), надо искать в традиции исихазма (священнобесмолвия), возникшего в аскетической

практике еще в IV–VII вв., но теоретически развитого св. Григорием Паламой². Она нашла свое продолжение в уникальных идеях русского космизма как направления научно-философской мысли, к которому принадлежат Н.Ф. Федоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев; в религиозно-философской антропологии Ф.М. Достоевского, учении Вернадского о ноосфере, в философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения — В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева³.

На стыке антропологии и социологии возникла самостоятельная область — *социология культуры*. Она изучает весь спектр культурных явлений прежде всего благодаря опросам общественного мнения. Социология культуры — отрасль социологического знания, изучающая закономерности развития культуры и формы их проявления; при этом человек рассматривается и как субъект (творец), и как объект. Социология культуры рассматривает культуру через призму социальных отношений и социальной структуры общества. Социология культуры будет интегрирована в предметное поле новой кафедры.

Научные направления кафедры: история, теория и методология социальной антропологии, культурная статика и культурная динамика, закономерности функционирования религии как социального института и самостоятельной сферы общества, взаимодействие государства, церкви и общества, религия в современном мультикультурном обществе, православная и христианская социология, постсекулярная социология,

традиционное общество и постмодернизм, социокультурное пространство общества, образ жизни и культура, этнические исследования, социально-религиозные представления о человеке в православии, протестантизме, католичестве, исламе, межкультурное взаимодействие, проблемы духовной жизни и культуры российского общества, молодежных субкультур, эффективности молодежной политики, массовые коммуникации, вопросы этничности и культурных различий, этническая миграция, культурная глобализация, межконфессиональные и межэтнические процессы и др.

Учебный процесс включает лекции, семинары, практические занятия, самостоятельную и научно-исследовательскую работу. На занятиях преподаватели используют новые информационные и педагогические технологии, мультимедийное оборудование. С помощью современных технических средств (кино- и фотоаппаратуры, аудио- и видеосредств) и традиционных полевых записей фиксируются объекты и явления духовной жизни народа (традиции, обряды, обычаи, ритуалы, фольклор и т.д.), причем материализованные свидетельства духовной культуры, например предметы культа, народного искусства, места и типы захоронений, фиксируются подобно

объектам материальной культуры.

Научно-педагогическая квалификация профессорско-преподавательского состава соответствует содержанию, целям, задачам и специфике образовательно-профессиональной программы.

Преподаватели кафедры совместно со студентами проводят социологические исследования, сотрудничая с ведущими отечественными и зарубежными социологическими центрами.

Перечень спецкурсов и дисциплин, читаемые кафедрой, формируется после получения кафедрой официального статуса.

Ссылки:

1 Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 3–26. Бердяев Н.А. Стилизованное православие (www.magister.msk.ru); Бердяев Н.А. О характере русской религиозной мысли XIX века (www.magister.msk.ru).

2 Прот. Иоанн Мейендорф. Православие в современном мире. Нью-Йорк, 1981; Хоружий С.С. православно-аскетическая антропология и кризис современного человека (www.pravoslavie.ru).

3 Семенова С.Г. Русский космизм // <http://sufism.ru/barzah/cosm03.htm>

ДЕБЮТ

Психологические механизмы в становлении образа «Я»

Вавилова И. Н.

Понятие психологического образа является системообразующим началом, характеризующим единство явления и сущности, представления о душе и сознании человеческой личности.

Ключевые слова: Мораль, личность, нравственность, образ «Я».

Vavilova I. N.

Psychological mechanisms in formation of an image «I»
The concept of a psychological image is the backbone beginning characterizing unity of the phenomenon and essence, idea of soul and consciousness of the human person.

Keywords: Morals, personality, moral, image «I».

Образ «Я» – это набор психических качеств, связанных с социально не ограниченным стилем позитивного поведения, компетенцией и рациональными способностями, активностью и эффективностью. Он является философской и психологической категорией.

С философской точки зрения «образ жизни» – это «устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности общения, поведения и склада мышления.

Образ «Я» в психологических концепциях выступает как: «ощущение», «восприятие», «значение», «представление» и др. Он раскрывается в сенсорной и в умственной формах, составляющих внутреннее неразделимое единство действия и мотива, успеха психической реальности. Под психологической готовностью к такому образу жизни «Я» понимается необходимый и достаточный уровень психологического развития на каждом возрастном этапе.

Человеческое «Я» – это внутреннее содержание личности, которое воз-

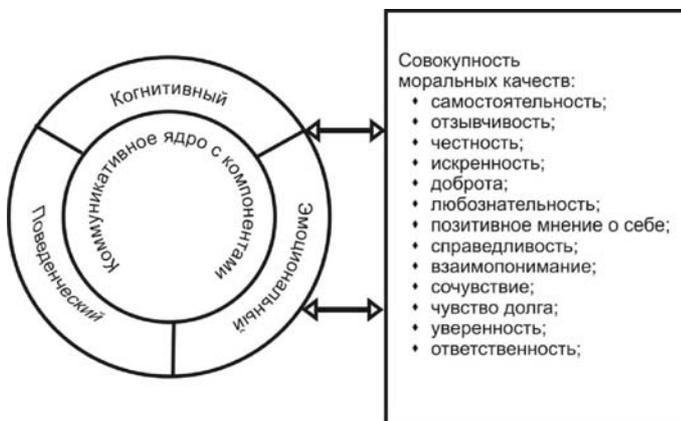

Рис. 1 Модель нравственных качеств в компонентах

никает и формируется не само из себя, а из того, каков характер отношения ребенка с окружающим людьми. От этого зависит, какие личностные качества у него будут сформированы и найдут ли они отражение в нравственных поступках и нравственном поведении.

Раскрыть взаимосвязь с окружающим миром позволяет модель внутреннего потенциала личности детей старшего дошкольного возраста, разработанная в исследовании О.Ф. Степановой. Наличие положительных и отрицательных черт модели личности (доверчивости, искренности, общительности или замкнутости) показывает, кто был в её окружении и своими поступками способствовал формированию соответствующих обобщенных представлений о человеческой психике и поведении.

Центром модели будет осознание личностью собственного «Я», которое в процессе воспитания развивается от эгоцентрического мировосприятия до действия во благо другого, что представлено в модели нравственных качеств. Образ «Я» у ребенка понимается как духовное ядро личности, включающее триединство *механизма самосознания*:

«кто я есть?», *механизма самооценки*: «какой я?» и *механизма самоактуализации*: «как сделать себя таким?».

По мнению В.Е. Кагана [2], к концу дошкольного возраста интегрируется единый образ «Я». Он формируется и раскрывается не только через отношения к самому себе, но и через отношение к дру-

гим людям. Так формулируется характеристика «Я - концепция», которая является ее внутренней цельностью, последовательностью, согласованностью, преемственностью и устойчивостью.

Психологическая проблема «Я», считает А.Н. Леонтьев, возникает, как только мы задаем вопрос о том, к какой реальности относится всё то, что мы знаем о себе, и всё ли, что мы знаем о себе, относится к этой реальности. Несовпадения «Я» и того, что представляет субъект как предмет его собственного знания о себе, психологически очевидны.

Р. Бернс представляет «Я - концепцию» как иерархическую структуру, на вершине которой находится глобальная «Я - концепция», конкретизирующая в совокупности *механизм установок личности на себя*. В ней формирование, развитие и изменение «Я - концепции» обусловлено факторами внутреннего и внешнего порядка [1].

Исследованием О.А. Самыловой представлена классификация целостности качеств образа «Я» у мальчиков 4-7 лет, которая характеризует:

а) физические качества: выносливость, стойкость, ловкость, сила;

б) качества собственной деятельности: решительность; самоотверженность, трудолюбие, самостоятельность, организованность, целеустремленность;

в) нравственные качества: бесстрашие, милосердие, ответственность, честность, чуткость, смелость, доброта;

г) качества позитивности нравственного поведения: искренность, великодушие, уважительное отношение к сверстнику, справедливость [4].

Человек рефлексивно анализирует себя в границах идеала, каким он хотел или не хотел быть. В процессе рефлексии идет свое изменение и происходит развитие индивидуального сознания.

Главный этап самосознания начинается с детства, на который оказывает сильное воздействие *механизм рефлексии*. Это не просто осознание того, что есть в человеке, а одновременно и переделка самого человека. Самосознание постоянно проверяется, корректируется, исправляется и развивается в ходе включения человека в систему межличностных отношений.

Становление образа «Я» начинается с раннего возраста, с момента осознания ребенком себя в мире окружающих, рефлексирующим индивидуальным сознанием в процессе собственной организации жизнедеятельности. Оно первоначально складывается к полутора годам и является устойчивым элементом самосознания, *механизмом установки* (Д.Н. Исаев, И.С. Кон).

Данные *механизма установки* имеют разные модальности:

- реальное «Я» (каким я хотел быть или должен стать);
- идеальное «Я» (каким я хотел быть и должен стать);
- зеркальное «Я» (каким меня, по моим представлениям, видят другие).

Каждая их модальностей содержит: «Я» - физическое, «Я» - социальное, «Я» - умственное, «Я» - эмоциональное. Существенной стороной таких установок является представление о себе во времени: «Я - прошлое», «Я - настоящее», «Я - будущее». Совокупность этих установок называется временной перспективой.

На втором году жизни ребенок, еще не выделяет себя среди других и не называет себя «Я», хотя уже знает, кто он. К трем годам он овладевает понятием «Я», которое сливается с осознанием себя. После 3-х лет самосознание ориентировано на то, кто «Я»? Ребенок знает, что существуют разные люди, которых он различает по одежде, прическе, голосу, ориентируется на требования соответствующей роли.

Идет интенсивное развитие самосознания, освоение себя и своего поведения. Оно обеспечивается разъяснениями взрослых, прямо инструктирующих ребенка, и их реакциями на соответствие или не соответствие позитивного нравственного поведения ребенка этим инструкциям.

На четвертом году жизни ролевые предпочтения и представления о себе и о других ещё неустойчивы и не все дети могут мотивировать ответы и рассказывать об этом. Устойчивость таких представлений о качествах появляется на пятом году жизни. К пяти годам дети овладевают нравственными и этическими понятиями, особенно категориями добра и зла.

Симпатию и признание сверстников получают те дети, которые могут выслушать другого человека, умеют радоваться успехам других. У них происходит обозначение границ «Я - концепции» через установление дистанции с другими, формирование обобщенной концепции другого

человека. Повышенная чувствительность ребенка к содержанию «Я – концепции» делают его уязвимым к любым воздействиям других людей.

В шесть - семь лет, отмечают В.А. Абраменкова и Т.А. Репина, происходит образование «адаптивного образа «Я», который содержательно совпадает с обобщенным образом взрослого. Этот образ складывается под влиянием механизма стереотипных установок, поэтому насыщен разными стереотипами.

Дошкольник пристально всматривается в других людей и начинает брать на себя роль своего взрослого, старается вести себя «как взрослый» со своей мамой, тетей, сестрами. Происходит как бы «трансляция» себя в будущее. Прежде всего, это удовлетворением своего самолюбия и внушением себе чувства нравственного превосходства и доминирования над другими. Дети окрашивают нравственные отношения с взрослыми своей спецификой, а реакции взрослого к таким проявлениям утверждают ребенка в правильности стиля поведения.

К концу дошкольного возраста интегрируется единый образ «Я» [2]. При этом «Я» формируется и раскрывается через механизм отношения к самому себе и через механизм отношения к другим людям. Это является важным нравственным новообразованием дошкольника.

Другим новообразованием является возникновение эмоциональной оценки себя и другого. Это выражается, по мнению В.Е. Кагана, в формировании взрослой роли, отражающей систему нравственных отношений с социальной средой.

Идут существенные изменения в «образе Я» человека, потеря старой идентичности и обретение механизма новой идентичности. Формируется новое становление «Я – концеп-

ции», это обобщенное представление о самом себе, система установок относительно собственной идентичности. «Я-концепция» включает в себя три компонента:

- *познавательный компонент* – это представление индивида о самом себе: основываются ли они на объективном знании или субъективном мнении, являются ли они истинными или ложными? Это же происходит, когда мы описываем самих себя: мы в словах пытаемся выразить наши характеристики [1, 33]. Конкретные способы само восприятия, ведущего к формированию образа «Я», могут быть самыми разнообразными.

- *эмоциональный компонент* проявляется в механизме установки и существует в силу того, что ее когнитивная составляющая не воспринимается человеком безразлично, а пробуждает в нем оценки, эмоции и чувства, интенсивность которых зависит от контекста ситуации и от самого когнитивного содержания;

- *поведенческий компонент* - это факт, при котором люди не всегда ведут себя в соответствии со своими убеждениями и установками. Установка – это эмоционально окрашенное убеждение, связанное с определенным объектом. Особенность «Я» - концепции как комплекса установок заключается лишь в том, что объектом в данном случае является сам носитель установки.

Благодаря само направленности все эмоции и оценки, связанные с образом «Я», являются сильными и устойчивыми. В ней участвует механизм аттракции (привлекать, притягивать). Он представляет собой форму познания другого человека, основанную на возникновении к нему положительных чувств.

В аттракции выделяются компоненты: когнитивный – ожидание аль-

триуристических действий со стороны объекта аттракции, оценка взаимоотношений с данным человеком; аффективный – положительная эмоциональная оценка партнера; конативный – предрасположенность к альтруистическим действиям по отношению к воспринимаемому.

На первых этапах преобладает когнитивный компонент аттракции. При длительном общении детерминирующее значение приобретает аффективный способ нравственного отношения. В том случае, когда познание осуществляется через *механизмы формирования привязанности*, дружеского или наиболее глубокого личностного отношения, то говорят о механизме аттракции.

Всякий сигнал, поступающий к человеку через его органы чувств, может исчезнуть без следа, а может сохраниться в зависимости от его значимости эмоционального заряда. Эмоционально значимый сигнал, минувшее сознание, остается в сфере бессознательного. В этом случае человек, оценивая свое отношение к другим людям, говорит, что не знает, почему он относится так, а не иначе.

Важно, чтобы сигнал стал эмоционально значимым, а значение было положительным, но приемы формирования *механизма аттракции* не предназначены для того, чтобы в чем-то убедить или что-то доказать, а только для того, чтобы расположить к себе другого человека.

Новообразования в развитии ребенка - возникновение опосредствованной мотивации, внутренних этических инстанций, зарождение самооценки, которые создают предпосылку новому образу жизни. Структурным элементом является развитие мотивации в работе над собой. Желания и потребности соотносятся с социальными нормами поведения.

В разных культурах существует свой образ «Я» и свой нравственный стиль поведения, который регулируется социальными нормами. Это осознание собственного «Я» - причина и следствие развития внутреннего потенциала личности, по мнению В.Д. Шадрикова [5]; эмоционально-чувственный опыт как основание потенциала личности, по мнению П.К. Анохина; развитие, как поступательное преобразование различных сфер психики ребенка.

Это характеризует эмоционально-ценностных отношений; интеллектуальную сферу – стремление к осмыслению изменяющегося воздействия окружающей среды и собственного внутреннего мира; способности личности, детерминируемые ценностями общества: к сочувствию – принятию позиции другого. Они основаны *на механизмах идентификации и децентрации* к содействию – выражение в альтруистических поступках для блага другого, бескорыстной готовности к жертвованию своими интересами.

К. Роджерс утверждает, что человек становится все более способным уважать и ценить других людей по мере того, как у него развивается способность уважать самого себя. Тот, кто не любит самого себя, не может любить других.

А. Маслоу[3] считал, что человек сам программирует свое моральное развитие. Среди потребностей человека он выделил как вершинную – потребность в самоактуализации – делать то и быть тем, для чего ты более всего подходишь, максимально реализовывать свои потенциальные возможности. Высшими сущностными проявлениями человека, по его мнению, являются любовь, творчество и духовные ценности, существующие в виде врожденных потен-

ций, актуализирующихся под влиянием социальных условий.

В дошкольном возрасте, считает В.С. Мухина, ребенок, стремясь к реализации своего «Я», в общении с другими людьми широко пользуется механизмами идентификацией и обособлением. Характерную особенность дошкольного детства составляют высокая эмоциональность дошкольника, эмоциональная окрашенность всей психической жизни и практического опыта. З. В. Манулейко рассматривает вопрос о психологическом механизме игры - *мотивация деятельности*.

Природные свойства ребенка, не порождая психических качеств, создают механизмы предпосылок для их образования. Сами качества возникают благодаря социальному духовному наследованию - овладению опытом. Основой становится утверждение С.Г. Якобсон о том, что «центральным психологическим образованием, способствующим формированию этической регуляции, является «Образ - Я» (целостный и соответствующий положительному эталону)» [6].

Представление о другом человеке тесно связано с уровнем собственного самосознания: с одной стороны, богатство представлений о самом себе определяет и богатство представлений о другом человеке; с другой - чем более полно раскрывается другой человек (в большем количестве и более глубоких характеристиках), тем более полным становится и нравственное представление о самом себе.

Моральные нормы, представленные ребенку взрослыми, становятся лично значимыми для него. У ребенка формируется внутренняя контролирующая «инстанция», «цензура поведения». Формирование нравственного образа предполагает усвоение общественных норм, ролевых ценностей, нравственных принципов, представленных в форме словесных требований, в бытовых традициях, в поведении окружающих людей, в качествах личности. Все это совершенствуется под воздействием психологических механизмов.

Литература

1. Бернс, Р. Что такое Я – концепция? [Текст] / Р. Бернс. – М.: 2010.
2. Каган, В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание [Текст] / В.Е. Каган // Вопр. психологии. – 1992. - №1.2. – С. 14-21.
3. Маслоу, А. Дальнейшие проблемы человеческой психики [Текст] / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997-430 с. Самоактуализация. // психология личности: тексты. М.: 1982.
4. Самылова, О.А. Психологические механизмы формирования представлений о мужском образе у мальчиков 4-7 лет. Автореф. дис.. канд. психол. наук, Казань, 2005. – 22 с.
5. Шадриков, В.Д. Деятельность и способности [Текст] / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 1994. – 317 с.
6. Якобсон, С. Г. Формирование «Я» - потенциального положительного как метод регуляции поведения дошкольника [Текст] / С.Г Якобсон, Т.И. Фещенко // Вопр. психологии. – 1997. - №3. – С. 3-11.

Религиозная философия и психология в Киевской Духовной Академии во второй половине XIX века

Сизинцев П.В.

В статье ставится задача рассмотреть метафизическую психологию как часть философии и науку о душе в русле российской православной традиции и отражения ее в трудах Киевской Духовной Академии России во второй половине XIX века. Автором показано религиозное творчество ряда преподавателей курса метафизической психологии духовно-академического теизма с рассмотрением вопросов сознания, душевного здоровья, свободы воли и представлений о личности человека. Исследование включает в себя рассмотрение взглядов зарубежных философов, философско-теистического направления.

Ключевые слова: Психология, наука о душе, духовная академия, личность человека, эгоизм, философия духа, антропологизм, преподавание, вдохновение.

Title of the article: Religious philosophy and psychology in Kiev Theological Academy in the second half of the 19 century

Sizintsev P.V.

The article seeks to examine the metaphysical psychology as part of philosophy and the science of the soul in keeping with Russian Orthodox tradition and its reflection in the works of the Kiev Theological Academy Russia in the second half of the XIX centuries. The author shows the religious work of a number of metaphysical teachers of the course of psychology of the spiritually-academic theism of consideration of issues of consciousness, mental health, freedom of will and the conception of human personality. The study includes consideration of the views of foreign philosophers, the philosophical and theistic direction.

Keywords: Psychology, the science of the soul, the Spiritual Academy, personality, egoism, philosophy of mind, anthropology, teaching, inspiration.

Концепции метафизической психологии, объясняющие душевные и личностные черты человека со второй половины XIX века в духовно-академической среде Киевской Духовной Академии (далее - КДА) стали получать все большее распространение и углубленную мотивировку. С 1836 г. преподавателем опытной психологии в КДА стал П.С. Авсенеv, в монашестве архимандрит Феофан. Его имя после протоиерея Ф.И. Голубинского в духовно-академической среде было синонимом философа [Архимандрит, 1853].

Все свои силы он отдал дальнейшему развитию понятий и принципов умозрительной психологии, *заслужив, многолетнюю и плодотворную педагогическую деятельность своею, добрую и признательную память Академии, как основатель психологии в Киевской Духовной Академии* [Феофан, 1869, III].

Он решил неимоверно трудную для своего времени образовательную задачу – сделал науку о душе важнейшим предметом духовного обучения, уровень преподавания которой стал соответствовать европейским стандартам, не потеряв высокие цели и дух академического православия. Обширная психологическая литература Германии, Англии и Франции дала философу обильный и разнообразный материал изучения учений о душе, который он воспринял

через призму античной философии и святоотеческого наследия. Феофан (Авсенеv) осуществил широкую постановку науки о само - сознающем и само - чувствующем духе человека, богатстве и разнообразии сведений, относящихся в человеческой природе к ее естественным и бытовым состояниям. *Истина являлась ему в образ? красоты, наука в форме художественного целого, знание— в форме непосредственного внутреннего созерцания.* В своих лекциях он любил рассуждать более чувством, нежели рассудком, и доверял непосредственному чутью, нежели ясному анализу, более целостному созерцательному движению мысли, чем расчлененному на части логичному доказательству [Феофан, 1869, VII].

Его взгляды базировались на психологических представлениях нравственно-религиозных идей Платона и мистико-религиозных созерцаниях Плотина, которые несли эстетические идеи духа и ума. Религиозная составляющая его лекций опиралась на творения Макария Египетского, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина. Ему были близки характер и направления мысли аскетики германского мистика Якова Беме [Феофан, 1869, VIII]. Мыслитель строил свое видение души человека, прекрасно зная труды Ф.Г. Якоби и И.Г. Гердера, идеи философии Ф.В. Шеллинга и Г.Г. Шуберта, но, не подчиняя им своей мысли, руководствовался православной традицией Откровения. Как религиозный психолог он разделял природу души от ее сущности и христианской направленности, временную жизнь человека от его вечного назначения.

Это была не столько рационально познаваемая сфера науки, сколько умозрительная философия духа [Феофан, 1869, XII] или философская теория духа [Феофан, 1869, XIII]

человека, проникнутая глубочайшим религиозным смыслом бытия человека. «Даже высшие наслаждения наукой и искусством, - считал проф. Феофан, - не могут быть достаточны для человека, ибо для достижения истинного блаженства ему необходимо общение с Богом» как Абсолютом. Оно приобщает человека к постижению духовного смысла бытия, делая его из скотоподобного циничного и «политического животного» личностью, стремящейся к высшим ценностям. Эта мысль должна царствовать над всеми помыслами, над всеми движениями души. Над всеми целями жизни должна господствовать мысль о вечном назначении нашем, открытом нам в слове Божьем [Малышевский, 1869, 109].

Для Феофана (Авсенева) была важна мысль о том, что, *сознание человека к ночи возвращается в свой внутренний духовный мир, чтобы вознестись от твари к Творцу* [Феофан, 1839, 286], поскольку она объясняла его отношение к сновидениям в духовной жизни человека. Он составил обширную программу опытной психологии, которая отражает самостоятельность его методологии, и отличие ее от систем Ф.Т. Фишера в Германии и О.М. Новицкого в России, ставивших экспериментальную психологию выше метафизической. По его мнению, психология состоит из трех частей, рассматривая душу, как явление. Психология эмпирического бытия дает сведения о *положительном содержании души, умозрение объясняет ее внутренний смысл, а откровенное учение о душе служит ей руководством и критерием, предостерегая ее от заблуждений* [Феофан, 1869, 8]. По сути дела, русская православная психология была нацелена на то, чтобы раскрыть в каждом человеке находящийся внутри него образ Божий и смысл своего соб-

ственного бытия. Через познание человеком себя самого, открытие «нас нам самим», у людей возникает побуждение, «исполнять свои обязанности к Богу-Абсолюту, ближним и самим себе».

Это было время, когда было до-вольно сильно возбуждено и разви-то стремление ума к идеальным сфе-рам мысли и бытия. Человеческая мысль рвалась к метафизическим умозрениям и рафинированно ос-мысленным схемам жизни, фило-софски ее созерцающая. Называясь «психологией», это был предмет умозрительной теории человече-ской души, рожденный философски-ми размышлениями. Отличие чело-века от животных виделось не в душе, но в духе, сущность которого – в стремлении к Высшему Благу, к об-ществу с Ним. В ответ шло внушение идей истины, красоты и добра, кото-рые получал, воспринимал и осозна-вал человек. Именно под этим влия-нием высшие потребности человека, получали благодать нравственности и силы к ее исполнению. Это *позна-ние вечной истины само - сведущим разумом, предощущение вечной красоты стремящимся ввысь серд-цем и совершение добра свободною волею* [Феофан, 1869, 56].

Для рассмотрения основных спо-собностей души профессор КДА предлагал использовать труды К.Г. Каруса, [Карус, 1999] который опре-делял душу как идеальный и неуми-рающий жизненный центр, являю-щийся условием всякого бытия и развития человека, а также К.Ф. Бур-даха - «Физиология, как эмпиричес-кая наука». Особое внимание он уде-лял исследованиям морфологии, онтогенеза и филогенеза головного мозга, в котором обнаружил проек-ционные и ассоциационные прово-дящие системы. Способности памя-ти и воображения учили по Ф.Э. Бе-

неке, сторонника английской фило-софии [Бенеке, 1871-1872] и эмпи-рической психологии, основываю-щейся на анализе фактов самосоз-нания, исследуя душевные явления в их взаимной связи и разлагая их на простейшие составные части - сум-му «задатков», т.е. способностей, стремящихся к своему осуществле-нию.

Рассудок по Авсеневу можно было постичь по трудам Аристотеля, Кан-та, Ф.Т. Фишера, самосознание – у Платона и К.Г. Каруса, а ум человека – у Платона и прп. Исаака Сирина. Чувства и волю человека в связи со свободой и характером рекомендо-вано изучать у Ф.Т. Фишера и О.М. Новицкого. Подробный же анализ познавательных способностей чело-века прекрасно изложен у немецко-го философа Я.Ф. Фриза. Следует отметить, что взгляды Феофана (Ав-сенева) сформированы под влияни-ем не последовательной эклектики – смешивания идей Платона и Аристо-теля вместе с позицией И. Канта, взглядами Фишера, опытами физи-олога Каруса и этикой Исаака Сири-на. Он пытался совместить филосо-фию с физиологией, а иррациональ-ность сна с христианскими мисти-ческими представлениями. Возмо-жно поэтому, никакой своей философ-ской системы он не создал.

Следующим академиком КДА изучавшим проблемы Абсолюта и умозрительной психологии был С.С. Гогоцкий. Основой его системы было истолкованное на религиозно-философский манер понятие Абсо-лютного, как Безусловного. Это было Абсолютное существо, стоящее выше условностей, заключающее в Самом себе полноту совершенств и само в себе утверждаемое. Бог как Абсолют, включал творчество и силу, создаю-щую с помощью разума и воли твар-ную природу, тварного человека и

его историю. Полнота восприятия личностного Абсолюта и его Безусловного бытия требовала необходимого участия в этом процессе внутреннего опыта человека, действия его сверхчувственной врожденной идеи, неразрывно соединенной с разумом человеческого духа. Он разделял области действий религии от философии.

Философия Гогоцкого через исследования закономерностей знания и деяний, природы и истории возводила человека к раскрытию в них идеи Бога-Абсолюта. А религия прямо направляла все силы личности и природы человека на поиск Божественного. Мыслитель психологии соединял бытие человека и Бога-Абсолюта на основах нравственности, видя сущность человеческого «Я» в актах сознания и в способности человека разделить свое «Я» от иных «не-Я». В теории разделение человеческого «Я» и внешних «не-Я» описывалось объективным идеализмом, но Гогоцкий утверждал, что философия есть динамика мысли в движениях «Я» с целью осознания человеком смысла своего бытия. Его внутренний мир соединяет временное и вечное, его развитие есть не прогресс, а возврат к собственной личностной сущности в свободе воли, как подражанию вечности. Развитие личности в нравственном совершенствовании, дающем жизненные силы для существования, обуславливающим гармонию всеобщего и индивидуального в личностной и духовной жизни человека [Гогоцкий, 1860, 64].

Философско-психологическое учение П.Д. Юркевича исходило из того, что идея - это объективно-реальная, разумно-живая, творящая сущность вещи, её основа становления. Но она есть и факт сознания, категория религиозной и этической

жизни человека, имея феноменальное измерение. Допускался симбиоз единства эмпирического и рационального познания, хотя при осмыслении от частных идей к единому первоначальному началу, писал Юркевич, центр познания у человека уходит в сторону идеальной сферы и общих, целостных представлений. Фактор эмпирических знаний начинает становиться минимальным и, тем самым, порождает проблему достоверности представлений человека об Абсолюте. Это и есть точка встречи знания с верой. Идея Абсолюта, рожденная способами исследования идей, поддерживается убежденной верой в Бога, возникшей из личных нравственных, эстетических и религиозных побуждений духа. Ибо, чтобы постигнуть Бога-Абсолюта, мало одного мышления, но нужна личная духовная жизнь человека в ее полноте и совокупности духовных переживаний. Натура человека и ее личные свойства есть воплощение образа Бога как Абсолютного Существа и Личности, в которой дух есть изначальное условие бытия, ведущий к морали, красоте и религиозной вере. При господстве только разума, указывал философ, богатый жизнью и красотой мир виделся бы для человека правильной, но и безжизненной математической величиной. А значит, мироздание - совокупность жизненных, полных смысла явлений открывается, сначала для духовно-чувствующего сердца, а потом для понимающе-разумного мышления. В итоге, полнота истины была философом вынесена за пределы разума и помещена в область чувствований, которыми «распоряжалось» сердце.

Стремления человека к поиску истины, блага и красоты было присуще проявлениям *разума-сердца-воли* [Юркевич, 1990, 32]. Но разум не есть дух, ибо он только результат

развития людей, но не их основа. Также Юркевич считал, что телесность человека подчиняется душе, но, физиология обуславливает некоторые аспекты темперамента человека и общее ощущение жизни [Юркевич, 1990, 73]. Центром душевно-телесной природы человека философ видел сердце, в котором сосредотачивается душевная жизнь с помыслами, желаниями, чувствованиями, а также исток нравственной жизни и духовного понимания. Апеллируя к Б. Паскалю в постижении истины не столько разумом, сколько сердцем, русский философ утверждал, что принцип порядка и логичности разума уступает внезапному личному озарению сердца, его мгновенной интуиции [Юркевич, 1990]. Бытие сердца находится в пересечении духовного и телесного мира и лишь в его глубинах человек соприкасается с Абсолютной личностью – Богом, обретая уникальный религиозный опыт. Дух человека формирует уникальные и неповторимые черты личности каждого человека, которые составляют содержание глубин сердца, неподвластных анализу. В них источник жизнедеятельности, импульсов и интуиций, превосходящих конечные формы души и приближенных к вечности бессмертия. Ибо дух – исток проявления личностно-душевной сути человека, заключенной в сердце.

Крупным духовно-академическим философом был П.И. Линицкий. В большей части своих трудов он рассматривал проблематику православного теизма и Бога-Абсолюта. В своей системе, Линицкий старался примирить истины Откровения и сведения разума, считая, что идея о Боге есть неотъемлемая особенность человеческого сознания. Он думал, что мысль об Абсолютной Личности являет фокус духовной

жизни людей и в ее отсутствие жизнь духа деградирует. Однако живое, личностное и целостное представление о Боге как Совершенном Существе дается исключительно через религиозный опыт. *Никакое умозрение, философский анализ не может заменить непосредственного опыта религиозной жизни, но, чтобы опыт был плодотворным, необходимо содействие умозрений, философского анализа* [Линицкий, 1889, 17, 198]. Целью философии он считал постижение Абсолютного и понимание Абсолютного, как реальное Существо, обладающее всеми признаками бытия. Это Существо, самостоятельно ограничиваясь в конечное, порождало миры - духовный и физический. Мыслитель признавал, что при синтезе умозрения и нравственно - религиозного сознания мышлению не под силу постичь сущность нравственности. И человеку требуется признавать силы Бога-Абсолюта для *восполнения слабости ограниченного ума* в познании Истины [Линицкий, 1881].

В то же время он указывал на важность теоретических знаний и практических методов, *исходящих из природы человека, рассматриваемых для достижения его нравственного идеала*. Главной ценностью личности человека Линицкий считал свободу, выводя три типа нравственности – *удовольствие, польза и нравственный долг, который выявляется в аскетизме, как господстве духа над чувственностью через очищение потребностей человека* [Линицкий, 1874, 225].

Абсолют отличается полной безусловной независимостью бытия, однако независимость всех других существ может быть только относительной от Бога. Следовательно, бытие Абсолюта можно назвать неограниченным и ему соответствует единство в полноте, как неразложимое на

части, качественное. Вывод в том, что, Абсолют представляет собой Дух, обладая духовным могуществом - свободой и самообладанием. Одно свойство как бы содержится в другом, и все - в нераздельном единстве. *Поэтому, Абсолютное необходимо мыслить как существо личное, обладающее личными свойствами, - в основе которых лежит самосознание и самообладание* [Линицкий, 1890, 237].

Задача вышеизложенного исследования заключалась в том, чтобы показать, что умозрительная психология Академии в Киеве была важнейшей религиозно-философской дисциплиной, пропитанной теологическими принципами и святоотеческими идеями. Она была уже в ранге «науки о душе человека», находилась на уровне европейских стандартов теологии и требовала дальнейших исследований и талантливых исследователей. Десятки людей духовно-академической среды работали в сфере этой молодой науки.

В свете вышеприведенного корпуса психологических творений лучших представителей российской психологии и религиозной философии, не удивительно, что на экзаменах по психологии студенты писали сочинение на тему: «Что такое личность в психологическом, метафизическом и нравственном значении этого слова?».

Из вышерассмотренного анализа концепций допустимо сделать вывод о том, что православная психология, в аспектах философских и религиозных категорий бытия и мышления, этики и эстетики занимала огромное место в духовно-академической школе КДА.

Литература

1. Архимандрит Феофан (в миру П.С. Авсенеv). Некролог. // Журнал Министерства Народного просвещения. Часть 77. 1853. – С. 101-108.
2. Гогоцкий С.С., Два слова о прогрессе. // Труды Киевской духовной академии. 1860. Т. 1.
3. Линицкий П.И., Обзор философских учений. – Киев: Типография С.Т. Еремеева, 1874. – 264 с.
4. Линицкий П.И., Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту. – Киев., 1881. – С. 1-292.
5. Линицкий П.И., Основные черты учения об Абсолютном // Вера и Разум: Отдел философский. 1889. № 17. – С. 197-217.
6. Малышевский И.И., Историческая заметка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие. // Труды Киевской Духовной Академии. 1869. № 11. – С. 64-138.
7. Феофан (Авсенеv)., архим. Из записок по психологии. // Сборник из лекций, бывших профессоров Киевской духовной академии архимандрита Иннокентия, протоиерея И.М. Скворцова, П.С. Авсенева (архимандрита Феофана) и Я.К. Амфитеатрова. – Киев.: Типография Киевского губернского управления, 1869. - XVI, 246 с.
8. Феофан (Авсенеv)., архим. Как должно отходить ко сну. // Воскресное чтение. 1839. № 30.
9. Бенеке Ф.Э. Руководство к воспитанию и учению: в 2 т. — СПб.: Типо-литография К. Сорванова и К, 1871-1872. – Т. 1 – 480 с., Т. 2. – 480 с.
10. Карус К.Г., Символика человеческого облика. Руководство к чело-векознанию // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII-XIX вв. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 1999. - С. 716-776.
11. Юркевич П.Д., Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – 670 с.

Наши авторы:

- Афанасьев** Валерий Владимирович – доктор политический наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. waleri777@mail.ru
- Бабаева** Загра Мамедовна - кандидат философских наук, кафедра международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.
- Блинова** Татьяна Викторовна - доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института аграрных проблем РАН. ruandre@mail.ru
- Былина** Светлана Геннадиевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук. svbylina@rambler.ru
- Вавилова** Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВПО Шадринский государственный педагогический институт paleotyp@yandex.ru
- Вершинина** Мария Игоревна - кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Военного университета Министерства обороны РФ. mv0709@gmail.com
- Дзутев** Хасан Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологических исследований СОИГСИ им. В.И.Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов СОГУ им.К.Л.Хетагурова, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований ИСПИ РАН. khasan_dzutsev@mail.ru
- Кравченко** Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenko@socio.msu.ru
- Масалков** Игорь Константинович - кандидат философских наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. home@home.soc.msu.su
- Новиков** Денис Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и связей с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. novikovdeniska@rambler.ru.
- Новоселова** Елена Николаевна - кандидат социологических наук, зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru
- Решетникова** Кира Викторовна - кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, факультет менеджмента, НИУ Высшая школа экономики. reshkv@mail.ru, kreshetnikova@hse.ru
- Саламин** Евгений Евгеньевич – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. kaizersal@mail.ru

- Сизинцев** Павел Васильевич - студент, Сретенская Духовная Семинария, sizinpash@yandex.ru.
- Синельников** Александр Борисович - кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru
- Соколова** Галина Николаевна - доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси». gnsok@cosmostv.by
- Сушко** Андрей Иванович - кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова. sushko@gmail.com
- Сушко** Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Титова** Юлия Михайловна - аспирантка Государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». ymt_info@mail.ru
- Цогоева** Фатима Бексолтановна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН и Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им.В.И.Абаева Владикавказского научного Центра РАН, г.Владикавказ. vesna_alania@list.ru
- Шувалова** Ольга Александровна - аспирантка географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

